

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – “Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки”)

Выходит 6 раз в год

ВЕСТНИК

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрязкина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
И.В. Кузнецова (отв. секретарь),
А.Г. Лошаков, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия),
М.Ю. Опенков, А.В. Петров, Р.Г. Пихоя,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал,
Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин,
П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
“Гуманитарные и социальные науки”

Т. 23,
№ 6 / 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Богомолов И.К.** «Обратить печатное слово в мощного союзника...»: проект премьер-министра И.Л. Горемыкина по преобразованию военной цензуры (1915)..... 5
- Паникар М.М.** Процессы трансформации международного Арктического региона: новые геополитические контуры..... 17
- Шайхисламов Р.Б.** Историческая память и современность: Башкортостан и Донбасс в годы Великой Отечественной войны..... 27

ЛИНГВИСТИКА

- Маршевская В.В.** Дифференциальные признаки глагольных фразеологизмов белорусского языка со значением деятельности и отношения..... 36
- Буркова Т.А.** Идеологические ойкодублеты в истории этносоциума..... 45
- Малагин Д.В., Курбанов И.А.** Метафорическое моделирование образа президента США Джо Байдена в англоязычном политическом медиадискурсе..... 55
- Илюхина Н.А.** Сдвиг фокуса внимания в проекции на язык и речь..... 66
- Павловская О.Е., Ильина Л.Е.** Энтропия текста как рассеивание смысла..... 77

ФИЛОСОФИЯ

- Аула Е.Р.** Феномен добровольчества в современном российском обществе (социально-философский анализ)..... 87
- Махаматов Т.М., Маматов М.А.** Диалектика освоения подрастающим поколением традиционных ценностей в условиях неоглобализации..... 95

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор
М.Г. Аверина

Ведущий редактор
А.В. Крюкова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Документовед
Е.В. Орёл

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17,
ауд. 1336
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 25.12.2023.
Бумага писчая. Формат 84×108 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 15,23. Уч.-изд. л. 13,50.
Тираж 1000 экз. Заказ № 8489.

Адрес типографии:
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2023

Характеров Н.О. Историческая реконструкция войны как игровая, научная и образовательная практика.....	105
Кочкин А.А. Трансгрессия как средство понимания границ форм занятий в образовательных организациях МВД России...	116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Голдин В.И. Национальный форум историков: состояние, актуальные проблемы и перспективы исторического образования и науки в России.....	125
Кудряшова Е.В., Базаркина В.П. Создание «Поморской энциклопедии» на Архангельском Севере: история, опыт и проблемы.....	130
Указатель статей, опубликованных в журнале в 2023 году.....	138
Наши рецензенты.....	141
К сведению авторов.....	143

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77-47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
I.V. Kuznetsova (Executive Secretary),
A.G. Loshakov, A.A. Medova,
J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, Yu.V. Popkov,
A.M. Prilutsky, A.V. Repnevsky,
K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
P. V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipsitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 23,
No. 6 / 2023

CONTENTS

HISTORY

- Bogomolov I.K.** "To Turn the Printed Word into a Powerful Ally...": The Project of Prime Minister I.L. Goremykin on the Transformation of Military Censorship (1915)..... 5
- Panikar M.M.** The Processes of Transformation of the International Arctic Region: New Geopolitical Contours..... 17
- Shaykhislamov R.B.** Historical Memory and Modernity: Bashkortostan and the Donbass During the Great Patriotic War... 27

LINGUISTICS

- Marsheuskaya V.V.** Differential Signs of Verbal Phraseological Units of the Belarusian Language with the Meanings of Activity and Relationship..... 36
- Burkova T.A.** Ideological Oikonym Variants in the History of Ethnic Communities..... 45
- Malagin D.V., Kurbanov I.A.** Metaphorical Representation of the Image of US President Joe Biden in the English-Language Political Media Discourse..... 55
- Iliukhina N.A.** Shift in the Focus of Attention Projected onto Language and Speech..... 66
- Pavlovskaya O.E., Il'ina L.E.** Text Entropy as Dispersion of Meaning..... 77

PHILOSOPHY

- Aula E.R.** Volunteerism in Contemporary Russian Society (Socio-Philosophical Analysis)..... 87
- Makhamatov T.M., Mamatov M.A.** Dialectics of Adopting Traditional Values by Children in the Conditions of Neo-Globalization..... 95

CONTENTS

Editor
M.G. Averina

Managing Editor
A.V. Kryukova

Translator
S.V. Biryukova

Document Manager
E.V. OreI

Make-up by
O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of Russian reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of science have to be published

Publisher's address:
nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:
nab. Severnoy Dviny 17, room 1336,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 25.12.2023.
Writing paper. Format 84x108 1/16.
Conv. printer's sh. 15,23.
Acad. publ. sh. 13,50.
Circulation 1000 copies. Order no. 8489.

Printer's address:
NArFU Publishing House named after V.N. Bulatov
ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2023

Kharakterov N.O. Historical Reenactment of War as a Game, Agonal and Educational Practice.....	105
Kochkin A.A. Transgression as a Way of Understanding the Boundaries of Types of Classes in the Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	116

ACADEMIC LIFE

Goldin V.I. National Forum of Russian Historians: Current State, Topical Issues and Prospects of Historical Education and Science in Russia.....	125
Kudryashova E.V., Bazarkina V.P. Compiling the <i>Pomor Encyclopaedia</i> in the Arkhangelsk Region: History, Experience and Challenges.....	130
Index of the Articles Published in the Journal in 2023.....	138
Our Peer-Reviewers.....	141
Information for Authors.....	143

БОГОМОЛОВ Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва). Автор 108 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8381-0284>

«ОБРАТИТЬ ПЕЧАТНОЕ СЛОВО В МОЩНОГО СОЮЗНИКА...»: ПРОЕКТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА И.Л. ГОРЕМЬКИНА ПО ПРЕОБРАЗОВАНИЮ ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ (1915)

В статье впервые публикуются всеподданнейший доклад Николаю II, составленный председателем Совета министров Российской империи И.Л. Горемыкиным, а также его письмо на имя военного министра А.А. Поливанова. Оба документа датируются декабрем 1915 года – временем относительного успокоения внутривластной и военной ситуации после «великого отступления» летом 1915 года, когда печать широко и резко критиковала правительство за провалы в организации снабжения армии и тыла. Видя в этом попытку расшатать государственные устои и возобновить борьбу за власть, премьер-министр с сентября 1915 года начал «контрнаступление» на прессу, заручившись поддержкой большинства членов Совета министров и царя. «Тихую» оппозицию составляли Военное министерство и, отчасти, Ставка Верховного Главнокомандующего, не желавшие вмешиваться через цензуру в политическое противостояние. В течение сентября–декабря Горемыкин подготовил всеподданнейший доклад, предполагавший значительное расширение полномочий цензоров, прежде всего в просмотре материалов газет и журналов. Фактически речь шла о воссоздании предварительной цензуры печати, существовавшей до 1905 года, но уже наделенной более широкими полномочиями и большей свободой действий. Получив одобрение Николая II, Горемыкин представил свой план Поливанову. Последний, однако, тянул с ответом и подготовил его, когда премьер-министр уже был отправлен в отставку. В новых условиях проект Горемыкина не был реализован полностью. Военная цензура ужесточалась непоследовательно и выборочно, что в итоге не только не успокаивало печать, но, напротив, усиливало раздражение и недовольство всего общества.

Ключевые слова: военная цензура, Временное положение о военной цензуре, Главная военно-цензурная комиссия, Главное управление по делам печати, И.Л. Горемыкин, А.А. Поливанов, Николай II.

*Адрес: 117418, Москва, Нахимовский просп., д. 51/21; e-mail: bogomolov@inion.ru

Для цитирования: Богомолов И.К. «Обратить печатное слово в мощного союзника...»: проект премьер-министра И.Л. Горемыкина по преобразованию военной цензуры (1915) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 5–16. DOI: 10.37482/2687-1505-V302

Внимание исследователей к истории развития цензуры после 1905 года на фоне подробного и всестороннего анализа столкновений известных русских писателей, издателей газет и журналов конца XIX – начала XX века с более ранней ее версией до настоящего времени было ощутимо скромнее. Особенно это касается темы цензуры в годы Первой мировой войны, однако указанный период оказал большое влияние на развитие российской революции, а также становление советской цензуры. Изучение данного вопроса по-прежнему актуально с учетом возрастающей роли информации в жизни общества и появления новых способов контроля над ней.

За последние 30 лет ситуация поменялась в лучшую сторону, однако неизученными остаются многие, зачастую весьма важные сюжеты эволюции царской цензуры накануне 1917 года. Среди них особое внимание стоит уделить попыткам ужесточения военной цензуры и фактического превращения ее в цензуру политическую. В данной статье предложение премьер-министра И.Л. Горемыкина рассмотрено как наиболее продуманный и последовательный проект. Он опирался на поддержку высших сановников и самого императора, однако так и не был реализован в полной мере.

20 июля 1914 года указом императора Николая II в России было введено «Временное положение о военной цензуре». Этот документ, подготовившийся еще с 1909 года [1], был принят в экстренном порядке в условиях стремительно приближавшейся Первой мировой войны. Согласно ему, территория империи делилась на зоны «полной» и «частичной» военной цензуры. В первом случае просматривались все газеты, журналы, фотографии, рисунки и эстампы, вся внутренняя и международная корреспонденция. Во втором – цензура касалась только международных телеграмм и писем, о цензуре печати в этой зоне во «Временном положении» речи не шло вовсе [2]. Тем не менее в документ

изначально были заложены «лазейки», дававшие возможность, во-первых, контролировать газеты и журналы в тылу, а во-вторых, не ограничиваться цензурой только военных материалов.

Первой и главной «лазейкой» стала статья 31 «Временного положения», позволявшая запрещать публикацию любых материалов, которые, «по мнению цензора, могут оказаться вредными для военных интересов государства»¹. Менее очевидным, но также важным ходом стало сохранение существовавших до войны комитетов, подведомственных Главному управлению по делам печати и Министерству внутренних дел (МВД). Во «Временном положении» прямо указывалось, что обязанности военных цензоров возлагаются на «местных должностных лиц, наблюдающих за печатью, и на чинов местных почтово-телеграфных учреждений». Могли привлекаться чиновники из других ведомств, за исключением судебного. И лишь «в необходимых случаях» в цензурной работе участвовали офицеры действительной службы². На практике их участие быстро сводилось к минимуму: офицеров призывали на фронт, их заменяли отставные и раненые, а затем – гражданские чины и женщины (первоначально в качестве «переводчиц» писем военнопленных). Наряду с военно-цензурными комиссиями (Главной и местными, при штабах военных округов), военная цензура осуществлялась теми же комитетами по делам печати, при Главпочтамте, Главном телеграфе, Петроградском телеграфном агентстве и местных почтово-телеграфных конторах.

С самого начала войны правительство (не только в Российской империи, но и в других воюющих государствах [3; 4]) использовало военную цензуру в политических целях и выходило за рамки «Перечня сведений, касающихся безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати, речах и докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается» [5]. С одной стороны, это было вызвано желанием

¹Временное положение о военной цензуре. Одесса: Тип. «Спорт и наука», 1914. С. 12.

²Там же. С. 9.

ограничить обсуждение в прессе тем, не связанных с войной, но вызывавших критику власти. Так появился, например, запрет публиковать материалы о Григории Распутине, «всякое упоминание о котором возбуждает население против существующего строя»³. С другой – гораздо больше было пограничных тем, связанных с войной опосредованно. В многочисленных циркулярах, инструкциях и предписаниях цензорам встречаются, например, запреты «всяких нападок» на почтовое ведомство, критики союзников России, обсуждения послевоенного устройства Польши и турецкой Армении, «окраинных и инородческих» вопросов⁴. Взаимоотношения местных властей и печати также основывались не столько на «Временном положении», сколько на местных особенностях и довоенных «традициях» [6]. Губернаторы и генерал-губернаторы, отделения полиции и жандармерии зачастую оказывали на прессу и цензоров большее влияние, чем местные инспекторы по делам печати и даже военно-цензурные комиссии, запрещая обсуждение самых разнообразных и мало связанных с войной тем⁵.

В первый год войны цензурная политика властей вызывала лишь глухое недовольство, однако «великое отступление» и политический кризис лета 1915 года резко изменили ситуацию [7]. В печати и с думской трибуны военная цензура подвергалась резкой критике за чрезмерную строгость и непоследовательность. На страницах газет и журналов появлялись материалы о проблемах снабжения, критическом положении армии, неустроенности тыла и неготовности промышленности к перестройке на «военные рельсы». Во многих сообщениях читалась скрытая, а часто и открытая критика правительства за неспособность организовать страну для достижения победы. В этих условиях произошло некоторое послабление

цензуры. Новый министр внутренних дел князь Н.Б. Щербатов, а в сентябре 1915 года – его преемник А.Н. Хвостов уверяли представителей печати, что введение политической цензуры не планируется, и выступали за более тесное взаимодействие власти и общества для победы в войне⁶. Думская оппозиция, прежде всего в лице кадетов, встретила эти высказывания с одобрением⁷. Одновременно заканчивалась подготовка законопроекта о военной цензуре, предполагавшего строгое ограничение цензуры рамками перечня запрещенных военных сведений [8].

Однако уже в августе 1915 года в политике правительства наметились изменения. На заседаниях Совета министров в это время высказывались идеи о необходимости усиления контроля над печатью и расширения власти военной цензуры на широкий круг политических вопросов [9, с. 280]. Такого мнения придерживались министры всех направлений, включая тех, кто выступал за более тесные контакты и конструктивную работу правительства с Думой. Но главным и наиболее последовательным сторонником усиления военной цензуры был премьер-министр И.Л. Горемыкин, для которого свобода печати в военное время была недопустима. В качестве «тихой» оппозиции выступал военный министр генерал А.А. Поливанов, еще в интервью прессе в июне 1915 года указывавший на необходимость строго ограничивать полномочия военной цензуры [10, с. 280]. Он считал, что его ведомство «должно быть вне политики», а военные чины не имеют права цензуровать статьи на политические темы. Не выступая открыто, Поливанов тем не менее твердо стоял на своей позиции и находил поддержку у командующего Петроградским военным округом генерала П.А. Фролова [11, с. 117]. Не помогли и попытки воздействия

³Рос. гос. воен.-ист. арх. (РГВИА). Ф. 13839. Оп. 1. Д. 3. Л. 83.

⁴Там же. Д. 5. Л. 7–8 об.

⁵Рос. гос. ист. арх. (РГИА). Ф. 1278. Оп. 5. Д. 584. Л. 59, 59 об.

⁶Беседа с кн. Н.Б. Щербатовым // Рус. слово. 1915. 12 июня; У нового министра // Биржевые вед. 1915. 27 сент.

⁷Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Петроград, 1915. Стб. 1069.

с помощью Щербатова, предлагавшего военному министру создать межведомственную комиссию для «принятия мер к прекращению дальнейшего агитационного влияния прессы на население»⁸. Поливанов согласился, но отметил, что, по указаниям Верховного Главнокомандующего, военная цензура «ограничивается исключительно вопросами, упомянутыми в перечне»⁹.

Дополнительным и весьма важным фактором служила циркулярная телеграмма Ставки № 2883 от 31 июля 1915 года. В ней обращалось внимание на «участившиеся случаи неправильных действий военной цензуры, указывающие на то, что далеко не все военные цензоры осведомлены о своих обязанностях и правильно их понимают, причем зачастую допускают произвол в своих отношениях к печати». Отныне они должны были руководствоваться только пределами названного перечня, а право, данное статьей 31, «отнюдь не должно никогда переходить в произвол». Особенно осторожное обращение с печатью «должно быть проявляемо ныне, когда вся Россия воодушевлена общим патриотическим настроением и готова сплотиться в общей совместной работе для достижения полной победы над врагом. Военной цензуре следует стремиться избежать нареканий, которые часто весьма справедливы»¹⁰.

Роспуск Думы 3 сентября 1915 года ознаменовал окончание короткого периода уступок ей со стороны правительства. Депутаты к этому моменту не успели закончить рассмотрение законопроекта о цензуре и представить его в Государственный совет, что де-факто продлеvalo на неопределенный срок действие «Временного положения». Понимая значение статьи 31 данного документа (исключавшейся в думском законопроекте), Горемыкин стремился с по-

мощью циркуляров закрепить и без того широкие полномочия цензоров, дав им прямые указания по просмотру политических материалов в прессе. На это требовалось согласие военного министра и Ставки, предпочитавших дистанцироваться от карательных мер в отношении печати. Однако поддержка Николая II возымела действие. 14 сентября 1915 года он в качестве Верховного Главнокомандующего при активном содействии премьер-министра отменил действие циркулярной телеграммы № 2883¹¹. После этого Горемыкин усилил давление на Поливанова, указывая, в частности, на появление в печати недопустимых сообщений о возможных перестановках в Совете министров¹².

7 декабря 1915 года премьер-министр направил царю всеподданнейший доклад, в котором доказывал необходимость более активного просмотра цензорами статей на внутри- и внешнеполитические темы, имевшие не меньшее влияние и значение для «военных интересов государства»¹³. Предлагалось прежде всего значительное повышение роли МВД, ведавшего делами не только печати, но и почты и телеграфов. В этом смысле резолюция Николая II на указанном документе удовлетворяла притязания Горемыкина. 14 декабря 1915 года он направил М.В. Алексееву письмо, в котором «во исполнение таковой монаршей воли» предложил Ставке более тесно взаимодействовать с МВД в вопросах военной цензуры¹⁴. Алексеев ответил лишь через неделю, но согласился с доводами премьер-министра, в частности признавая «желательным» увеличение числа цензоров за счет гражданских чинов¹⁵. 31 декабря 1915 года Горемыкин сообщил Поливанову о резолюции императора и ответе Алексеева, по-

⁸РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 35. Л. 170.

⁹Там же. Л. 193.

¹⁰Там же. Л. 115.

¹¹Там же. Л. 136.

¹²Там же. Л. 140.

¹³Там же. Д. 53. Л. 7–8 об.

¹⁴Там же. Л. 12–15.

ставив военного министра перед фактом того, что расширение полномочий военной цензуры неизбежно и ему придется выполнить повеление¹⁶. В архивах сохранился черновик ответа Поливанова, составленный в середине января 1916 года. В нем министр отказывался давать распоряжения печати вне театра военных действий и напоминал, что на зону «полной» военной цензуры его полномочия не распространялись¹⁷. 20 января 1916 года Горемыкин был отправлен в отставку, из-за чего начальник Генерального штаба генерал М.А. Беляев даже предлагал «пока обождать» с отправкой этого письма новому премьер-министру Б.В. Штюрмеру¹⁸.

Ответ все же был послан (с минимальными изменениями), т. к. план Горемыкина в общих чертах уже был одобрен царем и начал приводиться в исполнение в прифронтовых губерниях¹⁹. Однако вопрос о военной цензуре в тылу вновь повис в воздухе. Штюрмер пошел на уступки печати в вопросе о «белых пятнах» на газетных полосах²⁰, запретить которые Горемыкин намеревался в январе 1916 года²¹. Кроме того, в феврале возобновила работу Дума, предполагавшая принять закон о военной цензуре, не до конца рассмотренный летом 1915 года. По этим причинам план Горемыкина «сжать печать» (выражение цензора А.А. Сидорова²²) не был реализован в полной мере. Из-за затянувшегося рассмотрения закона Думой и Государственным советом «Временное положение» продолжило действие в 1916 году. В условиях углублявшегося политического кризиса цензурные запреты не давали желаемого эффекта, а лишь усиливали недовольство печати и обще-

ства, став значимым фактором приближения революционного взрыва.

В качестве приложения к статье приведены всеподданнейший доклад И.Л. Горемыкина Николаю II, а также подлинник письма И.Л. Горемыкина А.А. Поливанову. Оба документа найдены в Российском государственном военно-историческом архиве, в фонде № 13835 (Главная военно-цензурная комиссия). Текст документа приводится без сокращений. Подчеркивания в тексте были сделаны авторами документов. Сохранены стилистические особенности, орфография и пунктуация приближены к современным нормам русского языка.

Приложение № 1
Всеподданнейший доклад И.Л. Горемыкина
Николаю II, 7 декабря 1915 г.

На подлинном Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертано: «Поручаю председателю Совета Министров условиться о нужных мерах с начальником моего Штаба и доложить мне о последовавших по подлежащим ведомствам распоряжениях. Придаю значение также и более близкому участию Мин[истерст]ва Внутренних Дел в работе военной цензуры».

Скрепил: Председатель Совета Министров, Статс-Секретарь Горемыкин.

Верно: Управляющий делами Совета Министров И. Лодыженский

По вопросу о постановке надзора за поврежденною печатью

За время текущей войны в некоторой части нашей печати неоднократно наблюдались попытки широко использовать для противоправи-

¹⁵РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 53. Л. 16, 16 об.

¹⁶Там же. Л. 3–7.

¹⁷Там же. Л. 27–29.

¹⁸Там же. Л. 27.

¹⁹Там же. Л. 30.

²⁰Там же. Д. 57. Л. 6.

²¹Там же. Л. 1.

²²Сидоров А.А. Из записок московского цензора // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 107.

тельственной проповеди созданное военными обстоятельствами и усложнившимися хозяйственными условиями внутреннее положение в стране. Под покровом громких призывов к единению во имя победы, день за днем в общественное сознание внедрялось убеждение о своевременности борьбы за власть. Деятельность, намерения, взгляды, мероприятия правительства, в целях колебания его авторитета, подвергались самым беззастенчивым толкованиям, вплоть до распространения заведомо ложных слухов и различных измышлений. Совокупностью решительных распоряжений дальнейшее развитие угрожающей государственному порядку работы печати было пресечено. Но верные тем или иным партийным домогательствам газеты так называемого оппозиционного направления продолжают и доныне, если не открыто, то путем всевозможных обходных приемов, подогревать в населении тревожные настроения и готовы учесть малейшее послабление для новых агитационных происков.

Ныне Россия вступила в исключительную пору своего исторического бытия. Враг дерзнул проникнуть в наши пределы. После зимнего боевого затишья предстоит решающая борьба за честь и благо родины, за самостоятельную жизнь связавших с нами свою судьбу народов. К этим великим дням, для обеспечения конечного торжества, должны быть собраны, сосредоточены и напряжены все силы, вся мощь страны. Перед лицом такой необходимости не может быть места ни узкопартийным стремлениям, ни взаимному недоверию, ни каким-либо иным подобным проявлениям, способным тормозить общий объединенный труд для приготовления победы. Призванное ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ к ответственному служению в грозную годину войны, к руководительству внутреннею жизнью государства, правительство должно быть – и в его целом, и в отдельных его представителях – ограждено от рассчитанных на расшатывание его авторитета посягательств, от мешающих спокойной его работе покушений.

В такой обстановке приобретает особливое важное значение вопрос о деятельности печати, обладающей, при распространении газетного листа и проникновении его во все слои населения, огромным влиянием на общественное сознание. Деятельность эту, во имя велений суровой военной необходимости, следовало бы поставить в такие условия, которые предупредили бы возможность обращения печатного слова во вред потребностям данной исключительной минуты. Разрешение таковой задачи неосуществимо на почве общих законоположений о печати, построенных на началах почти полной ее свободы, особенно в области общественно-политических вопросов. Единственный для этого путь – неуклонное применение тех чрезвычайных полномочий, которые, по военным обстоятельствам, присвоены надлежащим военным и гражданским властям. В этом отношении, как убеждает опыт, до сих пор не установилось еще той общности взглядов и действий, которая является неременным залогом для планомерного достижения намеченной цели.

В связи с войною отдельные части Империи разделяются в порядке управления на местности: 1) входящие в район театра военных действий; 2) состоящие на военном положении, но не включенные в район театра войны, и 3) находящиеся на положении чрезвычайной охраны. На пространствах первых (в их числе Петроград) действует всецело власть Верховного Командования, во вторых (в числе их Москва) – Военного Министра и в третьих – Министра Внутренних Дел, чрез Главноначальствующих.

В местностях, входящих в район театра военных действий, введена военная цензура в полном объеме, согласно Положению о которой печатные произведения подвергаются предварительному, до выпуска в свет, просмотру, при этом, по силе статьи 31 того же Положения, военным цензорам вменяется в обязанность не допускать к опубликованию путем печати всякого рода сведений, которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства. При наличии

приведенных постановлений поддержание правильного надзора за повременными изданиями требует главным образом усвоения военно-цензурными учреждениями того начала, что понятие «военных интересов государства» не ограничивается тесными пределами соблюдения военной тайны, что оно несовместимо с появлением в печати всяких сведений, статей, сообщений и рассуждений, которые способны создавать ослабляющее не только внешнюю, но и внутреннюю мощь страны настроения и подрывать доверие к поставленным ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ властям. Само собою разумеется, однако, для военного начальства было бы обременительно входить в каждом отдельном случае в подробную оценку газетного материала с общеполитической точки зрения. Поэтому представлялось бы желательным закрепить более близкого участия в работе военной цензуры Министерства Внутренних Дел, вполне, по-видимому, осуществимое по действующему Положению о таковой цензуре. Соответственные руководящие указания, а равно некоторые необходимые для согласования и взаимодействия военной и гражданской власти распоряжения могли бы последовать по соглашению Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего с Председателем Совета Министров.

Вне района театра войны военная цензура не обладает правом предварительного просмотра предназначенных к выпуску в свет произведений тиснения. В этих местностях борьба со злоупотреблениями печатным словом возможна в порядке непосредственного взаимодействия на редакторов и издателей. Особые полномочия местной власти, по военному положению и по положению о чрезвычайной охране, достаточно широки. Едва ли могут быть сомнения в том, что угроза, например, приостановки издания или высылки упорствующих за пределы губернии представляется весьма серьезною и побуждает деятелей печати внимательно относиться к предъявляемым им требованиям. Важно только, чтобы в данном случае повсеместно проводились согласованность и последовательность

действий. В таком смысле общее руководство должно исходить от Министров Военного и Внутренних Дел, по принадлежности.

Докладывая изложенные общие соображения и не дерзая утруждать ВЫСОЧАЙШЕЕ внимание изъяснением подробностей желательных, для отвечающей современной обстановке организации надзора за печатью, мероприятий, всесторонне разработанных в прилагаемой справке о суждениях образованного при Главном Управлении по делам печати частного совещания, приемлю долж, ввиду необходимости объединения распоряжений военной и гражданской власти, всеподданнейше испрашивать ВЫСОЧАЙШИХ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указаний о дальнейшем направлении настоящего дела.

Подписал: Председатель Совета Министров, Статс-Секретарь Горемыкин.

7 декабря 1915 года.

(РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 53. Л. 9, 9 об., 10, 10 об., 11. Заверенная копия, машинопись.)

Приложение № 2

**Письмо И.Л. Горемыкина А.А. Поливанову,
31 декабря 1915 г.**

31 декабря № 14618.

Председатель Совета Министров. Его выс[о]к[о]превосходительств[у] А.А. Поливанову.

Совершенно доверительно.

В предшествующей переписке моей с бывшим военным министром, генерал-адъютантом [В.А.] Сухомлиновым и с Вашим Высокопревосходительством я неоднократно отмечал настоятельную необходимость поддержания бдительного надзора за повременную печатью для предупреждения возможности использования ее в качестве оружия для недопустимой в условиях войны противоправительственной проповеди и возбуждения политических страстей. К сожалению, в этой области, как убеждает опыт истекших семнадцати месяцев, не установилось должной устойчивости и однообразия практики. В данном случае сказывались, с одной стороны, недостаточная согласованность в понимании существа возлагаемых переживаемыми событиями на военную цензуру обще-

государственных обязанностей, а с другой – рассредоточение заведывания делом печати и наличием нередко взаимно исключаящих распоряжений, исходивших от прикосновенных властей. Отрицательные последствия такого положения особенно выпукло проявились минувшим летом, когда политическая агитация некоторых изданий приняла крайне резкое направление и вносила в общественное сознание, встревоженное временными военными неудачами, опасное разложение. Между тем, при планомерном применении полномочий военной цензуры и исключительных узаконений, подобные последствия могли бы быть заранее предотвращены и деятельность печатного слова была бы удержана в тех рамках, которые отвечают требованиям спокойного течения жизни тыла.

Вопрос об установлении надлежащего надзора за печатью послужил предметом всестороннего обсуждения в состоявшемся под председательством временно исполняющего должность Начальника Главного Управления по делам печати частном совещании, заключения коего изложены в доставленной мне Министром Внутренних Дел справке. Справка эта повергнута была мною на ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благоволение при особом моем всеподданнейшем докладе, в коем я счел своим верноподданническим долгом высказать, что в настоящее время, когда Россия готовится к решающей борьбе с проникшим в ее пределы врагом, когда для обеспечения конечного торжества должны быть собраны, сосредоточены и напряжены все силы, вся мощь страны, не может быть места ни узкопартийным стремлениям, ни взаимному недоверию, ни каким-либо иным подобным проявлениям, способным тормозить общий объединенный труд для приготовления победы, и что поэтому, при присущем печати широком влиянии на общественное самосознание, существенно важным представляется поставить ее деятельность в согласные с велениями суровой необходимостью границы. На таковом докладе моем ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было, 8 декабря 1915 года, собственноруч-

но начертать: «Поручаю председателю Совета Министров условиться о нужных мерах с начальником моего Штаба и доложить мне о последовавших по подлежащим ведомствам распоряжениях. Придаю значение также и более близкому участию Мин[истерст]ва Внутренних Дел в работе военной цензуры».

Во исполнение таковой монаршей воли я сообщил Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего в письме от 14 декабря 1915 года за № 13984 соображения мои о мерах, которые, согласно с заключением вышеупомянутого совещания, могли бы быть приняты в целях обеспечения должного взаимодействия военной и гражданской власти в поддержании надзора за печатью с точки зрения общегосударственных потребностей переживаемого времени. Письмом от 22-го того же месяца, за № 6785, генерал-от-инфантерии [М.В.] Алексеев уведомил меня, что, вполне соглашаясь с намеченными мною в общих чертах предположениями, он сделает, по получении плана согласованных действий по всем ведомствам, соответственные распоряжения по военной цензуре на театре военных действий. С тем вместе Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего заявил, что, по его мнению, помимо тех больших средств, которые имеются, чтобы взять печать в руки, существенно важно представляется организация нравственного на нее воздействия, дабы обратить печатное слово в мощного союзника и привлечь к общей работе по укреплению власти, усилению армии и к борьбе с врагом. Всецело присоединяясь, со своей стороны, к этому последнему пожеланию генерала-от-инфантерии Алексеева и обращаясь к вопросу о дальнейших действиях в отношении надзора за печатью, я полагаю, что план таковых действий мог бы выразиться, сообразно с ответственностью данной местности, в нижеследующем:

1. На театре военных действий:

1) Преподать по военно-цензурным установлениям руководящие разъяснения о существе и объеме возлагаемых на военных цензоров статьею 31 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 20 июля 1914 года Временного Положения о военной цензуре особых обязанностей по над-

зору за печатью (проект соответственного циркуляра прилагается).

2) Предоставить Министру Внутренних Дел [право] сообщать Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего: а) вопросы и сведения, не подлежащие, по общеполитическим соображениям, допущению военною цензурою к оглашению в печати, и б) пожелания о применении к тому или иному, проявляющему несовместимое с особыми условиями переживаемого времени направление, изданию репрессивных мер в виде приостановления этого издания, закрытия типографии или высылки издателя, редактора либо сотрудника из района театра военных действий.

3) Предоставить Министру Внутренних Дел [право] войти в соглашение с Начальником Штаба Верховного Главнокомандующего об организации военно-цензурных установлений на театре войны с привлечением к более близкому участию в них чинов Министерства Внутренних Дел и других гражданских ведомств, в согласность с постановлениями статей 20, 21 и 24 Временного Положения о военной цензуре.

4) Предоставить Министру Внутренних Дел [право] сообщать подлежащим, ведающим военно-цензурными установлениями данной местности района театра войны, военным властям (Вр[еменное] Пол[ожение], ст. 14) о необходимости наложения на то или иное издание, усваивающее нежелательное в общеполитическом отношении направление, – штрафа, либо подчинении его во всей строгости правилам предварительного просмотра в порядке соответственных постановлений глав IV и V Временного Положения 20 июля 1914 года; в случае каких-либо сомнений по существу заявленной Министром Внутренних Дел меры, подлежащий военный начальник представляет о сем Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего²³.

2. Вне театра военных действий:

1) Предоставить Министрам Военному и Внутренних Дел, по принадлежности, преподать главным начальникам местностей, состо-

ящих на военном положении и на положении чрезвычайной охраны, руководящие указания об обязательности неуклонного надзора за деятельностью местной печати в целях предупреждения развития грозящей общественному порядку и спокойствию агитации, с применением к проявляющим несоответственное направление изданиям во всей строгости особых, предусмотренных законом мер воздействия вплоть до высылки упорствующих лиц из данного района.

2) Предложить названным главным местным начальникам указывать редакторам и издателям печатных органов о недопустимых, согласно получаемым от Министра Внутренних Дел распоряжениям, к оглашению в печати вопросов и сведений, с применением к несоблюдающим таковых указаний лицам соответственных карательных мер (п[ункт] 1).

3) Преподать военно-цензурным установлениям указания о необходимости строгого наблюдения за появляющимся в печати материалом с точки зрения статьи 30 опубликованного 31 июля 1915 года Перечня (Собр[ание] Узак[онений], т. 1710), касающейся оглашения сведений о предположениях, постановлениях и мероприятиях по Совету Министров, как связанных с чрезвычайными расходами на потребности военного времени, так равно вызываемых военными обстоятельствами.

4) Предложить упомянутым в пункте 1 главным местным начальникам издать, в порядке военного положения или положения о чрезвычайной охране, распоряжения об изъятии дел о нарушении действующего Перечня (Собр[ание] Узак[онений], т. 1710) из общей подсудности и о разрешении, в подлежащих случаях таковых дел, в административном порядке.

5) Предоставить Министру Внутренних Дел подвергнуть, в установленном порядке, пересмотру указанный в предыдущем пункте (4) Перечень в целях согласования его с изменившимися

²³Рядом на полях надпись Поливанова: «Я не понимаю, на чем будут основываться действия военной власти?»

условиями в связи с рождением отражающихся и на военных интересах затруднений в продовольствии, топливе, снабжении заводов сырьем и т. п.

3. Общие мероприятия:

1) Предоставить Министру Внутренних Дел войти в соглашение с Главными Начальниками ведомств о назначении особых лиц, которые являлись бы представителями ведомственных интересов в рассмотрении касающихся печати вопросов и, находясь в постоянном общении с Главным Управлением по делам печати, указывали бы последнему на неподлежащие с точки зрения этих интересов оглашению сведения; в случаях необходимости представители могли бы созываться на совещания.

2) Вменить военным цензурным установлениям на театре войны и вне его, а также главным начальникам местностей, состоящих на военном положении и на положении чрезвычайной охраны, в обязанность безотлагательно сообщать Министру Внутренних Дел о всех случаях наложения административных взысканий и о привлечении к судебной ответственности органов печати с точным обозначением названия и номера издания, заглавия вызвавшей карательную меру статьи и сущности самой кары.

Переходя, наконец, к заявленному генералом-от-инфантерии Алексеевым пожеланию о нравственном воздействии на печать, я полагал бы, что в этих целях представлялось бы полезным обратиться к деятелям печатного слова с особым воззванием, в котором следовало бы изъяснить исключительную важность приближающихся событий, обязывающую всех верных сынов родины сплотиться вокруг общего знамени во имя скорейшей полной победы над врагом и призвать печать к использованию своего влияния на общественное самосознание для патриотического служения делу единения и сплочения всех классов населения; в минуту великой решающей борьбы за честь и безопасность государства печать должна забыть партийную рознь, социальные домогательства, противоположение классовых интересов и своею дружною работою укреплять в народе бодрость, веру в свои силы и готовность к жертвам ради общего блага. И с

тем вместе должно быть отмечено, что правительственная власть будет неуклонно наблюдать за деятельностью печатного слова и, в случае не отвечающих потребностям военного времени проявлений, применять во всей строгости предоставленные ей чрезвычайные полномочия; можно, однако, выразить уверенность, что наша печать, как в другие исторические минуты русской истории, окажется на высоте своего призвания и исполнит свой долг перед отечеством, не ставя власть перед необходимостью прибегать к карательным действиям. Таковое обращение могло бы последовать: на театре военных действий – от Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, в районе военного положения – от Военного Министра и в прочих местностях Империи – от Министра Внутренних Дел. Если мысль эта не встретит возражений, то проект соответственного воззвания будет своевременно изготовлен и сообщен подлежащим ведомствам.

Изложенные соображения мои долгом считаю сообщить Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою не отказать почтить меня в возможно непродолжительном времени заключением Вашим по существу таковых соображений, поскольку они касаются предметов ведения и общих интересов ВЫСОЧАЙШЕ вверенного Вам ведомства. По получении такового заключения и по согласовании его с отзывами Главных Начальников прикосновенных ведомств будет разработан окончательный план действий военной и гражданской власти в отношении надзора за печатью, который я не премину препроводить к Вам, Милостивый Государь, для зависящих, в чем следовать будет, распоряжений. Обязываюсь присовокупить, что, в целях всестороннего рассмотрения вопроса о преднамеченном пополнении личного состава военной цензуры гражданскими чинами, представлялось бы своевременным ныне же возобновить деятельность преуказанного Советом Министров, в заседании 23 сентября 1915 года, особого для этой цели междуведомственного совещания.

При сем препровождаются: список со всеподданейшего моего доклада от 7 декабря

1915 года и копии письма моего на имя Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, от 14 того же месяца, за № 13984, от ответного отзыва генерала-от-инфантерии Алексеева, от 22 текущего декабря, за № 6785.

Примите, Милостивый Государь, уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

И. Горемыкин.
(РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 53. Л. 3–8 об. Подлинник, машинопись.)

Список литературы

1. Богомолов И.К. Временное положение о военной цензуре: проект 1910 г. // Соц. и гуманит. науки. Оте-честв. и зарубеж. лит. Сер. 5: История. 2022. № 3. С. 7–24. DOI: [10.31249/rhist/2022.03.01](https://doi.org/10.31249/rhist/2022.03.01)
2. Блохин В.Ф. Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый ист. вестн. 2019. № 3(61). С. 29–43. DOI: [10.24411/2072-9286-2019-00018](https://doi.org/10.24411/2072-9286-2019-00018)
3. Устинова Ю.Н. Военная цензура в России и Германии в 1914–1917 годы // Унив. науч. журн. 2022. № 70. С. 45–53. DOI: [10.25807/22225064_2022_70_45](https://doi.org/10.25807/22225064_2022_70_45)
4. Demm E. *Censorship and Propaganda in World War I: A Comprehensive History*. London: Bloomsbury Academic, 2019. 348 p.
5. Батулин П.В. Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. // Ленингр. юрид. журн. 2012. № 4(30). С. 152–165.
6. Алферова И.В. Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны (на материалах Великого княже-ства Финляндского) // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2022. № 4(54). С. 7–15.
7. Гайда Ф.А. Правительство и оппозиция в России накануне Февраля 1917 г.: к вопросу о возможности диалога // Тр. по руссиеведению. 2018. Т. 7. С. 48–57.
8. Богомолов И.К. Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Рос. история. 2022. № 4. С. 96–117.
9. Сысоева Л.Н. Совет министров Российской империи во второй половине 1915 г.: функционирование и противоречия // Изв. Воронеж. гос. пед. ун-та. 2021. № 2(291). С. 140–146. DOI: [10.47438/2309-7078_2021_2_140](https://doi.org/10.47438/2309-7078_2021_2_140)
10. Бей Е.В. Военный министр А.А. Поливанов – «генерал от политики». М.: Eheritus, 2020. 591 с.
11. Тяжелые дни. Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г. // Архив русской ре-волюции. Т. XVIII. Берлин, 1926. С. 5–136.

References

1. Bogomolov I.K. Vremennoe polozhenie o voennoy tsenzure: proekt 1910 g. [Provisional Regulations on Military Censorship: Version 1910]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5: Istoriya*, 2022, no. 3, pp. 7–24. DOI: [10.31249/rhist/2022.03.01](https://doi.org/10.31249/rhist/2022.03.01)
2. Blokhin V.F. Voennaya tsenzura Minskogo voennogo okruga i nachalo Pervoy mirovoy voyny [Military Censorship in the Minsk Military District and the Beginning of the First World War]. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2019, no. 3, pp. 29–43. DOI: [10.24411/2072-9286-2019-00018](https://doi.org/10.24411/2072-9286-2019-00018)
3. Ustinova Yu.N. Voennaya tsenzura v Rossii i Germanii v 1914–1917 gody [Military Censorship in Germany and Russia in 1914–1917]. *Universitetskiy nauchnyy zhurnal*, 2022, no. 70, pp. 45–53. DOI: [10.25807/22225064_2022_70_45](https://doi.org/10.25807/22225064_2022_70_45)
4. Demm E. *Censorship and Propaganda in World War I: A Comprehensive History*. London, 2019. 348 p.
5. Batulin P.V. Perechni voennoy tsenzury 1912–1923 gg. [Lists of Military Censorship 1912–1923]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2012, no. 4, pp. 152–165.
6. Alferova I.V. Voенно-tsenzurnye praktiki v gody Pervoy mirovoy voyny (na materialakh Velikogo knyazhestva Finlyandskogo) [Military Censorship Practices During the First World War (on the Materials of the Grand Duchy of Finland)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 4, pp. 7–15.
7. Gayda F.A. Pravitel'stvo i oppozitsiya v Rossii nakanune Fevralya 1917 g.: k voprosu o vozmozhnosti dialoga [Government and Opposition in Russia on the Eve of February 1917: To the Question of the Possibility of Dialogue]. *Trudy po rossievedeniyu*, 2018, vol. 7, pp. 48–57.
8. Bogomolov I.K. Gosudarstvennaya дума i tsenzurnaya politika v gody Pervoy mirovoy voyny [The State Duma and Censorship Policy in Imperial Russia During the First World War]. *Rossiyskaya istoriya*, 2022, no. 4, pp. 96–117.

9. Sysoeva L.N. The Council of Ministers of the Russian Empire in the Second Half of 1915: Functioning and Contradictions. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2021, no. 2, pp. 140–146 (in Russ.). DOI: [10.47438/2309-7078_2021_2_140](https://doi.org/10.47438/2309-7078_2021_2_140)

10. Bey E.V. *Voennyy ministr A.A. Polivanov – “general ot politiki”* [Minister of War A.A. Polivanov as a “Political General”]. Moscow, 2020. 591 p.

11. Tyazhelye dni. Sekretnye zasedaniya Soveta ministrov 16 iyulya – 2 sentyabrya 1915 g. [The Hard Days. Secret Meetings of the Council of Ministers, 16 July – 2 September 1915]. *Arkhiv russkoy revolyutsii* [Archives of the Russian Revolution]. Vol. 18. Berlin, 1926, pp. 5–136.

DOI: 10.37482/2687-1505-V302

Igor’ K. Bogomolov

Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS;
Nakhimovskiy prospekt 51/21, Moscow, 117418, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-001-8381-0284> e-mail: bogomolov@inion.ru

“TO TURN THE PRINTED WORD INTO A POWERFUL ALLY...”: THE PROJECT OF PRIME MINISTER I.L. GOREMYKIN ON THE TRANSFORMATION OF MILITARY CENSORSHIP (1915)

This article for the first time presents a report to Nicholas II compiled by Chairman of the Council of Ministers of the Russian Empire I.L. Goremykin and his letter to Minister of War A.A. Polivanov. Both documents date back to December 1915, a period of relative political and military tranquility in the country after the Great Retreat in the summer of 1915, when the press widely and sharply criticized the government for failures to supply the army and the home front. Seeing it as an attempt to shake the foundations of the state and resume the struggle for power, Goremykin, having enlisted the support of both the majority of the Council of Ministers and the tsar, launched in September 1915 a “counterattack” on the press. The “quiet” opposition was made up of the War Ministry and, in part, the Stavka of the Supreme Commander, who were unwilling to interfere in the political struggle through military censorship. During September–December, Goremykin prepared a report to Nicholas II suggesting a significant expansion of the censors’ powers, primarily in terms of inspecting the materials of newspapers and magazines. Essentially, this implied recreating the precensorship of the press, which had existed before 1905, but already had broader powers and greater freedom of action. Having received the approval of Nicholas II, the prime minister presented his plan to Polivanov. The latter, however, took his time and produced a reply when Goremykin had already been dismissed. In the new conditions, Goremykin’s project was not fully implemented. Military censorship was tightened, however inconsistently and selectively, which not only failed to calm the press, but, instead, increased the irritation and discontent within society as a whole.

Keywords: *military censorship, Provisional Regulations on Military Censorship, Chief Military Censorship Commission, Chief Administration for Press Affairs, I.L. Goremykin, A.A. Polivanov, Nicholas II.*

Поступила 05.06.2023
Принята 19.11.2023
Опубликована 25.12.2023

Received 5 June 2023
Accepted 19 November 2023
Published 25 December 2023

For citation: Bogomolov I.K. “To Turn the Printed Word into a Powerful Ally...”: The Project of Prime Minister I.L. Goremykin on the Transformation of Military Censorship (1915). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta*. Ser.: *Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 5–16. DOI: 10.37482/2687-1505-V302

УДК [32+327(98)]:94(4)

DOI: 10.37482/2687-1505-V310

*ПАНИКАР Марина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 28 научных публикаций, в т. ч. одной монографии**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4504-8924>

ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА: НОВЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ

В статье предпринята попытка анализа международного Арктического региона в период от завершения холодной войны до настоящего времени. Автор выделяет два основных этапа, которые отличаются разной логикой выстраивания отношений между региональными державами. Особое внимание уделяется трансформации теоретических подходов к понятию «регион», характеризующейся смещением акцентов от территориального принципа, определяющего регион как конкретную территорию, к пространственному, в основе которого лежат функциональные признаки. Это позволяет объяснить процессы, происходившие в Арктике после завершения холодной войны, когда данная территория представляла собой формирующийся глобальный регион. В статье также подчеркивается уникальность Арктики, которая обусловлена влиянием стремительного изменения климата на ее геополитическое позиционирование. Анализируются причины смены логики развития международных процессов в Арктике от идеи глобального региона, характеризующегося интенсивным международным сотрудничеством, к геополитическому противостоянию. Основную причину автор склонен трактовать через призму системного подхода: в результате перегруппировки элементов в системе международных отношений из-за формирования новых полюсов силы возникают противоречия с мировым гегемоном, что ведет к перераспределению сил. Особенностью подсистемы международных отношений в Арктике также можно назвать и конфигурацию региональных игроков, когда 7 стран создают противовес 8-ой арктической державе. Это наглядно демонстрируется через деятельность НАТО в регионе и блокировку участия Российской Федерации во всех форматах регионального взаимодействия. Постепенное уклонение стран Арктики от взаимодействия с Россией в прежней парадигме также может объясняться ростом их государственного эгоизма.

Ключевые слова: Арктика, глобальный регион, международное сотрудничество, изменение климата, международная конфронтация, украинский кризис.

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: m.panikar@narfu.ru

Для цитирования: Паникар М.М. Процессы трансформации международного Арктического региона: новые геополитические контуры // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 17–26. DOI: 10.37482/2687-1505-V310

Введение

Еще некоторое время назад при анализе Арктики как международного региона для характеристики уровня политического доверия и международного сотрудничества использовались такие речевые обороты, как «территория диалога» и «общие интересы для обеспечения стабильности в Арктике». В своей статье профессор Л. Хейнинен, рассуждая в терминах критической геополитики, делал акцент на Арктике как «пространстве самобытности, знаний, коренного населения и растущей озабоченности состоянием окружающей среды и климата как геополитическими факторами» [1, с. 217]. Однако события последних нескольких лет позволяют предположить, что логика происходящих в этом регионе процессов претерпевает качественную трансформацию.

Целью настоящей статьи является попытка анализа Арктики как многослойного геополитического пространства, подчиненного множественности влияющих на него факторов. Международно-политическое развитие региона рассматривается через изучение двух хронологически последовательных этапов, определяющих логику происходящих в регионе процессов и влияние на них глобальных тенденций.

Анализируемые явления и подходы достаточно широко представлены как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. Так, проблема изучения концепта «регион» имеет длительную исследовательскую традицию. Эволюционируя от понимания региона как географической территории до многофункционального пространства, выходящего за ее пределы, данный термин получил глубокое осмысление [2–4]. Эта трансформация исследовательских подходов детально представлена М.К. Лагутиной [5]. Автор выводит понятие глобального региона, обладающего набором конкретных характеристик, отражающих динамику мировых политических процессов.

Работы, посвященные изучению Арктики как международного региона, формируют активно развивающееся исследовательское направление. Среди публикаций российских уче-

ных, занимающихся проблемами международных отношений в Арктике, можно выделить труды А.А. Сергунина, В.Н. Конышева [6–9], В.И. Голдина [10–12], Ю.Ф. Лукина [13; 14], А.Н. Пилясова [15] и др., а также коллективные издания [16–18]. Зарубежные исследователи тоже не обделяют вниманием данную проблематику. В частности, их труды представлены как в виде коллективных работ [19–21], так и формате авторских статей и монографий [22–24].

В качестве источниковой базы при подготовке статьи были привлечены опубликованные документы и заявления официальных представителей Министерства иностранных дел Российской Федерации (РФ), концептуальные документы, касающиеся арктического вектора внешней политики Соединенных Штатов Америки (США), Китая и Индии, а также совместные заявления ряда стран Арктического региона.

Формирование

глобального Арктического региона: тенденции и специфика

Рассуждая об Арктике как международном регионе, в первую очередь необходимо обратиться к теоретическому осмыслению понятия «регион». Известно множество сменяющих друг друга и сосуществующих одновременно подходов и трактовок данного теоретического концепта. Именно поэтому к настоящему времени отсутствует унифицированное понятие региона, а каждый ученый трактует его в определенной исследовательской парадигме. Все их многообразие – от традиционных трактовок региона как территории, характеризующейся географической близостью [25, с. 353], культурной однородностью, «региональной консолидацией» (regionness) [4, с. 457–474], до концептуальных трактовок, таких, например, как «глобальный регион» [5, с. 92], – отражает плюрализм восприятия данного понятия в качестве некоего исследовательского конструкта.

Традиционно Арктика определялась в географических терминах – как физико-географический регион, примыкающий к Северному полюсу и обладающий схожими с ним природно-климатическими характеристиками. Впоследствии на

них наслоились социальный, исторический, этнический, культурный, экономический и политический пласты, сформировав тем самым многомерное пространство современной Арктики с устойчивой внутренней структурой и связями.

Процесс трансформации «старого регионализма», рассматривавшего опыт европейской интеграции как универсальный, применимый на всех континентах, в «новый регионализм», признающий многообразие типов регионализации, значимую роль негосударственных акторов и социальное конструирование регионов, все более отчетливо проявлялся и в региональном измерении Арктики. В результате этой трансформации происходило смещение акцентов от *территориального* принципа, определяющего регион как конкретную территорию, к *пространственному*, в основе которого лежат функциональные признаки. Такой процесс по созданию многоуровневого пространства региональной интеграции в Арктике получил развитие с начала 90-х годов XX века через наполнение данного пространства функциональным смыслом – международным сотрудничеством, в основе которого было положено объединение усилий по научному изучению региона. Это проявилось в создании в 1990 году первой региональной неправительственной организации с участием Союза Советских Социалистических Республик (СССР) – Международного арктического научного комитета, запуске Рованиемского процесса (1991), последующем создании Совета Баренцева/Евроарктического региона (1993) и Арктического совета (1996). Одним из основных мотивов создания международного региона нового типа стала необходимость объединения региональных и внерегиональных акторов в целях «ответа» на возникающие «вызовы внешней среды» (термины А. Тойнби [26]). В случае Арктики можно утверждать, что такими «вызовами» стали стремительно меня-

ющийся климат, необходимость сохранения хрупкой экосистемы региона и предотвращения чрезвычайных экологических ситуаций. Также можно отметить и тот факт, что экологическая повестка и проблематика защиты окружающей среды Арктики были наиболее «подходящими» для начала международного сотрудничества на заключительном этапе холодной войны и позволяли найти «общие ценности» для бывших геополитических противников. Региональное измерение новой внешнеполитической линии СССР в Арктическом регионе получило свое оформление в конкретных программных решениях в октябре 1987 года. Из 6 «мурманских инициатив» М.С. Горбачева две предполагали развитие сотрудничества государств региона в области научного освоения Арктики и охраны ее окружающей среды. В своей речи советский лидер фактически пригласил государства Арктики «к обсуждению давно назревших здесь вопросов <...> путем и двустороннего, и многостороннего сотрудничества»¹.

Рассматривая процесс формирования подсистемы международных отношений в Арктическом регионе после окончания холодной войны, можно констатировать, что со второй половины 80-х годов XX века он, с одной стороны, отражал общую тенденцию выстраивания отношений с Западом, с другой – имел определенную специфику. Во-первых, в 1990-е годы Россия выстраивала свою внешнюю политику, опираясь на приоритет отношений со странами Запада и в особенности с США. Именно эти государства формировали контуры новой региональной политики в Арктике. Во-вторых, Россия, обладая самыми протяженными арктическими границами и значительными запасами природных ресурсов, сумела выстроить равноправный диалог с партнерами в регионе с учетом собственных национальных интересов, несмотря на некоторые политические ошибки со стороны ее руководства, например, такие как

¹Речь товарища Горбачева М.С. Ч. 4 // Изд. дом «Гелион». URL: <https://helion-ltd.ru/gorbachev-speech-part-4/> (дата обращения: 23.09.2023).

подписание Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств (1990) или Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (2010).

Процессы интеграции в Арктике на протяжении нескольких десятилетий обладали общими признаками и логикой, характерными для регионов нового типа, однако вместе с тем определенной спецификой. С уверенностью можно говорить о том, что Арктический регион являлся и по-прежнему остается единственным регионом, в котором климатические изменения принципиально значимы в конструировании его новых геополитических очертаний. Постепенно происходило формирование пула государств и негосударственных акторов, которые всеми способами и на самом высоком уровне заявляли о своем «приарктическом статусе». В этом контексте профессор А.К. Магомедов вводит понятие *криоаргументации* как нового явления публичной дипломатии, характеризующего желание неарктических государств влиять на арктическую политику. Например, такие страны, как Индия, Китай и Швейцария, используют «вертикально-климатический» подход, в соответствии с которым они настаивают на своем включении в «арктические дела» по причине влияния изменения климата в Арктике на так называемый третий полюс холода – Гималаи, Тибет и даже Альпы². Очевидно, что многие региональные державы, формирующие многополюсность современного мирового порядка, такие, например, как Китай и Индия, оформляя свои намерения в документы стратегического характера, все более активно вовлекаются в арктическую повестку. Профессор Магомедов также фиксирует иной, отличающийся от «вертикально-климатического» подход. Он приводит пример политики Японии и Германии, опирающихся на так называемый глобалистский подход. Эти го-

сударства считают, что дно арктических морей и Северного Ледовитого океана и их недра находятся за пределами национальной юрисдикции государств Арктики и являются всеобщим наследием человечества. Данный факт, по их мнению, должен обеспечивать равный доступ всех государств мира к арктическим ресурсам.

Еще одним инструментом включения в «арктические дела» стало получение статуса наблюдателя Арктического совета. Однако анализ динамики этого показателя позволяет предположить, что сами арктические государства стали достаточно сдержанно относиться к вопросу увеличения числа наблюдателей. Так, если в период с 1998 по 2008 год данный статус получили 25 государств и организаций, в период с 2009 по 2018 год – 12, то в период с 2019 по 2023 год в совет вошла только Международная морская организация. Такое поведение стран-членов Арктического совета, по мнению Магомедова, может рассматриваться как «защитная реакция» на попытки неарктических игроков оказывать влияние на принятие ключевых решений, касающихся региона.

Таким образом, с начала 1990-х и до середины 2010-х годов Арктика развивалась в логике региона нового типа – глобального региона, который характеризовался высоким уровнем интенсивности международного сотрудничества через функционирование различных форматов регионального взаимодействия. Активное участие негосударственных акторов и внерегиональных игроков в решении проблем Арктики также было характерной чертой рассматриваемого этапа.

Формирование новых геополитических контуров Арктики

С середины 2010-х годов динамика и характер взаимодействия в Арктике начали меняться и приобретать негативные коннотации. Поводом для этого стал украинский кризис 2014 года, хотя ради справедливости нужно отме-

²Магомедов А.К. Потепление Севера // Новости ВПК: [информ. портал]. 2021, 7 июня. URL: https://vpk.name/news/513552_poteplenie_severa.html (дата обращения: 03.03.2023).

тить, что и после него сохранялись надежды на поддержание уже достигнутого уровня международного взаимодействия в Арктике. Сложившуюся на тот момент ситуацию можно охарактеризовать словами Р. Хьюберта, заместителя директора Центра военных и стратегических исследований Университета Калгари: «Я думаю, что деловая ситуация в Арктике вскоре стабилизируется... Однако действия России в Украине по-прежнему будут вызывать реакцию в более широком геополитическом контексте»³. Дальнейшее развитие событий в итоге привело к тому, что к настоящему времени можно констатировать системный кризис и фактический коллапс международных отношений в Арктическом регионе, основным катализатором которого стало начало специальной военной операции Россией в феврале 2022 года.

В поисках ответа на вопрос о причинах сворачивания сотрудничества, можно выделить несколько подходов. Первый фиксирует трансформацию глобальной мировой системы и ее региональное преломление в Арктике. В этом смысле обращает на себя внимание системный подход М. Каплана, который рассматривает Арктический регион как подсистему международных отношений, поддерживающую системные связи более высокого международного уровня [27, с. 19–21]. За последнее десятилетие в мире стала более отчетливо проявляться тенденция трансформации системы глобального миропорядка, в ходе которой формируются новые полюсы силы. Эту трансформацию можно объяснить через разные теоретические подходы, однако, возвращаясь к теории систем, можно утверждать, что международная система и ее подсистемы стремятся к саморегуляции и адаптации к изменениям и тем самым – к самосохранению. В результате перегруппи-

ровки элементов мировой системы, которая произошла из-за формирования новых полюсов силы, возникло противоречие, выражающееся в противостоянии с мировым гегемоном, создавшим однополярный мир за последние несколько десятилетий. Такое объяснение является наиболее целостным и может претендовать на позицию основного в рамках данной статьи. Согласно второму подходу, особенностью подсистемы международных отношений в Арктике также стала конфигурация региональных игроков, когда 7 стран – одна из которых консолидирует вокруг себя союзников – создают противовес 8-ой арктической державе. Это проявляется через деятельность НАТО в регионе и блокировку участия России во всех форматах регионального взаимодействия. В Арктике у нашей страны не осталось союзников, а расширение НАТО дает недвусмысленные сигналы о милитаризации региона и необходимости обеспечения безопасности его северных рубежей. В настоящее время мы можем наблюдать развитие других региональных подсистем с иной конфигурацией участников, в которых у России формируются партнерские и даже союзнические отношения.

Еще одно мнение о тенденции, приведшей к фактическому исключению России из арктического диалога, представлено профессором Университета Тафтса П. Беркманом, отметившим, что «в первую очередь от глобализации в выигрыше останется Россия»⁴. Он связывает это с ее самой протяженной арктической береговой линией, наличием Северного морского пути и, как следствие, развитием рыболовства, туризма, разведки полезных ископаемых. Этот подход в большей мере объясняет экономические интересы игроков и последовательное санкционное давление на Россию в Арктике с

³Перспективы сотрудничества в Арктическом регионе: точка зрения Канады // Рос. совет по междунар. делам: [официальный сайт]. 2014, 18 апр. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-sotrudnichestva-v-arkticheskom-regione-tochka-zr/> (дата обращения: 23.09.2023).

⁴Беркман П., Янг О. Арктический путь к бесконфликтным отношениям между государствами // Рос. совет по междунар. делам: [официальный сайт]. 2017, 11 мая. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/arkticheskiy-put-k-beskonfliktnym-otnosheniyam-mezhdu-gosudarstvami/> (дата обращения: 23.09.2023).

2014 года, вынуждающее последнюю искать новых экономических партнеров. По мнению председателя Совета директоров Creon Capital Фареса Кильзие, «глобализация, которую развивали и продвигали западные страны, не выдержала конкуренции с сильными евразийскими партнерами и сейчас трансформируется в пользу регионализации», а инфраструктура Арктики и российских арктических портов вдоль Северного морского пути станет «наиболее очевидным плацдармом для устойчивых инвестиций»⁵.

Очевидно, что США во многом являются инициатором противостояния с Россией в Арктике, параллельно выражая особую обеспокоенность ростом присутствия в регионе Китая⁶. В октябре 2022 года США обновили свою Национальную стратегию для Арктического региона, в которой подчеркивается, что «война России на Украине усилила геополитическую напряженность в Арктике, как и во всем мире, создавая новые риски непреднамеренного конфликта и препятствуя сотрудничеству»⁷. Аналогично поступила и Финляндия, которая также выпустила доклад о влиянии конфликта на Украине на международное сотрудничество в Арктическом регионе⁸.

4 апреля 2023 года Финляндия вступила в НАТО, очевидно, что и вхождение в Альянс Швеции также является вопросом времени. Несмотря на то, что Финляндия и ранее ак-

тивно взаимодействовала с НАТО и к моменту принятия решения о вступлении полностью соответствовала ее стандартам, данный шаг изменил геополитический расклад и логику взаимодействия в регионе, вернув их к периоду холодной войны.

3 марта 2022 года Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Швеция и США опубликовали совместное заявление об отказе от участия в деятельности Арктического совета в период председательства в нем России (2021–2023 годы), заявив, что «...наши представители не поедут в Россию на заседания Арктического совета»⁹. 8 марта 2022 года была приостановлена и деятельность России в формате «Северного измерения», а 9 марта – в Совете Баренцева/Евроарктического региона. 18 сентября 2023 года Россия вышла из него после тридцатилетнего участия в данном формате трансграничного взаимодействия.

Таким образом, Арктика, превращаясь из «территории диалога» в «территорию геополитического напряжения», потенциально может стать регионом геополитического противостояния. По мнению политолога А.В. Кортунова, «существуют другие акватории, в которых напряженность обстановки и уровень военно-морского противостояния между Россией и ее западными оппонентами существенно выше», например регионы Черного и Балтийского морей, однако игнорировать милитаризацию Арктики было бы

⁵Кильзие Ф. От глобализации к регионализации: Арктика, Владивосток как новый евразийский Сучжоу // CREON Group: [сайт]. 2022, 3 июня. URL: <https://creon-group.com/ot-globalizaczii-k-regionalizaczii-arktiki-vladivostok-kak-novyj-evrazijskij-suchzhou/> (дата обращения: 23.09.2023).

⁶Johnson S. Pompeo: Russia Is “Aggressive” in Arctic, China’s Work There Also Needs Watching // Reuters. May 6, 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/finland-arctic-council-idINKCN1SC06D> (дата обращения: 23.09.2023).

⁷National Strategy for the Arctic Region. October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (дата обращения: 05.03.2023).

⁸Орешина М.А. К вопросу о милитаризации Арктики // Рос. совет по междунар. делам: [офиц. сайт]. 2022, 12 дек. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/k-voprosu-o-militarizatsii-arktiki/?sphrase_id=97396859 (дата обращения: 30.03.2023).

⁹Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia’s Invasion of Ukraine // U.S. Department of State. March 3, 2022. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/> (дата обращения: 30.03.2023).

¹⁰Кортунов А.В. Полноценная «Арктическая война» – не самая главная угроза международной безопасности сегодня // Рос. совет по междунар. делам: [офиц. сайт]. 2023, 9 февр. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/polnotsennaya-arkticheskaya-voyna-ne-samaya-glavnaya-ugroza-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-segodnya/> (дата обращения: 30.03.2023).

политически недальновидно¹⁰. Схожей позиции придерживается и руководство России, закрепляя данный тезис в обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации¹¹. В разделе, касающемся региональных приоритетов внешней политики государства, где степень значимости региона определяется местом его упоминания, Арктика расположена между ближним зарубежьем и Евразийским континентом (Китайская Народная Республика, Республика Индия). В ст. 50 документа отчетливо представлена позиция РФ, нацеленная на «нейтрализацию курса недружественных стран на милитаризацию региона и ограничение возможностей России для реализации ее суверенных прав в Арктической зоне Российской Федерации»¹².

Заключение

Уникальность Арктического региона, обусловленная стремительным и значительным изменением климата на планете, стала идейной основой формирования международного сотрудничества в Арктике в конце 1980-х – начале 1990-х годов. В этот период был заложен фундамент развития региона нового типа – глобального региона с высокой интенсивностью и равноуровневостью международного сотрудничества, а также широким участием внерегиональных и негосударственных акторов в «арктических делах». Однако в последнее десятилетие наблюдается рост недоверия и напряженности в отношениях между державами, а «постфевральский» период и вовсе характеризуется коллапсом отношений в регионе.

Негативная реакция арктических государств, заморозивших свое участие во всех формах сотрудничества в Арктике, на политику России ставит под вопрос перспективу дальнейшего развития многосторонних отношений в регионе. Очевидно, что ожидать скорого возврата к прежнему формату взаимодействия не стоит. В настоящее время в западных странах – участницах Арктического совета рассматриваются варианты сотрудничества 7 стран без России и создание для этих целей Nordic Plus – платформы для взаимодействия между Европой и Северной Америкой в Арктике¹³. Учитывая невозможность полноценного функционирования международных форматов сотрудничества в Арктике, Россия также рассматривает вопрос о приостановлении своей деятельности в них. Об этом заявил посол по особым поручениям Министерства иностранных дел, старшее должностное лицо Арктического совета от РФ Николай Корчунов 11 мая 2023 года¹⁴.

Национальные интересы России в Арктике невозможно игнорировать, и в сложившейся ситуации «налаживание взаимовыгодного сотрудничества с неарктическими государствами, проводящими конструктивную политику в отношении России и заинтересованными в осуществлении международной деятельности в Арктике, включая инфраструктурное развитие Северного морского пути»¹⁵, является одним из основных приоритетов нашей страны.

¹¹Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Рос. Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // М-во иностр. дел Рос. Федерации: [офиц. сайт]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 30.04.2023).

¹²Там же.

¹³Вяхирева Н.С. Диалог с Россией в Арктике на паузе // Рос. совет по междунар. делам: [офиц. сайт]. 2022, 20 апр. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dialog-s-rossiey-v-arktike-na-pauze/?sphrase_id=92731920 (дата обращения: 30.04.2023).

¹⁴В МИД не исключили выхода России из Арктического совета // РИА Новости. 2023, 11 мая. URL: <https://ria.ru/20230511/arktika-1871104033.html> (дата обращения: 30.04.2023).

¹⁵Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Рос. Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.).

Список литературы

1. *Heininen L.* Special Features of Arctic Geopolitics: A Potential Asset For World Politics // *The Global Arctic Handbook* / ed. by M. Finger, L. Heininen. Cham: Springer, 2019. P. 215–234.
2. *Воскресенский А.Д.* Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // *Сравнит. политика*. 2012. Т. 3, № 2(8). С. 30–58.
3. *Калиев И.А., Темиров А.О.* Понятие региона и региональных подсистем в международных отношениях // *Nor. J. Dev. Int. Sci.* 2021. № 68. С. 39–45. DOI: [10.24412/3453-9875-2021-68-39-45](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-68-39-45)
4. *Hettne B., Söderbaum F.* Theorising the Rise of Regionness // *New Political Econ.* 2000. Vol. 5, № 3. P. 457–473. DOI: [10.1080/713687778](https://doi.org/10.1080/713687778)
5. *Лагутина М.К.* Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века (на примере Евразийского союза): дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2016. 422 с.
6. *Sergunin A., Konyshov V.* Russia in the Arctic. Hard or Soft Power? Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2016. 180 p.
7. *Sergunin A.* Arctic Regional Security // *Handbook of Research on International Collaboration, Economic Development, and Sustainability in the Arctic* / ed. by V. Erokhin, T. Gao, X. Zhang. Chicago: IGI Global, 2019. P. 79–98.
8. *Sergunin A.A., Konyshov V.N., Lagutina M.L.* Conceptualizing the Arctic // *The Handbook of the Arctic: A Broad and Comprehensive Overview* / ed. by E.V. Pak, A.I. Krivtsov, N.S. Zagrebelnaya. Singapore: Springer Nature, 2022. P. 3–17.
9. *Конышев В.Н., Сергунин А.А.* Российско-американские отношения в Арктике: сотрудничество или соперничество? // *Мировая экономика и междунар. отношения*. 2018. Т. 62, № 9. С. 103–111. DOI: [10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111)
10. *Голдин В.И.* Арктика в международных отношениях и геополитике в XX – начале XXI века: вехи истории и современность // *Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки*. 2011. № 2. С. 22–34.
11. *Голдин В.И.* Геополитика и международные отношения в Арктике: уроки истории, современные процессы и тенденции // *Клио*. 2012. № 5(65). С. 129–133.
12. *Голдин В.И.* Арктическая геополитика: современные тенденции и перспективы // *Клио*. 2014. № 1(85). С. 129–133.
13. *Лукин Ю.Ф.* Великий передел Арктики. Архангельск: САФУ, 2010. 400 с.
14. *Лукин Ю.Ф.* Российская Арктика в изменяющемся мире. Архангельск: САФУ, 2013. 281 с.
15. *Пилясов А.Н.* Арктическое средиземноморье: предпосылки формирования нового макрорегиона // *ЭКО. Всерос. экон. журн.* 2010. № 12(438). С. 54–75.
16. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрест.: в 3 т. / сост.: И.Н. Тимофеев [и др.]. М.: Аспект Пресс, 2013. 663 с.
17. Арктика: зона мира и сотрудничества / отв. ред. А.В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 195 с.
18. *The Handbook of the Arctic: A Broad and Comprehensive Overview* / ed. by E.V. Pak, A.I. Krivtsov, N.S. Zagrebelnaya. Singapore: Springer Nature, 2022. 1223 p.
19. *The Global Arctic Handbook* / ed. by M. Finger, L. Heininen. Cham: Springer, 2019. 306 p.
20. *Global Arctic: An Introduction to the Multifaceted Dynamics of the Arctic* / ed. by M. Finger, G. Rekvig. Cham: Springer International Publishing AG, 2022. 486 p.
21. *Future Security of the Global Arctic: State Policy, Economic Security and Climate* / ed. by L. Heininen. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2016. 141 p.
22. *Byers M.* International Law and the Arctic. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 314 p.
23. *Keskitalo C.* International Region-Building: Development of the Arctic as an International Region // *Coop. Confl.* 2007. Vol. 42, № 2. P. 187–205. DOI: [10.1177/0010836707076689](https://doi.org/10.1177/0010836707076689)
24. *Stokke O.S.* Environmental Security in the Arctic: The Case for Multilevel Governance // *Int. J.* 2011. Vol. 66, № 4. P. 835–848.
25. *Hurrell A.* Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Rev. Int. Stud.* 1995. Vol. 21, № 4. P. 331–358. DOI: [10.1017/S0260210500117954](https://doi.org/10.1017/S0260210500117954)
26. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Айрис-пресс, 2004. 640 с.
27. *Kaplan M.A.* System and Process in International Politics. N. Y.: Wiley, 1957. 260 p.

References

1. Heininen L. Special Features of Arctic Geopolitics: A Potential Asset for World Politics. Finger M., Heininen L. (eds.). *The Global Arctic Handbook*. Cham, 2019, pp. 215–234.
2. Voskresenskiy A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsiy v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh [Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Modern International Relations]. *Sravnitel'naya politika*, 2012, vol. 3, no. 2, pp. 30–58.
3. Kaliev I.A., Temirov A.O. Ponyatie regiona i regional'nykh podsystem v mezhdunarodnykh otnosheniakh [Concept of Region and Regional Subsystems in International Relations]. *Nor. J. Dev. Int. Sci.*, 2021, no. 68, pp. 39–45. DOI: [10.24412/3453-9875-2021-68-39-45](https://doi.org/10.24412/3453-9875-2021-68-39-45)
4. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness. *New Political Econ.*, 2000, vol. 5, no. 3, pp. 457–473. DOI: [10.1080/713687778](https://doi.org/10.1080/713687778)
5. Lagutina M.K. *Global'nyy region kak element mirovoy politicheskoy sistemy XXI veka (na primere Evraziyskogo soyuza)* [Global Region as an Element of the World Political System in the 21st Century (the Case of the Eurasian Union): Diss.]. St. Petersburg, 2016. 422 p.
6. Sergunin A., Konyshchev V. *Russia in the Arctic. Hard or Soft Power?* Stuttgart, 2016. 180 p.
7. Sergunin A. Arctic Regional Security. Erokhin V., Gao T., Zhang X. (eds.). *Handbook of Research on International Collaboration, Economic Development, and Sustainability in the Arctic*. Chicago, 2019, pp. 79–98.
8. Sergunin A.A., Konyshchev V.N., Lagutina M.L. Conceptualizing the Arctic. Pak E.V., Krivtsov A.I., Zagrebelnaya N.S. (eds.). *The Handbook of the Arctic: A Broad and Comprehensive Overview*. Singapore, 2022, pp. 3–17.
9. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. U.S.-Russia Relations in the Arctic: Cooperation or Competition? *World Econ. Int. Relat.*, 2018, vol. 62, no. 9, pp. 103–111 (in Russ.). DOI: [10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111)
10. Goldin V.I. Arktika v mezhdunarodnykh otnosheniakh i geopolitike v XX – nachale XXI veka: vekhi istorii i sovremennost' [The Arctic Region in the International Relations and Geopolitics in the XX – Early XXI Centuries: Milestones of the History and Modern Times]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2011, no. 2, pp. 22–34.
11. Goldin V.I. Geopolitika i mezhdunarodnye otnosheniya v Arktike: uroki istorii, sovremennye protsessy i tendentsii [Geopolitics and International Relations in the Arctic Region: History Lessons, Modern Processes and Trends]. *Klio*, 2012, no. 5, pp. 129–133.
12. Goldin V.I. Arkticheskaya geopolitika: sovremennye tendentsii i perspektivy [Arctic Geopolitics: Contemporary Tendencies and Perspectives]. *Klio*, 2014, no. 1, pp. 129–133.
13. Lukin Yu.F. *Velikiy peredel Arktiki* [The Great Redivision of the Arctic]. Arkhangelsk, 2010. 400 p.
14. Lukin Yu.F. *Rossiyskaya Arktika v izmenyayushchemsya mire* [Russian Arctic in the Changing World]. Arkhangelsk, 2013. 281 p.
15. Pilyasov A.N. Arkticheskoe sredizemnomor'e: predposylki formirovaniya novogo makroregiona [The Arctic Mediterranean Region: Prerequisites for the Formation of a New Macroregion]. *EKO. Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*, 2010, no. 12, pp. 54–75.
16. Timofeev I.N. et al. (comps.). *Arkticheskii region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [The Arctic Region: Problems of International Cooperation]. Moscow, 2013. 663 p.
17. Zagorskiy A.V. (ed.). *Arktika: zona mira i sotrudnichestva* [The Arctic: A Zone of Peace and Cooperation]. Moscow, 2011. 195 p.
18. Pak E.V., Krivtsov A.I., Zagrebelnaya N.S. (eds.). *The Handbook of the Arctic: A Broad and Comprehensive Overview*. Singapore, 2022. 1223 p.
19. Finger M., Heininen L. (eds.). *The Global Arctic Handbook*. Cham, 2019, pp. 215–234.
20. Finger M., Rekvig G. (eds.). *Global Arctic: An Introduction to the Multifaceted Dynamics of the Arctic*. Cham, 2022. 486 p.
21. Heininen L. (ed.). *Future Security of the Global Arctic: State Policy, Economic Security and Climate*. New York, 2016. 141 p.
22. Byers M. *International Law and the Arctic*. Cambridge, 2013. 314 p.

23. Keskitalo C. International Region-Building: Development of the Arctic as an International Region. *Coop. Confl.*, 2007, vol. 42, no. 2, pp. 187–205. DOI: [10.1177/0010836707076689](https://doi.org/10.1177/0010836707076689)
24. Stokke O.S. Environmental Security in the Arctic: The Case for Multilevel Governance. *Int. J.*, 2011, vol. 66, no. 4, pp. 835–848.
25. Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics. *Rev. Int. Stud.*, 1995, vol. 21, no. 4, pp. 331–358. DOI: [10.1017/S0260210500117954](https://doi.org/10.1017/S0260210500117954)
26. Toynbee A.J. *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow, 2004. 640 p.
27. Kaplan M.A. *System and Process in International Politics*. New York, 1957. 260 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V319

Marina M. Panikar

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4504-8924> e-mail: m.panikar@narfu.ru

THE PROCESSES OF TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL ARCTIC REGION: NEW GEOPOLITICAL CONTOURS

The article attempts to analyse the international Arctic region during the period from the end of the Cold War to the present. In this timespan, the author identifies two main stages, which differ in the logic of building relations between the regional powers. Special attention is paid to the transformation of the theoretical approaches to the concept of region, characterized by a shift in emphasis from the territorial principle, which defines a region as a specific territory, to the spatial principle, based on functional features. This allows us to explain the processes that took place in the Arctic after the end of the Cold War, when a global region started to form on this territory. In addition, the article highlights the uniqueness of the Arctic due to the impact of rapid climate change on the region's geopolitical position. The paper analyses the reasons for the change in the logic of the development of international processes in the Arctic from the idea of a global region with intensive international cooperation to confrontation. The author inclines to interpret the main reason for it through the prism of a systematic approach: as a result of the rearrangement of elements in the system of international relations due to the emergence of new poles of power, disagreements with the world hegemon arise, which leads to a redistribution of power. Another specific feature of the international relations in the Arctic is the configuration of regional players, when seven countries create a counterbalance to one Arctic power. This is clearly demonstrated through NATO's activities in the region and the blocking of Russia's participation in all forms of regional cooperation. The Arctic countries' continued reluctance to collaborate with Russia in the same way as before can also be explained by their growing state egoism.

Keywords: *Arctic, global region, international cooperation, climate change, international confrontation, Ukraine crisis.*

Поступила 14.04.2023
Принята 16.11.2023
Опубликована 25.12.2023

Received 14 April 2023
Accepted 16 November 2023
Published 25 December 2023

For citation: Panikar M.M. The Processes of Transformation of the International Arctic Region: New Geopolitical Contours. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 17–26. DOI: 10.37482/2687-1505-V310

УДК 94(47).084.8

DOI: 10.37482/2687-1505-V311

*ШАЙХИСЛАМОВ Рашиит Бадретдинович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения Уфимского университета науки и технологий, научный сотрудник Института этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. 6 монографий и трех учебных пособий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6500-8343>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ: БАШКОРТОСТАН И ДОНБАСС В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

В статье на примере взаимоотношений Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики и Украинской Советской Социалистической Республики иллюстрируется солидарность народов и регионов СССР во время Великой Отечественной войны. Этот период стал поистине великим испытанием на прочность и проверкой единства братских народов Советского Союза. Особое внимание в исследовании уделяется роли трудящихся автономной республики в восстановлении народного хозяйства освобожденного от фашистской оккупации Донбасса. Вводятся в научный оборот малоизученные архивные документы, в которых зафиксированы объемы помощи, в т. ч. и социальной, оказанной пострадавшим территориям жителями Башкирии (техникой и стройматериалами, промышленным оборудованием, поголовьем скота, продовольствием и товарами народного потребления). Отмечается, что в суровые военные годы проявились лучшие качества советских народов, имеющие непреходящее значение и не теряющие актуальности в наши дни, – солидарность, сотрудничество, бескорыстная взаимопомощь, ставшие важным фактором победы; утверждается, что помощь освобожденным регионам укрепила экономическое и политическое единство советского общества и заложила основы успешного послевоенного восстановления страны. Исследование базируется на документах Национального архива Республики Башкортостан, где хранится обширный комплекс бесценных источников по истории взаимоотношений народов в период Великой Отечественной

*Адрес: 450074, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; e-mail: shrb2007@mail.ru

¹Статья написана в рамках научного исследования по государственному заданию Института этнологических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук по теме № АААА-А21-12101-2290084-6.

Для цитирования: Шайхисламов Р.Б. Историческая память и современность: Башкортостан и Донбасс в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 27–35. DOI: 10.37482/2687-1505-V311

войны (материалы об эвакуации предприятий, учреждений науки, культуры, населения Украинской ССР, о введении в эксплуатацию эвакуированных промышленных предприятий на территории Башкирской АССР, сотрудничестве украинских и башкирских ученых, писателей и деятелей культуры, помощи трудящихся Башкирии освобожденным территориям Украины).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Башкирская АССР, Донбасс, братская взаимопомощь народов СССР, Украинская ССР, Ворошиловградская область, восстановление народного хозяйства.

Введение

Историческая память народа актуализируется в сложные периоды жизни общества, когда перед ним встают новые угрозы и задачи. В 1943 году началось освобождение Донбасса от немецко-фашистских захватчиков, непосредственное участие в котором принимала 112-я Башкирская кавалерийская дивизия, а трудящиеся Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики (БАССР) активно включились в восстановление экономики и социальной сферы пострадавшего от оккупации региона. Сегодня реальность такова, что война не исчезла из его жизни: гибнут люди, отстаивающие свою свободу и землю, разрушены города, поселки, промышленные предприятия, уничтожено сельское хозяйство. Восстановление освобожденных территорий Донбасса, организация жизнеобеспечения этого региона становятся одним из главных направлений в деятельности российского государства. Регионы страны и их население вновь, как в годы Великой Отечественной войны, оказывают помощь Донецкой (ДНР) и Луганской (ЛНР) Народным Республикам. Следовательно, неоценимый опыт нашего государства и взаимопомощь народов по-прежнему актуальны.

Обзор литературы

Тема помощи, оказанной трудящимися Башкирии в восстановлении хозяйства освобожденного от фашистов Донбасса в годы Великой Отечественной войны, и солидарности народов относится к числу малоизученных, т. е. отдельно и подробно не рассматривавшихся научных проблем. В отечественной исторической науке она представлена сборниками документов и

материалов, убедительно показывающих связь фронта и тыла [1], отражающих самоотверженную работу мобилизованных в трудовую армию за пределы Башкирии и раскрывающих наиболее значимые события в жизни БАССР в этот период [2], а в историографии – небольшим количеством научных статей о трудовых подвигах башкирского народа в военное время [3] и дружбе народов СССР [4], помощи народов страны в восстановлении Донбасса в 1943–1945 годах [5], сборниками статей [6–8]. Затрагивалась данная тема также в обобщающих трудах по истории БАССР [9–13], сборниках документов по истории Украинской Советской Социалистической Республики (УССР), исследованиях о боевом и трудовом героизме жителей Донбасса [14–19]. Относительно небольшое количество работ свидетельствует о недостаточной изученности этого вопроса. Следовательно, он требует дальнейшего анализа, базой для которого послужат еще не введенные в научный оборот архивные документы.

Материалы и методы

Источники по исследуемой теме весьма разнообразны по характеру и происхождению: это документы о действиях республиканских, городских и районных органов власти и партийно-комсомольского руководства, заводов и предприятий, органов и учреждений культуры, здравоохранения и народного образования, в которых были отражены меры по восстановлению деятельности в БАССР эвакуированных из Украины предприятий, учреждений культуры и науки; документы о социальной помощи населению пострадавшей республики, сотрудниче-

ство ученых, писателей и деятелей культуры республик, созидание братских народов в годы Великой Отечественной войны; документы о мобилизации и самоотверженном труде жителей БАССР по скорейшему восстановлению разрушенных войной отраслей народного хозяйства Украины; бесценные источники о помощи трудящихся Башкирии освобожденному от фашистов Донбассу и др. Применявшиеся в ходе работы методы выявления, обработки данных, изучения, анализа, синтеза архивных документов, их сравнение, систематизация, интерпретация и другие позволяют провести корректировку полученных ранее знаний.

Результаты и обсуждение

Когда Красная Армия наносила новые удары по захватчикам, когда еще пылала война, советское правительство поставило цель: восстановить народное хозяйство территорий, пострадавших от рук немцев. Тяжелый урон был нанесен такому региону, как Донбасс. Его восстановление после освобождения от оккупантов стало всенародной задачей, в решении которой активное участие приняли трудящиеся БАССР. В соответствии с постановлением правительства от 23 января 1943 года, Совет народных комиссаров БАССР и Башкирский областной комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКП(б)) мобилизовали из машинно-тракторных станций республики для УССР 150 автомашин². В августе 1943 года коллектив строительномонтажного треста № 3 для оказания помощи освобожденным районам выделил строительные материалы и инструменты: 40 т извести, 150 т алебаstra, 30 тыс. кирпичей, 6 тыс. гипсошлакоблоков, 3 вагона леса, 500 кг гвоздей, 200 лопат, 150 топоров, 300 комплектов оконных приборов; скот в количестве

40 свиней, 15 телят и 10 овец; сельскохозяйственную продукцию: 32 т картофеля, 16 т капусты, 16 т свеклы и моркови, 10 т огурцов и помидоров; товары народного потребления: 100 тумбочек, 100 табуретов, 50 столов, 100 кроватей, 500 мисок, 500 стаканов, 10 ванн³.

Постановлением бюро Башкирского областного комитета ВКП(б) от 31 августа 1943 года сформирован Комитет по оказанию помощи Ворошиловградской области (ныне – ЛНР), освобожденной от немецких захватчиков. Согласно этому документу, районным и городским комитетам ВКП(б) следовало немедленно создать соответствующие комиссии и на основе развертывания партийно-массовой работы на предприятиях, машинно-тракторных станциях, в колхозах и совхозах республики приступить к оказанию помощи⁴. В районах БАССР оперативно создавались такие комитеты и были организованы работы по сбору скота, зерна, овощей и инвентаря для освобожденных районов Ворошиловградской области, в данных мероприятиях участвовали 100 % колхозников⁵. После принятия решения об оказании помощи областям, освобождающимся от немецкой оккупации, из Ворошиловграда (ныне – г. Луганск) в Башкирию 21 сентября 1943 года приехала делегация в составе председателя горисполкома, заведующего военным отделом обкома ВКП(б), заведующего Горместпромкомбинатом Ворошиловграда, работников отдела кадров обкома и областного земельного управления. Делегаты побывали более чем на 30 предприятиях городов Уфы, Стерлитамака, Ишимбая, выступили на партийных и рабочих собраниях и митингах, посвященных оказанию помощи Ворошиловградской области, участвовали в отборе и приеме гуманитарной помощи.

С первым эшелоном в Ворошиловград выехала монтажная бригада в количестве 3 чел.

²Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. П-122. Оп. 23. Д. 170. Л. 237–249.

³Там же. Ф. Р-933. Оп. 1. Д. 4297. Л. 8, 17.

⁴Там же. Ф. П-122. Оп. 23. Д. 142. Л. 75.

⁵Там же. Ф. П-643. Оп. 11. Д. 238. Л. 110; Ф. П-556. Оп. 16. Д. 55. Л. 9; Ф. П-633. Оп. 4. Д. 2. Л. 11; Ф. П-3190. Оп. 1. Д. 833. Л. 121 об.; Ф. П-2855. Оп. 1. Д. 405. Л. 107 об.; Ф. П-634. Оп. 1. Д. 693. Л. 84.

для установки оборудования машинно-тракторных мастерских. Всего на 1 ноября 1943 года в Ворошиловградскую область был отправлен 91 вагон разного оборудования, строительных материалов, товаров широкого потребления (без учета скота), в т. ч. 72 станка, 1 сварочный аппарат, 6 моторов, 234 ящика (2 вагона) оконного стекла, 29 вагонов леса, 21,5 т гвоздей, 6 вагонов строительных материалов (алебастр, фанера, шлакоблоки, строительные детали), 9 вагонов вещей домашнего обихода, 206 т картофеля. Собрано, но еще не было отправлено: 7 станков, 5 моторов, 1200 запчастей и инструментов, 6 вагонов леса, 3 вагона стекла, 1610 единиц различного сельскохозяйственного инвентаря (плуги, бороны, сеялки и т. д.), 240 телег и саней; скота – 4 тыс. овец, 2 тыс. свиней, 11 тыс. птиц; сельскохозяйственной продукции – 800 т картофеля, 135 т овощей, 1,5 т масла, 1,5 т меда. Кроме всего перечисленного, имелись различные строительные материалы, металл и вещи домашнего обихода. Трудящимися была пожертвована сумма в размере 700 тыс. р. В дальнейшем предполагалось отгрузить уже собранное оборудование и материал, продолжить сбор леса, а также некоторых видов продукции, выпускаемой предприятиями сверх плана (алебастр, стекло, фанера и т. д.), провести заготовку леса для последующего весеннего сплава. Целый ряд колхозов высказывали желание связаться непосредственно с каким-нибудь колхозом Ворошиловградской области и оказывать посильную помощь до полного восстановления его хозяйства⁶.

Еще до отправки первого эшелона предприятиями г. Уфы (Уфимнефтезаводострой, Камышлинский мелькомбинат, Синтетический завод, Уфимский локомотиворемонтный завод, Бельское пароходство, депо Уфа, заводы № 656 и 598, Уфимский вагонный участок, завод Натуркаучук, вагоно-ремонтный пункт ст. Дема, заводы № 656 и 598, Башкоопинсоюз, управление

стройматериалов, управление связи, завод № 26), г. Ишимбая (завод им. Сталина, Ишимбай-электроток, контора бурения, завод № 411) и г. Стерлитамака (трест Башнефтеразведка) отправлено в Донбасс оборудования и инструментов: 80 металлорежущих станков, 47 трансформаторов, 40 электромоторов, 4 паровых машины, 2 вентилятора, 1 локомобиль, 1 нефтяной двигатель, 1 сварочный генератор, 2 тыс. напильников, 50 приводных ремней⁷. 12 октября 1943 года Уфимский горком ВКП(б) предоставил в Башсовнарком список вагонов с материалами, оборудованием и имуществом, собранными предприятиями столицы БАССР для Ворошиловградской области. Отправителями грузов были: стройтрест № 3 – стройматериалы; завод № 26 – станки токарные и шлифовальные; фанерный комбинат – кругляк, фанера и пиломатериалы; мыловаренный завод – мыло и сода; артели «Пищевик», Горместпром № 3, Башпторг и др. – разные материалы; обувная фабрика, артель «Трикотаж» – товары по профилю производства и др. Всего было погружено 32 вагона.

Работа по организации помощи населению УССР продолжалась и в дальнейшем. Так, 15 декабря 1943 года Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление «Об организации Государственной закупки скота для дальнейшей помощи колхозам районов, освобожденных от немецкой оккупации», согласно которому БАССР должна была отправить несколько сотен голов крупного рогатого скота, в т. ч. коров, свиней и овец. Несмотря на то, что аграрная сфера БАССР находилась в трудном положении, помощь трудящихся сельскому хозяйству освобожденного Донбасса была бескорыстной и своевременной. Трудники районов БАССР для Ворошиловградской области передали в порядке государственной и шефской помощи сельскохозяйственный инвентарь: 3 молотилки, 36 сеялок, 34 жатки,

⁶НА РБ. Ф. П-122. Оп. 23. Д. 533. Л. 13–16.

⁷Там же. Л. 12.

700 борон, 500 плугов, 20 грабель, 517 саней и телег, 519 единиц прочего мелкого инвентаря; 10 тыс. голов мелкого скота, 3 тыс. свиней, 6148 птиц; продукты питания: 948 кг мяса, 1180 кг масла, 3480 кг молока, 4,7 тыс. яиц, 1 тыс. кг меда, 690 т картофеля, 160 т иных овощей⁸.

На заседании бюро Башкирского обкома Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ) 26 ноября 1943 года было принято постановление «Об участии комсомольских организаций в восстановлении промышленности Донбасса»⁹. Помощь молодежи БАСССР в этом направлении была весьма существенна¹⁰. В соответствии с решением Центрального комитета (ЦК) ВЛКСМ, Башкирский областной комитет 10 января 1944 года выступил с инициативой оказания комсомольцами республики помощи в восстановлении угольной промышленности Донбасса, закрепил за районными и городскими организациями угольные шахты. Было проведено совещание секретарей горкомов, райкомов ВЛКСМ, комсorghов ЦК ВЛКСМ. В городах и районах проведены комсомольские, городские и районные активы, а также комсомольско-молодежные собрания в первичных организациях и пионерские сборы в школах.

В результате всей подготовительной работы, по неполным данным, было собрано и изготовлено в помощь Донбассу 17 электромоторов, 1 бетономешалка, 1 трансформаторно-сварочная машина, 202 молотка, 1 трехтонная лебедка, 5 тыс. кг троса, 1500 железных лопат, 908 топоров, 200 кайл, 830 зубил, 540 клейместеров, 1 т стройматериалов, 1515 м электропровода, 1 вагон гипса, 500 кг карбида, 100 м клеенки, 4090 единиц художественной литературы, 2817 учебников, 2727 единиц разной посуды, 2625 вилок и ложек, 50 кг бумаги, 152 единицы теплой одежды, 13 пар валенок, 380 м³ лесоматериалов, 25 пар лыж, 1 вагон различного ин-

струмента, биологическое оборудование для одного школьного кабинета, оборудование для одних детских яслей (на 30 чел.), сумма в размере 50 тыс. р. и др.

Большую работу проделали комсомольцы и молодежь Молотовского района г. Уфы, ими сдано: 4 мотора, 2 переносных горна, 1 ящик с режущим инструментом, 1 ящик с метизами, 1,096 т проволоки, 515 м электропровода, полностью собрано электрооборудование для одной шахты, оборудование для биологического кабинета, 140 шахтерских шапок, 150 столовых ложек; силами пионеров и школьников собрано 100 художественных книг, 500 учебников, 500 различных игрушек, 50 комплектов посуды, 10 кухонных плит, 4 ящика с различным режущим инструментом, 100 м клеенки, оборудование для одних детских яслей (на 35 чел.), 15 комплектов детского белья, 20 кг медных шин, 2 арифмометра и др.

Значительную работу по оказанию помощи Донбассу проделали комсомольцы и молодежь Кировского района г. Уфы, школьниками которого были собраны 3194 художественных книги, изготовлены 100 железных лопат, 139 топоров, 24 наборные сумки с инструментом для слесаря, 18 обушков, 1710 столовых ложек, 185 гаечных ключей, 212 различных детских вещей и др. Комсомольцы и молодежь Уфимского витаминного завода собрали и изготовили: 10 ящиков инструментов, 1 электромотор, полный комплект игрушек для одного детского сада, 60 комплектов домашней посуды, около 200 книг художественной литературы и учебников, одну индивидуальную посылку «Лучшему горняку» шахты Советского района.

Собранные комсомольцами и молодежью г. Белорецка 158 т катанки, 5 тыс. кг троса, 3 телефонных аппарата, 1 электротара на 15 кВт, 500 железных кроватей, 500 единиц посуды,

⁸НА РБ. Ф. П-122. Оп. 23. Д. 533. Л. 70–75.

⁹Там же. Ф. П-341. Оп. 7. Д. 107. Л. 131–133.

¹⁰Там же. Д. 106. Л. 149, 150; Ф. П-608. Оп. 13. Д. 254. Л. 4, 7; Ф. П-608. Оп. 13. Д. 254. Л. 3, 3 об.; Ф. П-3949. Оп. 1. Д. 26. Л. 50.

349 учебников, 50 пар обуви и одежды, 187 лопат, 28 топоров, 12 обушков, 3 музыкальных инструмента, 120 кг гвоздей, 9 кайл, сумма в размере 3,5 тыс. р., сформированные 2 вагона кровельного железа, 6 вагонов круглого леса, 1 вагон различного режущего и материального инструмента, 1 вагон запасных частей были отправлены на Никитинский завод Донбасса. Успешно поработали комсомольцы-нефтяники г. Ишимбая, собравшие: 1 сварочную трансформаторную машину, 2 воздушных винта, 1 тыс. единиц разного режущего и материального инструмента, 100 кг электропровода, 100 учебников, 170 книг художественной литературы, 80 железных ложек, 80 пар нательного белья, 114 отверток, 22 пары лыж, 37 пар детской одежды и пр. Комсомольцы и молодежь треста № 3 приготовили для Донбасса 1 вагон гипса, 400 кг карбида, 182 железных лопаты, 100 наволочек для подушек, изготовили 12 молотков, 19 кирок, 24 тумбочки, 30 вешалок, подготовили около 200 учебников и др.

Комсомольцы и молодежь г. Стерлитамака своими силами в нерабочее время изготовили и собрали 16 различных станков, 10 электромоторов, 1400 различных книг, 150 учебников, инструменты и другие материалы¹¹.

Заключение

Восстановление народного хозяйства разоренных войной территорий СССР было одной из первостепенных и неотложных задач государства. Важнейшей составляющей этого процесса стала братская помощь населения тыла пострадавшим районам. Она приняла всенародный характер. В это движение активно включились и труженики БАССР, которые с начала освобождения Донбасса и до самого восстановления экономики и жизнеобеспечения региона оказывали неоценимое содействие. Оно было самым разнообразным: сбор средств в фонд помощи населению освобож-

денных земель; формирование и отправка эшелонов с различными материалами, оборудованием, продуктами питания; шефская помощь отраслям производства; мобилизация на восстановительные работы предприятий Донбасса юношей и девушек БАССР, трудившихся с большой отдачей и показавших примеры трудовой доблести; помощь колхозов и совхозов, вузов и школ сельскохозяйственной отрасли и учебным заведениям освобожденного региона. Это укрепляло экономическое и политическое единство советского общества, создавало основы для быстрого восстановления народного хозяйства страны в послевоенный период. Братская помощь трудящихся БАССР Донбассу стала ярким проявлением солидарности, созидания, взаимопомощи и дружбы народов, что имеет непреходящее значение. Сегодня российские регионы вновь протягивают руку помощи жителям Донбасса. В восстановлении поврежденной в ходе боевых действий инфраструктуры ДНР и ЛНР участвует крупный регион Российской Федерации – Башкортостан. Между ним и республиками Донбасса осуществляется сотрудничество в экономической и социальной сферах. Когда регионы России объявили о шефстве над населенными пунктами или районами Донбасса, Башкортостан взял под опеку г. Красный Луч в ЛНР. Помощь и поддержка в адрес Донбасса оказываются по всем направлениям – это и организация гуманитарных колонн, восстановление и возобновление работы местных предприятий, инфраструктуры, самоотверженный труд специалистов республики (медицинских работников, строителей, коммунальщиков, дорожников) в ДНР и ЛНР. Несомненно, опыт советского государства по восстановлению экономики и социальной сферы регионов, освобожденных от фашистов в годы Великой Отечественной войны, и братская взаимопомощь наших народов актуальны и в наши дни.

¹¹НА РБ. Ф. П-341. Оп. 7. Д. 60. Л. 48–50.

Список литературы

1. Документы мужества и героизма. Башкирская АССР в период Великой Отечественной войны: Документы и материалы / сост. Т.Х. Ахмадиев, Г.А. Валишина, Н.Г. Халтурина. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1980. 320 с.
2. Башкирия в годы Великой Отечественной войны: сб. док. и материалов / сост. Т.Х. Ахмадиев, Г.Д. Иргалин, Н.П. Каменев, Г.Р. Мухаметдинов. Уфа: Китап. 1995. 570 с.
3. *Ахмадиев Т.Х.* Трудовые и ратные подвиги башкирского народа в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории Башкирии. Вып. 2: Советский период. Уфа: Акад. наук СССР, 1972. С. 89–98.
4. *Ахмадиев Т.Х.* Братская дружба народов СССР в годы Великой Отечественной войны // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству: материалы науч. конф. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1982. С. 105–116.
5. *Киселев В.Д.* Всенародная помощь в восстановлении Донбасса в 1943–1945 гг. // Рабочий класс и индустриальное развитие СССР: сб. ст. / отв. ред. А.В. Митрофанова. М.: Наука, 1975. С. 383–390.
6. Освобождение Донбасса: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию начала освобождения Донбасса от немецко-фашист. захватчиков и участию в нем 112-й Башкир. кавалер. дивизии под командованием Героя РФ, генерал-майора М. Шаймуратова, прошедш. в Луганске 22 февраля 2023 г. / отв. ред. Р.Н. Рахимов, А.С. Демичева. Уфа: Книга-принт, 2023. 246 с.
7. Украина – Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества: сб. ст. науч. конф., 18–19 декабря 1991 г. Уфа: [б. и.], 1993. 170 с.
8. Украина – Башкортостан: связь времен: сб. ст. Уфа: Полиграфкомбинат, 2001. 215, [1] с.
9. *Ахмадиев Т.Х.* Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1984. 280 с.
10. История башкирского народа: в 7 т. Т. VI / гл. ред. М.М. Кульшарипов. М.: Вост. лит., 2011. 376 с.
11. *Мухаметдинов Г.* Экономические связи между Башкортостаном и Украиной в годы войны // Украина – Башкортостан: связь времен: сб. ст. науч. конф., 18–19 декабря 1991 г. Уфа: [б. и.], 2001. С. 46–53.
12. Очерки истории Башкирской организации КПСС / отв. ред. В.П. Иванов. Уфа: Башкнигоиздат, 1973. 728 с.
13. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2: Советский период / отв. ред. В.П. Иванов. Уфа: Башкнигоиздат, 1966. 643 с.
14. История Украинской ССР: в 10 т. Т. 8: Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945) / гл. ред. Ю.Ю. Кондуфор. Киев: Наук. думка, 1984. 639 с.
15. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: документы и материалы: в 3 т. / сост. П.И. Денисенко и др. Т. 2: Украинская ССР в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (19 ноября 1942 г. – конец 1943 г.). Киев: Наук. думка, 1985. 514 с.
16. Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / сост. А.В. Грушко и др.; редкол. Е.Д. Клерфон [и др.]. Донецк: Донбасс, 1980. 310 с.
17. *Буцко Н.А., Мартышевский М.А.* Подвиг Донбасса. Трудовой и боевой героизм трудящихся Донбасса в период Великой Отечественной войны. Киев: Вища шк., 1975. 158 с.
18. *Воробьев Ф.Д.* Победы Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. 1941–1945: крат. очерк. М.: Воениздат, 1984. 427 с.
19. Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Известные и неизвестные страницы истории. Донецк: Донетчина, 2008. 432 с.
20. *Алфьоров М.А.* Міграційні процеси та їх вплив на соціально-економічний розвиток Донбасу (1939–1959 гг.): монографія. Донецьк, 2008. 192 с.

References

1. Akhmadiev T.Kh., Valishina G.A., Khalturina N.G. (comps.). *Dokumenty muzhestva i geroizma. Bashkirskaya ASSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Documents of Courage and Heroism. Bashkir ASSR During the Great Patriotic War]. Ufa, 1980. 320 p.
2. Akhmadiev T.Kh., Irgalin G.D., Kamenev N.P., Mukhametdinov G.R. (comps.). *Bashkiriya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Bashkortostan During the Great Patriotic War]. Ufa, 1995. 570 p.
3. Akhmadiev T.Kh. *Trudovye i ratnye podvigi bashkirskogo naroda v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Labour and Military Exploits of the Bashkir People During the Great Patriotic War]. *Voprosy istorii Bashkirii. Vyp. 2: Sovetskiy period* [Questions of the History of Bashkortostan. Vol. 2: Soviet Period]. Ufa, 1972, pp. 89–98.
4. Akhmadiev T.Kh. *Bratskaya družba narodov SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Fraternal Friendship of the Peoples of the USSR During the Great Patriotic War]. *Istoricheskoe znachenie dobrovol'nogo prisoedineniya Bashkirii k Russkomu gosudarstvu* [Historical Significance of the Voluntary Accession of Bashkiria to the Russian State]. Ufa, 1982, pp. 105–116.
5. Kiselev V.D. *Vsenarodnaya pomoshch' v vosstanovlenii Donbassa v 1943–1945 gg.* [National Effort in the Reconstruction of the Donbass in 1943–1945]. Mitrofanova A.V. (ed.). *Rabochiy klass i industrial'noe razvitie SSSR* [The Working Class and the Industrial Development of the USSR]. Moscow, 1975, pp. 383–390.
6. Rakhimov R.N., Demicheva A.S. (eds.). *Osvobozhdenie Donbassa* [Liberation of the Donbass]. Ufa, 2023. 246 p.
7. *Ukraina – Bashkortostan: gody ispytaniy i sotrudnichestva* [Ukraine – Bashkortostan: Years of Hardship and Cooperation]. Ufa, 1993. 170 p.
8. *Ukraina – Bashkortostan: svyaz' vremen* [Ukraine – Bashkortostan: Continuity]. Ufa, 2001. 215 p.
9. Akhmadiev T.Kh. *Bashkirskaya ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945* [Bashkir ASSR During the Great Patriotic War 1941–1945]. Ufa, 1984. 280 p.
10. Kul'sharipov M.M. (ed.). *Istoriya bashkirskogo naroda* [History of the Bashkir People]. Vol. 6. Moscow, 2011. 376 p.
11. Mukhametdinov G. *Ekonomicheskie svyazi mezhdru Bashkortostanom i Ukrainoy v gody voyny* [Economic Ties Between Bashkortostan and Ukraine During the War]. *Ukraina – Bashkortostan: svyaz' vremen* [Ukraine – Bashkortostan: Continuity]. Ufa, 2001, pp. 46–53.
12. Ivankov V.P. (ed.). *Ocherki istorii Bashkirskoy organizatsii KPSS* [Essays on the History of the Bashkir Organization of the CPSU]. Ufa, 1973. 728 p.
13. Ivankov V.P. (ed.). *Ocherki po istorii Bashkirskoy ASSR. T. 2: Sovetskiy period* [Essays on the History of the Bashkir ASSR. Vol. 2: Soviet Period]. Ufa, 1966. 643 p.
14. Kondufor Yu.Yu. (ed.). *Istoriya Ukrainskoy SSR. T. 8: Ukrainskaya SSR v Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuz (1941–1945)* [History of the Ukrainian SSR. Vol. 8: Ukrainian SSR in the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941–1945)]. Kiev, 1984. 639 p.
15. Denisenko P.I. et al. (comps.). *Sovetskaya Ukraina v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945. T. 2: Ukrainskaya SSR v period korennoy pereloma v khode Velikoy Otechestvennoy voyny (19 noyabrya 1942 g. – konets 1943 g.)* [Soviet Ukraine During the Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 2: Ukrainian SSR During the Turning Point in the Great Patriotic War (19 November 1942 – Late 1943)]. Kiev, 1985. 514 p.
16. Grushko A.V. et al. (comps.). *Donetskaya oblast' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Donetsk Region During the Great Patriotic War (1941–1945)]. Donetsk, 1980. 310 p.
17. Butsko N.A., Martysheskiy M.A. *Podvig Donbassa. Trudovoy i boevoy geroizm trudyashchikhsya Donbassa v period Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Feat of the Donbass. Labour and Combat Heroism of Donbass Workers During the Great Patriotic War]. Kiev, 1975. 158 p.
18. Vorob'ev F.D. *Pobedy Sovetskikh Vooruzhennykh Sil v Velikoy Otechestvennoy voyne. 1941–1945* [Victories of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War. 1941–1945]. Moscow, 1984. 427 p.
19. *Donetchina v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945. Izvestnye i neizvestnye stranitsy istorii* [Donetsk Region During the Great Patriotic War of 1941–1945. Known and Unknown Pages of History]. Donetsk, 2008. 432 p.
20. Alforyov M.A. *Migration Processes and Their Effect on the Socio-Economic Development of the Donbass (1939–1959)*. Donetsk, 2008. 192 p. (in Ukrainian).

DOI: 10.37482/2687-1505-V311

Rashit B. Shaikhislamov

Ufa University of Science and Technology;
R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences;
ul. Zaki Validi 32, Ufa, 450074, Respublika Bashkortostan, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6500-8343> e-mail: shrb2007@mail.ru

HISTORICAL MEMORY AND MODERNITY: BASHKORTOSTAN AND THE DONBASS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

This article turns to the relationship between the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic (ASSR) and the Ukrainian Soviet Socialist Republic (SSR) to demonstrate the solidarity of Soviet peoples and regions during the Great Patriotic War. This period was a gruelling test of strength and unity for the fraternal peoples of the USSR. Special attention in the study is given to the role of the workers of the Bashkir ASSR in the restoration of the national economy of the Donbass, liberated from the Fascist occupation. Little-studied archival documents are introduced here, covering the extent of the aid, including social assistance, provided by the people of the Bashkir ASSR to the affected territories (machinery and building materials, industrial equipment, livestock, food and consumer goods). It is noted that during the harsh war years, the best qualities of Soviet peoples were drawn forth, which have enduring significance and stay relevant today: solidarity, cooperation and selfless mutual aid, which made an important contribution to the victory. In addition, it is argued that the aid to the liberated regions strengthened the economic and political unity of Soviet society and laid the foundations for the country's successful post-war reconstruction. The research is based on documents from the National Archives of the Republic of Bashkortostan, which keeps an extensive body of invaluable sources on the history of the relationship between the peoples during the Great Patriotic War (materials on the evacuation of factories and scientific and cultural institutions as well as the population of the Ukrainian SSR, on launching the evacuated industrial plants in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, on the cooperation between Ukrainian and Bashkir scientists, writers and cultural figures, as well as on the aid of Bashkir workers to the liberated territories of the Ukrainian SSR).

Keywords: *Great Patriotic War, Bashkir ASSR, Donbass, fraternal aid of Soviet peoples, Ukrainian SSR, Voroshilovgrad Region, restoration of the economy.*

Поступила 27.10.2023
Принята 28.11.2023
Опубликована 25.12.2023

Received 27 October 2023
Accepted 28 November 2023
Published 25 December 2023

For citation: Shaykhislamov R.B. Historical Memory and Modernity: Bashkortostan and the Donbass During the Great Patriotic War. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 27–35. DOI: 10.37482/2687-1505-V311

МАРШЕВСКАЯ *Валентина Васильевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Республика Беларусь). Автор 30 научных публикаций, в т. ч. одной монографии и 4 учебных пособий*
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4621-4620>

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА СО ЗНАЧЕНИЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОТНОШЕНИЯ

В статье рассмотрены формальные и семантические свойства белорусских глагольных фразеологизмов с субкатегориальными значениями деятельности и отношения. Основным методом исследования – описательный, использовались также сравнительный и аналитический методы. Выявлено, что субъектом глагольных единиц с субкатегориальным значением деятельности выступает только лицо (или совокупность лиц) – активный производитель определенной деятельности, который осознанно, целенаправленно, с проявлением воли осуществляет эту деятельность; в глагольных фразеологизмах с субкатегориальным значением отношения субъект и объект – члены отношения (ими могут выступать и лицо, и предмет, и абстрактное понятие). Изменения субъектно-объектного окружения могут приводить к трансформации субкатегориального значения и развитию полисемии глагольных фразеологизмов. В роли объекта глагольных фразеологизмов со значением конкретной деятельности, как правило, выступает предмет (продукт деятельности), однако многие единицы не имеют внешней объектной направленности. Глагольные фразеологизмы со значением абстрактной деятельности отражают мыслительную и речевую деятельность субъекта-лица (человека), они преимущественно безобъектны. Субъект глагольных фразеологизмов со значением отношения не является активным производителем действия, направленного на создание (или уничтожение) какого-либо объекта (продукта деятельности), а характеризуется прежде всего отношением к какому-либо лицу или предмету. Установлено, что фразеологизмы со значением отношения делятся на четыре группы: 1) межличностные (взаимодействие людей или их групп), 2) лично-предметные (отношение лица к предмету), 3) предметно-личные (воздействие предмета на лицо), 4) межпредметные (определенные зависимости предметов). В белорусском языке преобладают фразеологизмы со значением межличностных отношений. Полученные результаты могут быть введены в практику преподавания фразеологии в высшем учебном заведении и средней школе, в теорию и практику фразеографии.

Ключевые слова: *фразеология, белорусский язык, глагольные фразеологизмы, категориальное значение действия, конкретная деятельность, абстрактная деятельность, межличностные отношения.*

*Адрес: 230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22; e-mail: tina-2010@bk.ru

Для цитирования: Маршевская В.В. Дифференциальные признаки глагольных фразеологизмов белорусского языка со значением деятельности и отношения // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 36–44. DOI: 10.37482/2687-1505-V306

Введение

Устойчивые выражения в белорусском языке в различных аспектах изучались А.С. Аксамитовым, Ф.М. Янковским, И.Я. Лепешевым, О.А. Лещинской, Е.Е. Ивановым, В.П. Красне-ем, В.И. Ковалем, С.К. Бердником и др., однако субкатегориальные значения глагольных фразеологизмов (впрочем, как и сами глагольные фразеологизмы, несмотря на то, что это самый многочисленный из всех (соотносительных и несоотносительных с частями речи) семантико-грамматический тип (по нашим подсчетам, моно- и полисемичных глагольных фразеологизмов белорусского языка около 2800 – при открытом списке)) не были предметом специального исследования. Частичное описание глагольных фразеологизмов давалось учениками профессора И.Я. Лепешева (В.В. Маршевской [1], Е.С. Садовской [2], И.М. Хлусевич [3] и др.) при рассмотрении семантических групп и синтаксических функций глагольных фразеологизмов со структурой предложения или сочетания слов, вариантов глагольного компонента фразеологизмов всех семантико-грамматических типов. В русском языкознании существуют разнообразные классификации процессуальных фразеологизмов (В.А. Лебединской [4], Н.Б. Усачевой [5], В.И. Кабыш [6], Ю.С. Жакиной [7] и др.), что связано с разными аспектами, методами исследования и, как следствие, различным определением объема и состава субкатегорий, их структуры, семантики и др. Сложность семантической структуры глагольных фразеологизмов, возможность наделить глагольный фразеологизм и значением деятельности, и значением отношения позволяют считать вопрос о том, какие глагольные фразеологизмы образуют субкатегорию деятельности, а какие – субкатегорию отношения, *актуальным и дискуссионным*.

Цель исследования, результаты которого приведены в настоящей статье, заключается в подтверждении гипотезы о том, что глагольные фразеологизмы белорусского языка с субкатегориальными значениями деятельности и отношения являются системно организованным

объединением глагольных фразеологических единиц, характеризующимся особым субъектно-объектным окружением.

Для достижения цели необходимо было решить следующие задачи:

– выявить основные семы семантической структуры глагольных фразеологизмов со значениями деятельности и отношения и очертить границы данных субкатегорий;

– охарактеризовать субъектно-объектное окружение глагольных фразеологизмов со значениями деятельности и отношения;

– описать наиболее представленные семантические группы и подгруппы глагольных фразеологизмов со значениями деятельности и отношения.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые предпринимается попытка научного анализа глагольных фразеологизмов белорусского языка; производится описание семантической структуры глагольных фразеологизмов субкатегорий деятельности и отношения; дается классификация исследуемых фразеологизмов по семантическим группам и подгруппам; изучается субъектно-объектное окружение фразеологизмов каждой группы. Полученные результаты могут быть введены в практику преподавания фразеологии в высшем учебном заведении и средней школе, в теорию и практику фразеографии.

Методология

В лингвистических исследованиях для обозначения фразеологических единиц со значением действия (процесса) существуют разнообразные термины: «фразеологические выражения глагольного типа», «глагольные фразеологизмы», «глагольные фразеологические единицы», «процессуальные фразеологизмы» и др. Понятие *процессуальные фразеологизмы* использовали в своих работах В.А. Лебединская, Ю.С. Жакина, И.Г. Казарчук, Л.П. Гашева, Б.В. Туркина и др. Выражение *фразеологические выражения глагольного типа* впервые появилось в трудах В.В. Виноградова и отражало в первую очередь особенности структурной организации фразеологических единиц. Термины *глагольные фразеологические оборо-*

ты, глагольные фразеологические единицы применялись в работах В.П. Жукова, М.Т. Тагиева, А.И. Молоткова, А.П. Мордвилко, Н.М. Шанского, А.В. Кунина, И.В. Арнольд, А.И. Смирницкого и др., под них лингвисты подводили многочисленные группы фразеологизмов, объединенные способностью обозначать действие или состояние, выступать в роли сказуемого, соотноситься с определенной частью речи – глаголом и др.

В белорусском языкознании научной дискуссии относительно терминологии фразеологизмов с наиболее общим значением действия фактически нет, наблюдается также различный подход лингвистов к трактовке категорий «действие», «процесс», «деятельность». Под деятельностью иногда понимают действие. Сам термин «действие» в толковом словаре белорусского языка имеет 5 значений, первое из которых – ‘деятельность’ (с переносными значениями только множественного числа (*действия*) ‘поступки, поведение’; ‘военные операции’); третье значение – ‘влияние, воздействие’ (с переносным значением ‘проявление какой-н. энергии, силы’)¹. Понятие «процесс» интерпретируется как «действие» в широком смысле. Толковый словарь белорусского языка фиксирует три значения слова «процесс»: 1) ‘последовательная смена каких-либо явлений, ход развития чего-либо’ // ‘совокупность последовательных действий, направленных на достижение определенного результата’; 2) ‘активное развитие болезни’; 3) ‘порядок разбирательства судебных дел’, ‘разбор дела судом’. Термин «процессуальный» имеет отношение к процессу в 3-м значении – *процессуальное право, процессуальные сроки*². Понятие «глагольные фразеологизмы» в белорусском языке связывается с глаголом как частью речи, с наиболее общим значением действия, которое

выражается в категориях вида, времени, наклонения, а также рода (в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения). Такое наиболее общее значение действия называют категориальным или частеречным. По мнению П.П. Шубы, значение процесса в глаголе выступает как самое общее; глагол в качестве процесса передает и действие (красить, косить, сыпать, бежать), и состояние (сидеть, созреть, быть), и отношение (любить, иметь), и смену признака (замерзнуть, краснеть) и др. Все частные значения глагола объединяются тем, что они воспринимаются как процесс, происходящий во времени и характеризующийся различными отношениями с субъектом или объектом³.

В исследовании мы придерживаемся трактовки понятия «действие» в грамматически обобщенном виде (как категориальное значение процесса), а для обозначения активного процесса (по сравнению с состоянием и отношением) используем термин «деятельность». Понятие «действие» применяется нами в отношении более частного, конкретного физического действия человека. В данной статье мы руководствуемся традиционным для белорусского языкознания толкованием термина «фразеологизм» – устойчивая, воспроизводимая, не менее чем двухкомпонентная языковая единица, сочетающаяся со словами свободного употребления и имеющая целостное значение, не равное сумме значений ее компонентов (если их рассматривать на уровне слов)⁴, также придерживаемся принятой грамматической классификации фразеологизмов по соотносительности их с частями речи. Номинацию *глагольные фразеологизмы* мы применяем к фразеологизмам, обозначающим наиболее общее понятие действия (процесса) и выражающим его в категориях вида, времени, наклонения, а

¹Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т., 6 кн. / Акад. Навук БССР, Ін-т мовазнаўства; пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы). Т. 2. Г–К / рэд. тома А.Я. Баханькоў. Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1978. 768 с.

²Там же. Т. 4. П–Р / рэд. тома Г.Ф. Вештарт, Г.М. Прышчэпчык. Мінск: Беларус. Сав. Энцыкл., 1980. 768 с.

³Шуба П.П. Сучасная беларуская мова: Марфалогія. Марфалогія. Мінск: Універсітэцкае, 1987. 334 с.

⁴Лепешаў І.Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы. Мінск: Выш. шк., 1998. 271 с.

также рода (в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения).

Основной метод, использовавшийся в исследовании, – описательный; применялись также сравнительный и аналитический методы. Описание глагольных фразеологизмов с субкатегориальными значениями деятельности и отношения осуществлялось с учетом сведений, представленных в нормативном толковом словаре фразеологизмов И.Я. Лепешева⁵. Каждая семантическая группа, рассмотренная нами, насчитывает не менее 25 однозначных глагольных фразеологизмов (но в качестве примеров-иллюстраций мы подобрали 1–3 выражения, в необходимых случаях привели контексты).

Результаты исследования

Интегральным признаком глагольных фразеологизмов субкатегорий деятельности и отношения выступает наиболее общее значение действия (процесса). Дифференциальными признаками являются характер их субъектного и объектного окружения, а также степень активности протекания процесса (действия). Абсолютно точное количество единиц этих субкатегорий назвать невозможно (изменение субъектно-объектного окружения глагольных фразеологизмов может приводить к трансформации субкатегориального значения и развитию среди них полисемии), однако, по нашим подсчетам, выполненным на основе нормативного толкового словаря фразеологизмов, только однозначных односубъектных фразеологизмов субкатегории деятельности насчитывается 617 единиц, а субкатегории отношения – 772 (из общего числа однозначных глагольных фразеологизмов – 2322 единицы – при открытом списке).

Глагольные фразеологизмы субкатегории деятельности. Понятие «деятельность» мы трактуем (вслед за В.А. Лебединской [4]) как специфическую человеческую форму активного отношения к окружающей среде, содержание которой составляет целесообразное изменение и преобразование этой среды. Мы

придерживаемся мнения, что «деятельность» – более широкое понятие, чем «действие», и под ней понимаем форму сознательной активности субъекта, направленную (или ненаправленную) на объект с целью преобразования его свойств. Субъектом деятельности становится лицо (или совокупность лиц), которое проявляет свою волю, реализует свои действия и достигает поставленной цели. Объектом деятельности выступает предмет, являющийся продуктом деятельности человека. Таким образом, основные семы семантической структуры глагольных фразеологизмов субкатегории деятельности – «субъект-лицо (человек, осуществляющий деятельность)», «неодушевленный объект как результат, продукт этой деятельности», «осознанность», «волеизъявление». Наличие этих сем в семантической структуре глагольных фразеологизмов с субкатегориальным значением деятельности служит их дифференциальным признаком. Данные фразеологизмы обладают наибольшей степенью активности процесса. В контекстном окружении этих единиц обязательно присутствует субъект-лицо, поэтому среди фразеологизмов этой субкатегории нет единиц, которые функционировали бы в безличном употреблении.

Выделяются две группы глагольных фразеологизмов субкатегории деятельности: 1) конкретная деятельность, 2) абстрактная деятельность. Глагольные фразеологизмы со значением поведения мы рассматриваем как единицу психического состояния в субкатегории состояния [8]. Глагольными фразеологизмами не передается абсолютное значение конкретной или абстрактной деятельности. Процессуальность в них всегда определенным образом сочетается с характеристикой деятельности, а также с ее оценкой. Так, фразеологизм *грэць лоб* обозначает не просто 'работать', а 'усердно, до пота работать'; *валаводзіць валаводы* – не просто 'делать что-либо', а 'долго и медленно делать

⁵Лепешаў І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008.

что-либо»; в смысловой структуре фразеологизма *не ўдарыць тварам у гразь* преобладает положительная оценка ‘успешно справиться с чем-либо, выполнив что-либо наилучшим образом’.

Глагольные фразеологизмы со значением конкретной деятельности делятся на три семантические подгруппы: а) социальная деятельность (*мазолиць рукі* ‘много работать физически’, *круціць баранку* ‘работать шофером’, *перакоўваць мячы на аралы* ‘разоружаться, использовать все средства на мирные цели’); б) движение, перемещение в пространстве (*мераць зямлю* ‘ходить пешком на большое расстояние’, *даваць лататы* ‘бросаться наутек, стремительно убежать’, в) конкретные физические действия (*злавіць лісу* ‘неосторожно прожечь одежду при огне’, *выкладаць бакі* ‘кушать что-либо аппетитное, вкусное’). Фразеологизмы могут иметь внешнюю объектную направленность (неодушевленный объект как продукт деятельности) – *пячы як бліны (што)* ‘очень быстро и много создавать что-либо’, *паставіць на паток (што)* ‘сделать что-либо систематическим, последовательным, непрерывным’, *выпускаць у свет (што)* ‘издавать, опубликовывать (книгу, брошюру и т. п.)’, но чаще всего фразеологизмы со значением конкретной деятельности безобъектны (*мазолиць рукі* ‘много работать физически’ и т. п.). Детально эти три семантические подгруппы были охарактеризованы нами в [9].

Среди однозначных глагольных фразеологизмов со значением абстрактной деятельности выделяются две семантические подгруппы: а) мыслительная деятельность (*збірацца з думкамі* ‘сосредоточиваться на чем-либо, пытаться обдумать, решить что-либо’, *адвейваць (веяць, адсейваць) зерне ад паловы (мякіны)* ‘отделять хорошее от плохого, полезное от вредного, ненужного’), б) речевая деятельность (*залівацца салаўём* ‘говорить красноречиво, с большим восхищением’, *рваць горла* ‘очень сильно разговаривать, орать, петь’). Более подробно

эти две семантические подгруппы рассмотрены нами в [10].

Глагольные фразеологизмы со значением мыслительной деятельности, как правило, являются безобъектными, лишь изредка объектом выступают абстрактные понятия – *выбіваць з галавы (што)* ‘избавляться от чего-либо назойливого, неотступного. О мыслях, впечатлениях и т. п.’: [*Салавей*] *сумаваў на сваёй Зосьцы... Ён ніяк не мог аб ёй не думаць... Хаця ічыра стараўся выбіць з галавы гэтыя думкі* (З. Бядуля)⁶. Глагольные фразеологизмы со значением речевой деятельности также в крайне редких случаях имеют объектную направленность; объектом (темой) речи выступают абстрактные существительные (*вывады, думкі, пачуцці* и др. – *высмоктваць з пальца (што)* ‘говорить, утверждать что-либо без должных оснований, выдумывать’: *Навука павінна мець запатрабаванні практыкі, прастор. Базу для эксперыmentaў. Безумоўна, калі там, у інстытутах, будуць высмоктваць вывады з пальцаў... Калі мы не дамо ніводнай комплекснай задачы... (І. Шамякін)*. Отсутствие объектной (внешней) направленности на лицо служит дифференциальным признаком, позволяющим отграничить фразеологизмы со значением речевой деятельности (типа *навесіць сабе замок на рот (на губы)*) от фразеологизмов со значением вербальных отношений, объектом которых выступает не предмет (тема) речи, а лицо – участник отношений, испытывающий вербальное воздействие, чаще негативного характера (*навесіць замок на рот (на губы) (каму)* ‘заставить кого-либо молчать, не дать говорить’).

Глагольные фразеологизмы субкатегории отношений. Понятие «отношение» имеет разное значение в различных областях науки: в философии оно рассматривается как определенные зависимости конкретной системы, в социологии, психологии, антропологии – как связь и взаимодействие людей или их групп

⁶Контексты употребления фразеологизмов приводятся здесь и далее из: *Ленешаў І.Я.* Слоўнік фразеалагізмаў.

между собою или как определенная направленность их действий. В собственно лингвистическом аспекте категорию отношения (на лексическом уровне) рассматривала Р.М. Гайсина: «Отношение в языке может быть самостоятельным объектом именованья, оно может входить как составная часть, как семантический компонент в состав другого, более широкого, сложного понятия, понятие отношения может быть имплицитно или эксплицитно представлено в семантике предложения» [11, с. 10]. Лингвист рассмотрела три группы отношений в качестве компонентов смысла (релятивных сем), которые выделяются и абстрагируются нашим сознанием и отражаются в языке: отношения, существующие между предметами и явлениями окружающей действительности; отношение человека к различным реалиям; отношения, существующие между людьми. Фразеологический материал в работах Р.М. Гайсиной не рассматривался. На данном уровне категорию отношения исследовали А.М. Чепасова (фразеологизмы со значением отрицательного или положительного воздействия [12]), В.А. Лебединская (отношения между субъектом-лицом и другими лицами; отношения между субъектом-предметом и другими объектами [4]). Другие классификации охватывают фразеологизмы с определенным типом отношений или с определенными компонентами (*иметь, брать/взять*) (И.Г. Казачук [13], Н.Б. Усачева [5], В.И. Кабыш [6] и др.). Наиболее полной, по нашему мнению, является классификация А.А. Соколовой [14], где была выделена еще одна группа отношений – отношение предметов и явлений окружающей действительности к человеку, хотя, на наш взгляд, подобная система обладает определенной долей условности: материалом стали не только фразеологические сращения и фразеологические единства, но и выражения, которые не всеми лингвистами принимаются как фразеологизмы (например, *считать себя кем-л., оказывать влияние на кого-л., иметь общее с чем-л., лечь в основу чего-л., дать обещание кому-л.* и др.).

Вслед за лингвистами-фразеологами понятие «отношение» трактуется нами как процесс

воздействия на кого-/что-либо или взаимодействия между одушевленными или неодушевленными субъектами и объектами, являющимися участниками этого процесса. В реализации глагольными фразеологизмами семантики отношения принимают участие три составляющих: наличие значения воздействия на кого-/что-либо или взаимодействия между кем-/чем-либо в дефиниции фразеологизма, левый член-участник (подлежащее) и правый член-участник (обычно дополнение).

В зависимости от субъектно-объектного окружения глагольные фразеологизмы белорусского языка соотносятся с семантическими группами отношения: 1) межличностные (субъект-лицо – объект-лицо) – *выводзіць на арбіту (каго)* ‘помогать стать известным, с устойчивым местом в жизни’, *есці поедам (каго)* ‘беспрестанно упрекать, укорять, унижать’; 2) лично-предметные (субъект-лицо – объект-предмет (конкретный предмет или, чаще, абстрактное понятие) – [Луцэвіч:] *Я душу ў гэтую зямлю ўкладаў* (= я полностью отдавался земле, все силы, способности направлял на ее обработку), *я жылы з сябе цягнуў, а шчасця няма* (В. Вітка); *Зямля шчодра адорвала тых, хто працуе творча, мэтанакіравана, хто бярэ на ўзбраенне* (= кто действительно использует, применяет в своей практике науку) *сучасную навуку, разумна выкарыстоўвае тэхніку* («Звезда»); 3) предметно-личные (субъект-предмет – объект-лицо) – *Праз хвіліну, стоячы ў перадаку, імчаўся Юзік Верамейчык з новенькаю пажарнаю машынаю, якая рэзала вочы* (= машина резко выделялась, вызывая к себе отрицательные отношения) *яскравасцю чырвонай фарбы* (К. Крапіва); *Нечаканасць адна за другой звальваюцца на галаву* (= неожиданности выпадают на мою долю, утруждают меня) *увесь дзень* (А. Грамовіч); 4) межпредметные (субъект-предмет – объект-предмет) – *Хмуры асенні дзень саступаў месца* (= день заменялся вечером) *шумнаму гарадскому вечару* (Я. Колас).

В белорусском языке наиболее представлены глагольные фразеологизмы со значени-

ем социальных (межличностных) отношений (субъект-лицо – объект-лицо), которые образуют семантические подгруппы: а) доминантные отношения (субъект-лицо доминирует, а объект-лицо испытывает давление) – *запрагаць у хамут (каго)* ‘полностью подчинять себе, своей воле’, *станавіцца на горла (каму)* ‘заставлять делать так, как хочется, как выгодно кому-либо’, *плеш пераядаць (каму)* ‘сильно расстраивать кого-либо, докучая чем-нибудь неприятным’; б) продуктивные отношения поддержки – *браць на буксір (каго)* ‘помогать тому, кто отстаёт’, *не даваць у крыўду (каго)* ‘заступаться за кого-либо, защищать кого-либо’; в) вербальные отношения – *трымаць у курсе (<чаго> каго)* ‘постоянно информировать кого-либо о ходе, развитии чего-либо’, *закідваць гразю (каго)* ‘незаслуженно чернить, унижать’; г) отношения между мужчиной и женщиной – *халяўкі смаліць (за кім)* ‘ухаживать за кем-либо’, *строіць вочкі (каму)* ‘кокетничать с кем-либо’, *даваць гарбуз (каму)* ‘отказывать тому, кто сватается’ и др. Эти четыре семантические подгруппы фразеологизмов детально были охарактеризованы нами в [15].

Заклучение

Таким образом, глагольные фразеологизмы белорусского языка с субкатегориальными значениями деятельности и отношения являются системно организованным объединением глагольных фразеологических единиц, характеризующимся особым субъектно-объектным окружением. Субъектом глагольных единиц с субкатегориальным значением деятельности выступает только лицо (или совокупность лиц) – активный производитель определенной деятельности, который осознанно, целенаправленно, с проявлением воли осуществляет эту

деятельность; в глагольных фразеологизмах с субкатегориальным значением отношения субъект и объект – члены (участники) взаимодействия (ими могут выступать и лицо, и предмет, и абстрактное понятие).

Изменения субъектно-объектного окружения могут приводить к трансформации субкатегориального значения и развитию полисемии глагольных фразеологизмов. Такое обстоятельство отражается во фразеографической практике частично. Например, фразеологизм *парваць нервы* имеет два значения: проявление психического состояния (‘сильно разволноваться, разнервничаться’) или межличностные отношения (‘заставить кого-либо волноваться, нервничать’). По нашему мнению, к 380 полисемичным глагольным фразеологизмам, зафиксированным в нормативном толковом словаре фразеологизмов И.Я. Лепешева, можно добавить свыше 300 единиц, имеющих двусубъектное окружение (относящихся и к субъекту-лицу, и к субъекту-нелицу). Например, в одном значении фразеологизма *заставацца ў баку (ад чаго)* ‘не принимать непосредственного участия в чем-либо, не иметь никакого отношения к чему-либо’ совмещается и значение деятельности (при подлежащем со значением лица), и значение отношения (при сочетании с подлежащим-абстрактным предметом). Фактический материал (примеры-иллюстрации на употребление глагольных фразеологизмов) из источников XXI века (публицистическая и художественная литература) в перспективе мог бы послужить уточнению фразеологических значений двусубъектных и двуобъектных глагольных фразеологизмов и их словарной семантической характеристики.

Список литературы

1. *Маршэўская В.В.* Семантычная і граматычная характарыстыка фразеалагізмаў са структурай сказа: манагр. Гродна: ЮрСаПрынт, 2019. 121 с.
2. *Садоўская А.С.* Фразеалагізмы-спалучэнні ў сучаснай беларускай мове / пад рэд. І.Я. Лепешава. Гродна: ГрДУ, 2003. 118 с.
3. *Хлусевіч І.М.* Варыянтнасць фразеалагізмаў у сучаснай беларускай літаратурнай мове / пад рэд. І.Я. Лепешава. Гродна: ГрДУ, 2002. 100 с.

4. Лебединская В.А. Взаимодействие семантических и грамматических свойств процессуальных фразеологизмов: дис. ... д-ра филол. наук. Курган, 1996. 312 с.
5. Усачева Н.Б. Структурные и семантические свойства фразеологизмов с компонентом ИМЕТЬ: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1998. 212 с.
6. Кабыш В.И. Структурные и семантические свойства фразеологизмов с компонентами *брать/взять*: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2003. 255 с.
7. Жакина Ю.С. Процессуальные фразеологизмы субкатегории деятельности: дис. ... канд. филол. наук. Курган, 2003. 276 с.
8. Маршевская В.В. Особенности семантической структуры глагольных фразеологизмов белорусского языка со значением состояния // Тул. науч. вестн. Сер.: История. Языкознание. 2023. Вып. 2(14). С. 115–127.
9. Маршэўская В.В. Семантычныя групы дзеяслоўных фразеалагізмаў са значэннем канкрэтнай дзейнасці // Вестнік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. А. Гуманітарныя навукі. 2023. № 1. С. 153–157. DOI: [10.52928/2070-1608-2023-66-1-153-157](https://doi.org/10.52928/2070-1608-2023-66-1-153-157)
10. Маршэўская В.В. Семантычныя групы дзеяслоўных фразеалагізмаў са значэннем абстрактнай дзейнасці // Беларуская лінгвістыка. 2022. Вып. 89. С. 86–93.
11. Категория отношения в языке / под науч. ред. Р.М. Гайсиной. Уфа: БГУ, 1997. 173 с.
12. Чепасова А.М. Избранные труды. Т. 2. Фразеология в контексте современных лингвистических исследований. Челябинск: ЮУрГГПУ, 2016. 211 с.
13. Казачук И.Г. Процессуальные фразеологизмы русского языка: (категории бытия и отношения). Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2004. 310 с.
14. Соколова А.А. Процессуальные фразеологизмы субкатегории отношения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Курган, 2004. 291 с.
15. Маршэўская В.В. Дзеяслоўныя фразеалагізмы са значэннем міжасобасных адносін // Роднае слова. 2022. № 8(416). С. 71–74.

References

1. Marsheuskaya V.V. *Semantic and Grammatical Characteristics of Phraseological Units with Sentence Structure*. Grodno, 2019. 124 p. (in Belarus.).
2. Sadowskaya A.S. *Phraseological Combinations in Modern Belarussian*. Grodno, 2003. 118 p. (in Belarus.).
3. Khlusevich I.M. *Variation of Phraseological Units in Modern Belarussian*. Grodno, 2002. 100 p. (in Belarus.).
4. Lebedinskaya V.A. *Vzaimodeystvie semanticheskikh i grammaticheskikh svoystv protsessual'nykh frazeologizmov* [Interaction of Semantic and Grammatical Properties of Processual Phraseological Units: Diss.]. Kurgan, 1996. 312 p.
5. Usacheva N.B. *Strukturnye i semanticheskie svoystva frazeologizmov s komponentom IMET'* [Structural and Semantic Properties of Phraseological Units with the Component *imet'*: Diss.]. Chelyabinsk, 1998. 212 p.
6. Kabysh V.I. *Strukturnye i semanticheskie svoystva frazeologizmov s komponentami brat'/vzyat'* [Structural and Semantic Properties of Phraseological Units with the *brat'/vzyat'* Components: Diss.]. Tyumen, 2003. 255 p.
7. Zhakina Yu.S. *Protsessual'nye frazeologizmy subkategorii deyatelnosti* [Processual Phraseological Units of the Subcategory of Activity: Diss.]. Kurgan, 2003. 276 p.
8. Marsheuskaya V.V. Features of the Semantic Structure of Verbal Phraseological Units of the Belarusian Language with the Meaning of the State. *Tula Sci. Bull. Hist. Linguist.*, 2023, no. 2, pp. 115–127 (in Russ.).
9. Marsheuskaya V.V. Semantic Groups of Verbal Phraseological Units with the Meaning of a Specific Activity. *Her. Polotsk State Univ. Ser A Humanity Sci.*, 2023, no. 1, pp. 153–157 (in Belarus.). DOI: [10.52928/2070-1608-2023-66-1-153-157](https://doi.org/10.52928/2070-1608-2023-66-1-153-157)
10. Marsheuskaya V.V. Semantic Groups of Verbal Phraseological Units with the Meaning of a Specific Activity. *Byeloruss. Linguist.*, 2022, no. 89, pp. 86–93 (in Belarus.).
11. Gaysina R.M. (ed.). *Kategoriya otnosheniya v yazyke* [The Category of Relationship in the Language]. Ufa, 1997. 173 p.
12. Chepasova A.M. *Izbrannye trudy. T. 2. Frazeologiya v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy* [Selected Works. Vol. 2. Phraseology in the Context of Modern Linguistic Research]. Chelyabinsk, 2016. 211 p.
13. Kazachuk I.G. *Protsessual'nye frazeologizmy russkogo yazyka: (kategorii bytiya i otnosheniya)* [Processual Phraseological Units of the Russian Language (Categories of Being and Relationship)]. Chelyabinsk, 2004. 310 p.

14. Sokolova A.A. *Protsessual'nye frazeologizmy subkategorii otноsheniya v sovremennom russkom yazyke* [Processual Phraseological Units of the Subcategory of Relationship in Modern Russian: Diss.]. Kurgan, 2004. 291 p.

15. Marsheuskaya V.V. Verbal Phraseological Units with the Meaning of Interpersonal Relationship. *Rodnae slova*, 2022, no. 8, pp. 71–74 (in Belarus.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V306

Valiantsina V. Marsheuskaya

Yanka Kupala State University of Grodno;

ul. Ozheshko 22, Grodno, 230023, Republic of Belarus;

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4621-4620> e-mail: tina-2010@bk.ru

DIFFERENTIAL SIGNS OF VERBAL PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE BELARUSIAN LANGUAGE WITH THE MEANINGS OF ACTIVITY AND RELATIONSHIP

This article deals with the formal and semantic properties of verbal phraseological units with the meanings of activity and relationship in the Belarusian language. The key research method applied here is descriptive, followed by the comparative and analytical methods. The author established that the subject of verbal units with the meaning of activity can only be a person (a group of people), an active doer of a certain activity who consciously and purposefully carries out this activity. In verbal phraseological units with the meaning of relationship, the subject and object are participants in an interaction (they can be a person, an inanimate object or an abstract concept). Changes in the subject-object environment can lead to the transformation of meaning and the development of polysemy of verbal phraseological units. As a rule, the object of verbal phraseological units with the meaning of specific activity is a product of an activity; however, many units are objectless. Verbal phraseological units with the meaning of abstract activity reflect the mental and speech activity of the person subject (human) and are mostly objectless. The subject of verbal phraseological units with the meaning of relationship is not an active doer of an action aimed to create (or destroy) an object (product of activity), but is characterized, first and foremost, by a relationship to a person or an object. The author has established that the phraseological units with the meaning of relationship can be divided into four groups: 1) interpersonal (interaction between people or groups of people), 2) person–object (relationship of a person to an object) 3) object–person (an object's influence on a person) and 4) interobject (certain dependencies between objects). In the Belarusian language, phraseological units with the meaning of interpersonal relationship prevail. The results obtained can be implemented in the practice of teaching phraseology in higher education institutions and schools as well as in the theory and practice of phraseography.

Keywords: *phraseology, Belarusian language, verbal phraseological units, categorical meaning of action, specific activity, abstract activity, interpersonal relationship.*

Поступила 15.06.2023

Принята 06.12.2023

Опубликована 25.12.2023

Received 15 June 2023

Accepted 6 December 2023

Published 25 December 2023

For citation: Marsheuskaya V.V. Differential Signs of Verbal Phraseological Units of the Belarusian Language with the Meanings of Activity and Relationship. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 36–44. DOI: 10.37482/2687-1505-V306

УДК 81'373.211

DOI: 10.37482/2687-1505-V303

*БУРКОВА Татьяна Александровна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии и методики обучения иностранным языкам Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, профессор кафедры «Философия, история и право» Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Уфа). Автор 95 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий и 5 учебных пособий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5927-3706>

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОЙКОДУБЛЕТЫ В ИСТОРИИ ЭТНОСОЦИУМА

На протяжении всей истории существования человечества топонимы, в т. ч. и ойконимы, занимают особое место в жизни социума. Изменения территориального, политического и идеологического характера оказывают влияние на номинацию и реноминацию ойконимов. В работе показано разнообразие терминологического аппарата, связанного с обозначением процесса переименования («вторичная номинация», «реноминация», «ренейминг»). Характерный признак ойконимов – национально-культурная маркированность, которая может проявляться в лингвокультуре в результате возникновения идеологических ойкодублетов, отражающих исторические события, связанные со стиранием или увековечиванием имен тех или иных политических лидеров. Рассматриваются идеологические ойкодублеты, существовавшие в XX веке в России, а также в бывших странах Союза Советских Социалистических Республик и Восточной Германии. Автор выделяет три этапа их возникновения на территории России: 1) ликвидация лексики «царского самодержавия»; 2) увековечивание памяти о политических лидерах Советского Союза; 3) десоветизация ойконимии. Отмечается аналогичность появления ойкодублетов второго и третьего этапов в странах постсоветского пространства, а также на территории бывшей Германской Демократической Республики. Автор приходит к выводу, что идеологические ойкодублеты маркируют, как правило, полярные политические режимы. Перемены в жизни общества отражаются на бытии отдельного индивида и социума в целом. Следствие этих перемен – появление новых лексических единиц, закрепляющихся в языке, как свидетелей времени. Важными хранителями исторической и культурной памяти в этносоциуме служат ойконимы – проводники не только чисто лингвистической, но и обширной лингвострановедческой информации. Изменения политического характера отражаются на топонимической политике, связанной с другими ее видами – идеологической, языковой, национальной и др.

Ключевые слова: ойконимы, переименование ойконимов, топонимическая политика, идеологические ойкодублеты, национально-культурная маркированность.

*Адрес: 450000, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской Революции, д. 3а; e-mail: burkova_tatjana@mail.ru

Для цитирования: Буркова Т.А. Идеологические ойкодублеты в истории этносоциума // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 45–54. DOI: 10.37482/2687-1505-V303

Введение

Ойконимы – наименования населенных пунктов – относятся к группе топонимов¹, которые, являясь одним из наиболее древних и устойчивых компонентов лексического фонда, представляют собой область, демонстрирующую тесную взаимосвязь истории, культуры и языка. Их анализ позволяет обнаруживать языковую и культурную специфику этносоциума, определять закономерности формирования исторического ландшафта [1; 2]. На современном этапе исследований особое место отводится изучению роли ономастической лексики в концептуализации окружающей действительности. Анализ языковых средств в когнитивном ракурсе позволяет эксплицировать ономастический, в т. ч. и топонимический, потенциал лингвокультуры в понятийном аспекте, поскольку внимание ученых сосредоточено на ментальных процессах, в результате которых в языке возникают ономастические единицы [3, с. 3].

В данной работе мы рассматриваем единицы с идеологическим подтекстом. Идеологические мотивы базируются на совпадении идейных позиций личности с ценностями определенной группы, организации, партии и иной идейно-политической силы. В отдельных случаях в основе топонимической номинации могут лежать установки правящей партии по увековечиванию памяти отдельных политических лидеров в названиях городов – мемориальная номинация.

Методология

История топонимики показывает немало примеров, когда отдельный географический объект в разные периоды его существования мог иметь разные названия. В.Н. Калуцков, рассматривая переименования географических объектов, использует термин «концептуализация географического пространства», под которым понимает инновационный культурно-географический процесс с целью изменения географической картины мира. Элементарной единицей концептуализации пространства ученый называет геоконцепт,

который представляет собой новый «локальный оним», обладающий определенными коннотативными значениями, а также включающий в себя новый ассоциативный образ места или имеющий идеологическое содержание [4, с. 924].

В языковых номинациях, в т. ч. и ономастического характера, находят отражение экономические, политические и социальные изменения в обществе. Под процессом номинации понимается вербализация мыслительной деятельности, связанной с освоением окружающей действительности. В результате контаминируются *экстралингвистический* (предмет, явление), *логический* (наши представления о данном предмете) и *лингвистический* (звуковая последовательность) компоненты [5, с. 697]. Лингвистический компонент может меняться под влиянием экстралингвистических факторов, из-за которых происходит переименование объекта. А.К. Матвеев отмечает, что наименование и переименование – это, по сути, разные вещи. В первом случае мы имеем дело с началом существования безымянного объекта; во втором – речь идет об уже названном объекте, об историческом факте топонимической системы лингвокультуры. Исходя из этого, отмечает ученый, формулируются разные задачи и способы решения. Кроме того, подчеркивает автор, процесс переименования значительно сложнее и болезненнее, о чем свидетельствует современный опыт [6, с. 100–101].

Традиционно для обозначения процесса замены одного имени другим используется термин «переименование» ([7; 8] и др.). Наряду с ним употребляются также «вторичная номинация» [9], «реноминация» [10] и «ренейминг» [11–13]. Процесс вторичной номинации топонимов, по мнению Е.А. Терентьева, тесно связан с вопросами переименования топонимических объектов [9]. На наш взгляд, термин «вторичная номинация» не совсем уместен для обозначения процессов переименования топонимов, т. к. делает акцент на параллельное существование пер-

¹Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. С. 90.

вичного и вторичного именовании одного и того же объекта (Санкт-Петербург – город на Неве), в свою очередь, при переименовании топонимов одно имя заменяется другим (Ленинград – Санкт-Петербург), хотя в историческом срезе ойкодублет может являться результатом вторичной номинации. Понятие «ренейминг» употребляется, как правило, в научных изысканиях, связанных с анализом коммерческой номинации, хотя теоретически, по мнению Р.В. Разумова, представляется возможным использование данного термина при выявлении особенностей топонимической номинации [14, с. 197–198].

Ученые выделяют разные причины переименования географических объектов. В.А. Жучкевич, например, называет: 1) социальные революции и войны, в результате которых происходит изменение государственной принадлежности территории, крушение колониальной системы, разрушение старых и образование новых суверенных государств; 2) совершенствование национальной топонимии, являющееся следствием неблагозвучности топонимов². Е.М. Пospelов среди причин переименования топонимов выделяет также: 1) желание ликвидировать существующее название, которое связано с именами или понятиями прошлого (свергнутый строй, бывшая государственная принадлежность, колониализм), и 2) стремление ввести новое название с целью отражения идей, имен и понятий новой власти, строя или государственного образования. При этом в процесс переименования часто оказываются втянутыми многие «нейтральные» топонимы, которые служат основой для внедрения названий с новым идеологическим содержанием [7, с. 96]. С.А. Никитин в качестве оснований для переименования определяет: 1) политические мотивы; 2) изменения административно-территориального статуса объекта; 3) желание уйти от диалектных черт в ойконимике региона; 4) предпочтение словообразовательной модели, более характерной для локальных геогра-

фических названий [8, с. 15]. О.Н. Кузьменко относит к основаниям для переименования: 1) «эстетические причины», т. е. желание местного населения жить в городах и селах с «красивыми названиями»; 2) стремление избавиться от созвучных названий [15, с. 67].

Анализ причин переименования топонимов, как мы видим, позволяет выделить два основных направления. С одной стороны, это процессы политического характера, происходящие в стране или странах (революции, войны, создание новых и разрушение старых государств). С другой – совершенствование национальной топонимии, следствием которого являются замена «непристойных названий» более эстетичными или выбор онимов, отвечающих национальным словообразовательным моделям.

Предмет анализа в данной статье – ойконимы, возникшие в результате официального переименования, связанного с политико-идеологическими процессами в обществе. Значительное количество рассмотренных единиц связано с идеологическими ойкодублетами России, автор акцентирует внимание на ойкодублетах стран постсоветского пространства, а также на некоторых названиях городов Германской Демократической Республики (ГДР) – бывшей советской оккупационной зоны на территории Восточной Германии после окончания Второй мировой войны.

Под официальным переименованием ойконима мы понимаем возникновение ойкодублета, т. е. «ликвидацию прежнего топонима и замену его новым именованием» [16, с. 38], в результате специального номинативного акта, изданного органом законодательной или исполнительной власти. Напомним, что в ономастике под дублетами понимается соотнесенность разных по составу (лексическому или морфемному) онимов с одним и тем же объектом номинации [17, с. 57].

Переименования, связанные с революционными событиями, известны со времен Великой французской революции в конце XVIII сто-

²Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск: Изд-во БГУ, 1974. С. 9.

летия, когда топонимы, в той или иной степени связанные с королевской властью, титулами вельмож, религиозными понятиями, заменялись на номинации, лишённые намека на любую монархическую составляющую, так называемые свободоориентированные названия [16, с. 38]. В России внедрение топонимов, отражающих идеологию доминирующего политического режима, практикуется также примерно с XVIII века. Речь идет об унификации территорий, находящихся под властью царского режима [18, с. 155]. Существование двух или нескольких названий одного топообъекта – в сущности, то же, что и последовательная замена их во времени, отмечает А.Н. Беляев. Существование разных названий объекта – лишь момент их подвижного равновесия, сколько бы он ни длился. При каждой смене названия имеет место период сосуществования старого и нового [19, с. 57].

В современной ономастике для отражения процессов переименования, связанных с политическими событиями, используется термин «топонимическая политика». В динамическом аспекте топонимическая политика есть практика присвоения официальных топонимов пространственным объектам, которая осуществляется уполномоченными субъектами права [20, с. 36].

Эмпирической базой настоящего исследования послужили ойконимы, отобранные методом частичной выборки из топонимического словаря Е.М. Поспелова³, переименованные по идеологическим причинам. Эмпирический материал обработан с использованием следующих методов анализа: 1) дескриптивного, включающего сбор, систематизацию эмпирических данных, их логическое осмысление, выявление закономерностей; 2) системно-динамического с целью исследования семантического потенциала переименованных ойконимов, что позволяет раскрыть взаимосвязь процесса номинации с экстралингвистическими факторами.

Результаты исследования

Переименование географических объектов – распространенная практика в этносоциумах, переживающих радикальные социокультурные трансформации. Процессы появления идеологических ойкодублетов в России XX века можно разделить на три этапа: 1) возникновение в первые дни советской власти и использование с целью ликвидации «лексики царского самодержавия» (антропонимы царей, титулы дворян, элементы религий); 2) применение для увековечивания памяти о политических лидерах Советского Союза; 3) «десоветизация ойконимии».

Первый этап, как уже было отмечено, связан с желанием ликвидировать так называемые царские ойконимы. Рассмотрим примеры.

Царевококшайск (1584–1919). Этот город основан в 1584 году на реке Кокшайке. До 1919 года назывался *Царевококшайск*, в период с 1919 по 1928 год по идеологическим причинам был переименован в *Краснококшайск*. В 1928 году как центр Марийской автономной области получил название *Йошкар-Ола* (букв. «красный город»; с луговомарийского *йошкар* – ‘красный’, *ола* – ‘город’).

Романов-на-Мурмане (1916–1917). В 1916 году император Николай II наложил резолюцию: назвать городское поселение в конце железнодорожного пути от Петрограда до Северного Ледовитого океана *Романов-на-Мурмане*. Он был наречен в честь императорского дома Романовых и стал последним городом, основанным в Российской империи. В 1917 году был переименован в *Мурманск*.

Новониколаевск (1893–1925). Прошлое города отсылает нас к Петровской эпохе, когда начали активно осваивать Сибирь. В 1893 году на месте будущего моста Транссибирской железной дороги через реку Обь был основан город *Новониколаевск* в честь правящего царя Николая II. В 1925 году его переименовывали в *Новосибирск*.

С первым этапом переименований связаны также следующие ойкодублеты:

³Поспелов Е.М. Географические названия мира: топоним. слов. / отв. ред. Р.А. Агеева. 2-е изд., стер. М.: Рус. словари: Астрель: АСТ, 2002. 512 с.

– *Екатеринодар (1793–1920) – Краснодар (1920 – наст. время)* – элемент «красно» имеет символическое значение «цвет революции»;

– *Екатеринбург (1723–1924) – Свердловск (1924–1991)* – по фамильному ониму советского партийного деятеля Я.М. Свердлова (1885–1919);

– *Елизаветград/Елисаветград (1754–1924) – Зиновьевск (1924–1934)* – по фамильному ониму советского партийного деятеля Г.Е. Зиновьева (1883–1936). В декабре 1934 года город получает название *Киров (1934–1939)* – в память о советском партийном деятеле С.М. Кирове (1886–1934). В 1939 году переименовывается в *Кировоград*;

– *Петроград (1914–1924) – Ленинград (1924–1991)* – в честь В.И. Ленина. В сентябре 1991 года городу возвращено первоначальное имя *Санкт-Петербург*.

Второй этап связан с процессами переименования в Советском Союзе ойконимов в честь известных политических деятелей. По мнению В.Н. Ка-луцкова, две волны десоветизации всей территории страны были инициированы самой советской властью [4, с. 298], которая законодательно в виде указа Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик (СССР)⁴ запретила присваивать географическим объектам имена живых людей, вследствие чего были возвращены многие исторические названия.

Ставрополь (1777–1935). В 1935 году город *Ставрополь* был переименован в *Ворошиловск (1935–1943)* по фамилии советского партийного и государственного деятеля, участника Гражданской войны, одного из первых маршалов СССР К.Е. Ворошилова (1881–1969). В 1943 году перед освобождением города от немецкой оккупации прежнее название было возвращено.

Оренбург (1743–1938). В 1938 году *Оренбург* получил имя *Чкалов (1938–1957)* в честь известного советского летчика В.П. Чкалова

(1904–1938). Смена названия объяснялась еще и тем, что в 1930-е годы планировалось сделать город «авиационной столицей СССР». В 1957 году ему вернули прежнее название *Оренбург*.

Пермь (1723–1940). На протяжении 17 лет, с 1940 по 1957, *Пермь* носила имя В.М. Молотова (1890–1986), «правой руки» И.В. Сталина, советского партийного и государственного деятеля. Это был подарок Молотову к его 50-летию. В 1957 году городу было вновь возвращено историческое название *Пермь*.

Однако промышленный центр Поволжья *Царицын (1589–1925)*, который в 1925 в честь И.В. Сталина (1878–1953) был переименован в *Сталинград (1925–1961)* (от «Сталин», «град» – город), в 1961 году получил новый ойконим *Волгоград*, придуманный в советских партийных органах.

Если первая волна идеологических дублетов, как уже было отмечено выше, была связана с присвоением географическим объектам имен живых людей, то следствием второй волны стало именование городов антропонимами ушедших из жизни советских лидеров.

Халтурин (1923–1992) – по фамилии народо-вольца С.Н. Халтурина (1856–1882). В 1992 году было возвращено название *Орлов*.

Брежнев (1982–1988). В 1982 году город *Набережные Челны*, который находится в Татарстане, получил ойкодублет *Брежнев* в честь партийного и государственного деятеля Л.И. Брежнева (1906–1982), но уже в 1988 году городу возвращено исходное название.

Куйбышев (1935–1991). В честь революционера, партийного политического деятеля В.В. Куйбышева (1888–1935) город *Самара* в 1935 году был переименован в *Куйбышев*. В 1991 году город вернул свое прежнее название.

Андропов (1984–1989). В советское время этот город переименовывался четырежды.

⁴Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей административно-территориальным единицам, населенным пунктам, предприятиям, учреждениям, организациям и другим объектам. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 года // Б-ка нормат.-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5220.htm?ysclid=letqx7mee697876%208790 (дата обращения: 01.03.2023).

В 1946 году его назвали *Щербаков* по фамильному ониму советского партийного деятеля А.С. Щербакова (1901–1945). В 1957 году вернули прежнее название (*Рыбинск*), однако уже в 1984 году переименовали в *Андропов* в память о другом советском партийном деятеле, руководителе СССР Ю.В. Андропове (1914–1984). Под давлением общественного мнения в 1989 году городу снова было возвращено название *Рыбинск*.

Отдельные города сохранили идеологические ойкодублеты по настоящее время. Например, город *Киров*, изначально носивший названия *Хлынов* (1457) и *Вятка* (1780), был переименован в 1934 году в честь советского партийного деятеля С.М. Кирова (1886–1934) и сохранил данный ойкодублет по настоящее время, а на официальном сайте представлены все предыдущие названия города (*Хлынов – Вятка – Киров*).

Третий этап связан с «ойконимическими чистками» в странах постсоветского пространства.

Новая волна переименований возникает в результате массовой десоветизации топонимии на фоне борьбы с коммунистическим наследием после распада СССР в 1991 году. Значительное количество ойконимов, названных в честь деятелей коммунистической эпохи, исчезает с географической карты. К концу 1990-х годов активность местных и федеральных властей в этом направлении стихла, однако вплоть до сегодняшнего времени продолжают возникать инициативы о переименовании, которые становятся предметом острых публичных дебатов [9, с. 73]. Попытки «переосмысления» исторического прошлого России сопровождают развитие страны начиная с перестроечной эпохи. Инициаторы «нового прочтения» исторического пути России пытаются убедить общественность в том, что эти шаги необходимы для построения нового социума, лишённого «опасных рудиментов» прошлого. Внешне благообразная идея,

по мнению К.Д. Николенко и И.Е. Косыгина, привлекательна для части активного населения, которая готова «отречься от старого мира» ради некоей новомодной мифологемы. Сторонники этой позиции считают, что 70 лет советской эпохи – это «годы безвременья»: отрыв от корней, предательство царя, отказ от веры, т. е. потеря России и, как следствие, беда в виде перестройки и развала СССР. Другие уверены, что большевики не дали России войти в европейский «дом народов», куда она стремилась еще при Петре I⁵.

Подобные процессы возникновения идеологизированных ойкодублетов наблюдаются в Германии. Их начало было связано с возникновением в 1949 году двух немецких государств: Федеративной Республики Германии и ГДР – и появлением на территории последней дублетных названий. Логичным продолжением данного процесса стала «реанимация» старых, исконных топонимов после воссоединения двух Германий.

Карл-Маркс-Штадт/Karl-Marx-Stadt (1953–1990). В 1953 году город на Востоке Германии *Кемниц/Chemnitz* был переименован в *Карл-Маркс-Штадт* в честь немецкого философа, экономиста, социолога, поэта, писателя, журналиста и общественного деятеля Карла Маркса (нем. Karl Heinrich Marx, 1818–1883), но в 1990 году было решено вернуть историческое название *Chemnitz*. Кстати, первоначально именем Карла Маркса (в честь 70-летия со дня смерти 14 марта 1953 года) планировали назвать немецкий город *Айзенхюттенштадт/Eisenhüttenstadt*, однако за несколько дней до этого умер И.В. Сталин и лидеры ГДР не могли не показать «Большому брату» степень своего горя. Город получил название *Сталиништадт/Stalinstadt* (1953–1961)⁶.

Вильгельм-Пик-Штадт/Wilhelm-Pieck-Stadt (1960–1990). Такое название носил немецкий город *Губен* с 1960 по 1990 год в честь немецкого

⁵Николенко К.Д., Косыгин И.Е. Сквозь призму топонимики – о корректности нравственных оценок истории // LiveJournal. 2012. 20 июня. URL: <https://vesti33ru.livejournal.com/70701.html> (дата обращения: 03.03.2023).

⁶Doering K. Wo Karl Marx in Deutschland wieder gefragt ist // Vorwärts. 27.04.2018. URL: <https://vorwaerts.de/artikel/karl-marx-deutschland-gefragt> (дата обращения: 03.03.2023).

коммуниста, одного из основателей германской коммунистической партии, единственного президента ГДР Вильгельма Пика (нем. Friedrich Wilhelm Reinhold Pieck, 1876–1960) [21].

С крушением Советского Союза и распадом социалистического лагеря процесс переименования затронул многие новые независимые страны.

Фрунзе (1926–1991). С 1926 по 1991 год город носил имя *Фрунзе* в честь советского партийного и военного деятеля М.В. Фрунзе (1885–1925). Жители города называли его *Лунунзе*, т. к. в киргизском языке отсутствует звук [ф] и недопустимо стечение согласных в начале слова. После обретения Киргизией независимости столица получила новое название – *Бишкек* (1991).

В XXI веке на постсоветском пространстве процессы переименования имеют место во многих странах Содружества Независимых Государств.

Нур-Султан (2019–2022). Город, основанный в 1830 году как казачье поселение, носил название *Акмолинск*. В 1961 году он был переименован в *Целиноград*. В 1992–1998 годах город получил ойкодублет *Акмола*. После того как в декабре 1997 года по инициативе Н.А. Назарбаева столица Казахстана *Алма-Аты* была перенесена в *Акмолу*, в мае 1998 года город получает новое имя – *Астана* (в переводе с казахского языка – ‘столица’). В марте 2019 года *Астана* получает ойкодублет *Нур-Султан* (в честь президента Н.А. Назарбаева) по инициативе президента страны К.К. Токаева, но в 2022 году городу возвращено название *Астана*. Как мы видим, город переименовывался несколько раз: *Акмолинск – Целиноград – Акмола – Астана – Нур-Султан – Астана*. Каждое новое имя города, считает В.Н. Калуцкий, отражает состояние городского ландшафта. Так, ойконим *Акмолинск* связан с дореволюционным стратом ландшафта. В свою очередь, геоконцепт *Целиноград* имплицитно советский слой городского ландшафта, напомина-

ющий о проекте освоения целины. *Акмола* связана с казахстанским стратом, свидетельствующим о начале построения новой – казахстанской – модели мира. Два последних геоконцепта характеризуют современное – столичное – состояние городского ландшафта [4, с. 928].

Заключение

Представленные в настоящей статье примеры показывают этапы формирования географических названий, связанные с социально-политическими процессами в том или ином этносоциуме. Переименованные в определенные периоды развития общества ойконимы, в т. ч. и по идеологическим причинам политического характера, позволяют установить связь между объектом топонимического наречения, лингвокогнитивной деятельностью человека и экстралингвистическими факторами. В связи с политически, идеологически, общественно или социально обусловленной сменой именований географических объектов возникают исторические ойкодублеты, что обусловлено в первую очередь изменением их национально-государственной принадлежности. Примерами такого рода изобилует дореволюционная, советская и постсоветская действительность России, а также стран бывшего социалистического лагеря, показывающая процессы переименования ойконимов в антиномии «царское – советское – постсоветское».

Топонимическая система, таким образом, является частью естественно сложившейся системы языка и может отражать не только лингвистические изменения, но и политические и идеологические и другие события, происходящие в обществе. Когда политическая ситуация в стране меняется, новые правители или представители народа обычно спешат дать топонимическим объектам новые названия, чтобы те не напоминали о прошлых событиях, которые внезапно перестают «быть достойными» упоминания.

Список литературы

1. *Walther H.* *Namenkunde und geschichtliche Landeskunde.* Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2004. 444 s.
2. *Wenzel W.* *Namen und Geschichte. Orts- und Personennamen im deutsch-westslawischen Sprachkontaktraum als historische Zeugnisse.* Hamburg: Vaar-Verlag, 2014. 442 s.
3. *Асанов А.Ю.* Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2014. 185 с.
4. *Калуцков В.Н.* О концептуализации географического пространства России и Ближнего Зарубежья (по данным о переименованиях географических объектов) // Изв. Рос. акад. наук. Сер. географ. 2021. Т. 85, № 6. С. 924–935. DOI: [10.31857/S258755662106008X](https://doi.org/10.31857/S258755662106008X)
5. *Хвесько Т.В.* Имя в сознании человека // Когнит. исслед. языка. 2016. № 24. С. 696–704.
6. *Матвеев А.К.* Тенденции и практики в современной российской урбаноиминации // Вопр. ономастики. 2009. № 7. С. 100–105.
7. *Поспелов Е.М.* Названия городов и сел / отв. ред. Э.М. Мурзаев. М.: Наука, 1996. 147 с.
8. *Никитин С.А.* Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 220 с.
9. *Терентьев Е.А.* Переименование советских топонимов в Санкт-Петербурге: анализ публичных дискуссий // Журн. социологии и соц. антропологии. 2015. Т. 18, № 2. С. 72–86.
10. *Петешова О.В.* Идеологическая антонимия как способ согласования топонимов при переименованиях географических объектов // Филол. аспект. 2019. № 8(52). С. 66–71.
11. *Taylor N.* *The Name of the Beast: The Perilous Process of Naming Brands, Products and Companies.* London: Cyan, 2006. 179 p.
12. *Новичихина М.Е., Дрогайцева М.А.* О феномене медиаренейминга // Теория языка и межкультур. коммуникация. 2017. № 2(25). С. 54–59.
13. *Балахонская Л.В.* Ренейминг, его виды и смежные понятия: проблемные зоны исследований // PR и реклама в изменяющемся мире: регион. аспект. 2020. № 23 С. 37–49.
14. *Разумов Р.В.* Процесс переименования объектов в Российской Федерации в 1990–2000-е гг. как особая социокультурная практика // Верхневолж. филол. вестн. 2020. № 4(23). С. 196–204. DOI: [10.20323/2499-9679-2020-4-23-196-204](https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-4-23-196-204)
15. *Кузьменко О.Н.* О функциях переименования топонимов (на примере урбанонимов Парижа) // *Studia Linguistica* (СПб.). 2014. № XXIII. С. 63–70.
16. *Басик С.Н.* *Общая топонимика: моногр.* Минск: БГУ, 2008. 168 с.
17. *Fleischer W.* *Variationen von Eigennamen // Der Name in Sprache und Gesellschaft: Beiträge zur Theorie der Onomastik / hrsg. von H. Walther.* Berlin: Akademie-Verlag, 1973. S. 52–63.
18. *Демьянов К.В., Рыженко В.Г.* Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Ист. науки. 2017. № 4(16). С. 153–160. DOI: [10.25513/2312-1300.2017.4.153-160](https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.153-160)
19. *Беляев А.Н.* О вариативности топонимов в немецком языке // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер: Лингвистика. 2013. № 2. С. 53–58.
20. *Голомидова М.В.* Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы // Вопр. ономастики. 2018. Т. 15, № 3. С. 36–61. DOI: [10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028)
21. *Eichler E., Walther H.* *Städtenamenbuch der DDR.* Leipzig: Bibliographisches Institut, 1988. 327 s.

References

1. *Walther H.* *Namenkunde und geschichtliche Landeskunde.* Leipzig, 2004. 444 p.
2. *Wenzel W.* *Namen und Geschichte: Orts- und Personennamen im deutsch-westslawischen Sprachkontaktraum als historische Zeugnisse.* Hamburg, 2014. 442 p.
3. *Asanov A.Yu.* *Urbanonimiya goroda Tambova v lingvokognitivnom aspekte* [Urban Toponyms of Tambov in the Linguocognitive Aspect: Diss.]. Tambov, 2014. 185 p.
4. *Kalutskov V.N.* *O kontseptualizatsii geograficheskogo prostranstva Rossii i Blizhnego Zarubezh'ya (po dannym o pereimenovaniyakh geograficheskikh ob'ektov)* [Conceptualization of the Geographical Space of Russia and Russia's

Near Abroad (According to the Data on Geographical Objects' Renaming)]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 2021, vol. 85, no. 6, pp. 924–935. DOI: [10.31857/S258755662106008X](https://doi.org/10.31857/S258755662106008X)

5. Khves'ko T.V. Imya v soznanii cheloveka [Name in the Human Cognition]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2016, no. 24, pp. 696–704.

6. Matveev A.K. Tendentsii i praktiki v sovremennoy rossiyskoy urbonominatsii [Tendencies and Practices in the Contemporary Russian Urbanomination]. *Voprosy onomastiki*, 2009, no. 7, pp. 100–105.

7. Pospelov E.M. Nazvaniya gorodov i sel [Names of Towns and Villages]. Moscow, 1996. 147 p.

8. Nikitin S.A. *Lingvisticheskie aspekty pereimenovaniy geograficheskikh ob'ektov v Rossii* [Linguistic Aspects of Renaming Geographical Objects in Russia: Diss.]. Moscow, 2003. 220 p.

9. Terent'ev E.A. Pereimenovanie sovetskikh toponimov v Sankt-Peterburge: analiz publichnykh diskussiy [Renaming of Soviet Place-Names in Saint-Petersburg: The Analysis of Public Discussions]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2015, vol. 18, no. 2, pp. 72–86.

10. Peteshova O.V. Ideologicheskaya antonimiya kak sposob soglasovaniya toponimov pri pereimenovaniyakh geograficheskikh ob'ektov [Ideological Antonymy as the Way of Matching Toponyms in the Process of Geographical Renaming]. *Filologicheskii aspekt*, 2019, no. 8, pp. 66–71.

11. Taylor N. *The Name of the Beast: The Perilous Process of Naming Brands, Products and Companies*. London, 2006. 179 p.

12. Novichikhina M.E., Drogaytseva M.A. O fenomene mediareneyminga [On the Phenomenon of Media Renaming]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2017, no. 2, pp. 54–59.

13. Balakhonskaya L.V. Reneyming, ego vidy i smezhnye ponyatiya: problemnye zony issledovaniy [Renaming, Its Types and Related Concepts: Problem Areas of Research]. *PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regional'nyy aspekt*, 2020, no. 23, pp. 37–49.

14. Razumov R.V. Protsess pereimenovaniya ob'ektov v Rossiyskoy Federatsii v 1990–2000-e gg. kak osobaya sotsiokul'turnaya praktika [The Process of Renaming Objects in the Russian Federation in the 1990–2000-s as a Special Socio-Cultural Practice]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*, 2020, no. 4, pp. 196–204. DOI: [10.20323/2499-9679-2020-4-23-196-204](https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-4-23-196-204)

15. Kuz'menko O.N. O funktsiyakh pereimenovaniya toponimov (na primere urbanonimov Parizha) [About Functions of Toponym Renaming (the Case of Paris Toponyms)]. *Studia Linguistica (SPb.)*, 2014, no. 23, pp. 63–70.

16. Basik S.N. *Obshchaya toponimika* [General Toponymy]. Minsk, 2008. 168 p.

17. Fleischer W. Variationen von Eigennamen. Walther H. (ed.). *Der Name in Sprache und Gesellschaft: Beiträge zur Theorie der Onomastik*. Berlin, 1973, pp. 52–63.

18. Demyanov C.V., Ryzhenko V.G. Ideology, Toponymy, Policy of Memory: About City's Renaming in the USSR. *Her. Omsk Univ. Ser. Hist. Stud.*, 2017, no. 4, pp. 153–160 (in Russ.). DOI: [10.25513/2312-1300.2017.4.153-160](https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.153-160)

19. Belyaev A.N. O variativnosti toponimov v nemetskom yazyke [Variations of German Place-Names]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Lingvistika*, 2013, no. 2, pp. 53–58.

20. Golomidova M.V. Toponymic Policy in Naming City Facilities: Theoretical and Applied Issues. *Voprosy onomastiki*, 2018, vol. 15, no. 3, pp. 36–61 (in Russ.). DOI: [10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028)

21. Eichler E., Walther H. *Städtenamenbuch der DDR*. Leipzig, 1988. 327 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V303

Tat'yana A. Burkova

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla;
Ufa Branch, Financial University under the Government of the Russian Federation;
ul. Oktyabr'skoy Revolyutsii 3a, Ufa, 450000, Respublika Bashkortostan, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5927-3706> e-mail: burkova_tatjana@mail.ru

IDEOLOGICAL OIKONYM VARIANTS IN THE HISTORY OF ETHNIC COMMUNITIES

Throughout the existence of humankind, toponyms, including oikonyms, have occupied a special place in society. Changes of territorial, political and ideological nature affect both naming and renaming. It is pointed out that in the Russian language, along with *renaming* other terms are used to describe

the process of name changing, such as *secondary nomination* and *renomination*. A characteristic feature of oikonyms is national-cultural markedness, which can manifest itself in a linguistic culture as a result of the introduction of ideological oikonym variants, reflecting certain political events in the country associated with the erasure or perpetuation of the names of certain political leaders. The paper analyses the ideological oikonym variants that existed in Russia as well in the former Soviet republics and East Germany in the 20th century. The author identifies three stages of the introduction of oikonym variants in Russia: 1) elimination of the vocabulary of "tsarist autocracy"; 2) perpetuation of the names of Soviet political leaders; 3) desovietization of oikonyms. In the post-Soviet states and on the territory of the former German Democratic Republic, oikonym variants of the second and third stages were introduced in a similar way to those in Russia. The author comes to the conclusion that, as a rule, ideological oikonym variants reflect contrasting political regimes. Societal changes affect the life of an individual and society as a whole. As a consequence, new lexical units appear and get established in a language as witnesses of time. Oikonyms play an important part in preserving the historical and cultural memory of ethnic communities, since they contain not only purely linguistic, but also extensive country-specific information. Political changes are reflected in the toponymy policy, which is closely linked with other policies, such as ideological, linguistic, national, etc.

Keywords: *oikonyms, renaming of oikonyms, toponymy policy, ideological oikonym variants, national-cultural markedness.*

Поступила 23.05.2023
Принята 02.10.2023
Опубликована 25.12.2023

Received 23 May 2023
Accepted 2 October 2023
Published 25 December 2023

For citation: Burkova T.A. Ideological Oikonym Variants in the History of Ethnic Communities. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 45–54. DOI: 10.37482/2687-1505-V303

УДК 81'42:81'38

DOI: 10.37482/2687-1505-V305

*МАЛАГИН Данила Владимирович, аспирант, ассистент кафедры лингвистики и переводоведения Сургутского государственного университета. Автор одной научной публикации**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8063-2961>

*КУРБАНОВ Ибрагим Алиевич, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и переводоведения Сургутского государственного университета. Автор 114 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий***
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0081-5360>

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПРЕЗИДЕНТА США ДЖО БАЙДЕНА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Настоящая статья предлагает к рассмотрению проблему метафорической репрезентации образа действующего президента Соединенных Штатов Америки Джо Байдена в современном англоязычном политическом медиaprостранстве. Цель исследования – описать и систематизировать метафорические модели, конструирующие современный медиапортрет политика, а также эксплицировать особенности его восприятия, отраженные в национальной картине мира носителей английского языка. В работе рассматривается концептуальная метафора как одно из главных образформирующих средств в медиатекстах, обладающих высоким прагматическим потенциалом. Применяется комплекс научных методов: сплошная выборка, посредством которой были отобраны тексты в крупных англоязычных онлайн-изданиях, опубликованных со дня инаугурации 46-го президента Соединенных Штатов Америки по настоящее время; когнитивно-дискурсивная интерпретация метафорических моделей, подразумевающая описание их фреймо-слотовой структуры; компонентный анализ с целью определения источниковой области метафорической экспансии некоторых концептов и их содержания (прагматических смыслов); классификационный метод, необходимый для систематизации выделяемых моделей и их репрезентаций. Результаты работы свидетельствуют о преобладании метафорических моделей, генерирующих негативный имидж Джо Байдена в текстах современных англоязычных информационных источников. Данные модели актуализируют отрицательные признаки старости, агрессивности, непригодности, интеллектуального упадка и прочие негативные черты в образе политика, что обнаруживает явное недовольство его фигурой в англоязычном медиадискурсе и может косвенно вызывать соответствующие реакции и отношение в обществе. При сопоставлении субфер метафорической экспансии отмечается продуктивность и небольшой положительный потенциал области-

*Адрес: 628400, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, просп. Ленина, д. 1; e-mail: danilamalagin1999@mail.ru

**Адрес: 628400, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, просп. Ленина, д. 1; e-mail: ibragimkurbanov@mail.ru

Для цитирования: Малагин Д.В., Курбанов И.А. Метафорическое моделирование образа президента США Джо Байдена в англоязычном политическом медиадискурсе // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 55–65. DOI: 10.37482/2687-1505-V305

источника «Социум», репрезентации которой демонстрируют стремление к позитивному осмыслению личности президента Байдена в домашнем дискурсе. Более того, сравнение субфер метафоризации способствует лучшему пониманию принципов функционирования концептуальной метафоры и тенденций к метафорическому моделированию политической фигуры в дискурсе массмедиа.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафорическая модель, метафорическая экспансия, англоязычный политический медиадискурс, Джо Байден, медиаобраз политика.

Введение

Актуальность данного исследования объясняется отсутствием описания современной метафорической парадигмы образа 46-го президента Соединенных Штатов Америки (США) Джо Байдена в англоязычном политическом медиадискурсе, который охватывал бы период с дня его инаугурации (20.01.2021) по настоящее время, а также повышением интереса к изучению медиадискурса и метафоры как неотъемлемых частей формирования национальной картины мира. При этом под *метафорической парадигмой* мы понимаем совокупность метафорических моделей (М-моделей), составляющих единство репрезентации объекта и функционирующих в определенный временной период.

Вопросы образования и функционирования М-моделей занимают важное место в лингвистических исследованиях последнего десятилетия. Поскольку в современной научной парадигме метафору признано осознавать как важнейшее средство концептуализации и осмысления действительности [1, с. 35; 2; 3], то небезынтересно произвести описание и упорядочение ментальных моделей, которые она образует в сознании того или иного языкового коллектива при восприятии каких-либо фактов реальности. Подобные работы способствуют достижению сразу нескольких целей: а) подробному описанию и уточнению национальной картины мира; б) развитию и дополнению теории концептуальной (когнитивной) метафоры; в) актуализации изучаемого дискурса относительно описываемых фактов реальности; г) выявлению механизмов сознания при метафорическом моделировании данных фактов

действительности (при более широких спектре объектов и выборке исследования). В этой статье предлагаем осветить метафорическую парадигму образа 46-го президента США Джо Байдена в англоязычных средствах массовой информации (СМИ).

Как уже отмечалось нами ранее в смежном исследовании, метафорическая репрезентация действующего президента Америки в русскоязычном политическом медиадискурсе сводится к некоторым превалирующим отрицательно-коннотативным моделям, наносящим ущерб его репутации [4, с. 473], что в сознании русскоговорящих формирует устойчивую связь образа Байдена с артефактными концептами, закрепляя за ним семы «здание», «компьютер», «робот», «машина» и т. п. Далее продемонстрируем, каким образом это наблюдение применяется к английскому языку и какие концептуальные образования формируются в сознании англоговорящих реципиентов, воспринимающих имидж лидера американцев через призму англоязычных СМИ.

Методология и принципы исследования

В работе применялся метод сплошной выборки статей из крупных англоязычных онлайн-изданий, трафик которых составляет не менее 5 млн посещений в месяц. К ним относятся Fox News, ABCNews, The Washington Post, PJ media, CNN, The Hill, The Spectator, American Thinker, Politico и др. Стоит отметить, что рассматриваемые медиа представляют различные политические силы, чем и объясняется обращение именно к сплошной, а не целенаправленной выборке, т. к. целью настоящего исследования является получение наиболее полной картины метафорической репрезентации имиджа 46-го главы

США в англоязычном политическом дискурсе вообще, в связи с чем представляется нерелевантным разграничение источников по политической принадлежности.

Так, нами было проанализировано 317 фрагментов текстов в приблизительно 287 новостных статьях, которые в сумме дали 332 репрезентации, вошедшие в разнообразные метафорические модели.

При проведении исследования мы опирались на теорию концептуальной метафоры [5, с. 29–43; 6–8], а также на метод когнитивно-дискурсивной интерпретации М-моделей, предложенный российским ученым А.П. Чудиновым, предполагающий описание их *фрейм-мо-слововой структуры* [9]. Под *фреймом* понимается некая структурированная область знания, совокупность представлений адресата о некотором фрагменте действительности [10, с. 62], в то время как *слот* – это конкретная его языковая репрезентация, концепт, описывающий одну из сторон данного фрагмента [11, с. 1844]. Образно говоря, фрейм можно представить в виде молекулы, состоящей из атомов.

Помимо этого, мы также включаем в анализ метафорической репрезентации образа Джо Байдена оценку прагматических смыслов соответствующих концептуальных метафор с целью установления сопутствующих ему коннотаций. Ряд исследователей подчеркивает, что прагматическая нагрузка метафоры в политических медиатекстах (т. е. осуществление определенного установочного воздействия на реципиента) является одной из ее главных функций [12, с. 121; 13, с. 273], что совпадает с нашим представлением, т. к. мы полагаем, что когнитивная метафора воздействует на восприятие благодаря точности сравнений и глубине ассоциаций. Это способствует ее многократной воспроизводимости, узнаваемости и легкости запоминания, поэтому видится целесообразным учитывать коннотативные значения при анализе любых метафорических словоупотреблений.

При классификации концептуальных метафор мы опирались на типологизацию А.П. Чу-

динова, выделявшего четыре основные области метафорической экспансии: субсферы «Человек», «Социум», «Природа» и «Артефакты» [14]. Отдельные метафорические единицы изучались при помощи компонентного анализа, чтобы определить источниковую область (*исходный фрейм*) их метафорической экспансии и заложенные в них прагматические смыслы [15, с. 112–114].

Основные результаты

Итак, тщательный анализ текстов англоязычных СМИ позволил выделить следующие 9 М-моделей медиаобраза 46-го президента США:

- «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО СТРОИТЕЛЬ»;
- «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО МАШИНА»;
- «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО РАСТЕНИЕ»;
- «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО МЕРТВЕЦ»;
- «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО ЖИВОТНОЕ»;
- «ПРЕЗИДЕНТСТВО ДЖО БАЙДЕНА – ЭТО ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ» (из которой логически следует, что Джо Байден – главное действующее лицо данной постановки);
- «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО МАРИОНЕТКА»;
- «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО ВРАЧ»;
- «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО СТАРОЕ ЗДАНИЕ».

Далее предлагаем разбор данной метафорической парадигмы на основе наиболее крупных ее членов. Все переводы соответствующих англоязычных примеров выполнены нами.

М-модель «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО СТРОИТЕЛЬ». Настоящее концептуальное образование классифицируется как принадлежащее субсфере «Социум», поскольку строитель – это профессия, а профессиональная стратификация – социальное явление, присваивающее индивиду некий общественный статус.

Здесь важно упомянуть одну деталь – по Чудинову, субсфера «Социум» распадается на множество более мелких подвидов концептуальной метафоры: театральная, криминальная, милитарная, спортивная и игровая [14, с. 95–122]. В рамках нашего исследования с целью более точной классификации метафор, входящих в какую-либо модель, мы выделяем относительно новый подвид социоморфной метафоры,

отсутствующий в традиционной классификации ученого, – *профессиональная метафора*. Данная необходимость объясняется рядом причин: 1) ни один из вышеописанных подвидов чудиновской социоморфной метафоры не удовлетворяет целям типологизации единиц моделей типа «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО СТРОИТЕЛЬ» или «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО ВРАЧ» (также выделяемых нами); 2) проблемы инвентаризации и систематизации М-моделей были описаны самим ученым, отмечавшим их *диффузность* и *взаимопроницаемость*, что вполне способно отражаться и на их классификации [14, с. 175]. То есть Чудинов отнюдь не утверждает, что его вариант – единственно истинный и не может подвергаться модификациям, дополнениям: «Охарактеризованная в предыдущих главах система фреймов и слотов каждой модели отражает имеющийся у автора речевой материал и его интерпретацию, она во многом определяется задачей оптимально представить специфику современной российской политической метафоры, а поэтому не всегда совпадает с тем, что предлагается в предшествующих публикациях. Другой исследователь будет работать с иным материалом, перед ним будут стоять иные задачи, он с полным основанием предложит свою интерпретацию» [14, с. 176–177]. Таким образом, принимая во внимание все вышесказанное, а также учитывая, что объектом нашего интереса является *человек* – Джо Байден, и ту фреймо-слововую систему, с которой мы столкнулись при составлении его медиаобраза, мы находим вполне обоснованным выделение дополнительного подвида когнитивной метафоры в субсфере «Социум», которая не нашла своего выражения в работе Чудинова в силу отличности занимавшего его объекта (государство Россия).

Наше определение профессиональной метафоры следующее: это разновидность социоморфной метафоры, при которой выражение одних концептов происходит посредством реальных, относящихся к разным профессиям.

Итак, возвращаясь к модели, означенной в подзаголовке, мы отмечаем следующие характерные для нее источники области знаний, из которых осуществляется метафорическая экспансия: *construction process* (процесс постройки), *repairment process* (процесс починки), а также *people engaged in construction* (люди, вовлеченные в стройку). Прагматике настоящей модели и ее вхождений, как мы полагаем, почти всегда сопутствуют положительные коннотации, поскольку концепт строительства в сознании реципиентов неизбежно связан с положительно-коннотативным концептом «созидание». Тем не менее важно учитывать, что добавочные значения любой метафоры в известной степени зависят от контекста всего сообщения, а потому о прагматической нагрузке можно судить лишь с твердой опорой на контекст. Приведем примеры реализации данной М-модели.

Фрейм 1 – *construction process* (процесс постройки).

Слот – *build* (строить).

Пример. *Biden's Build Back Better plan will improve nearly every community in America* (CNN, 11.05.2021). – План Байдена «Построить заново лучше, чем было» должен улучшить жизнь практически всех сообществ в Америке.

Фрейм 2 – *repairment process* (процесс починки).

Слот – *tend fences* (наводить мосты).

Пример. *President Biden came to Europe to mend fences with U.S. allies* (NPR, 15.06.2021). – Президент Байден прилетел в Европу, чтобы навести мосты с союзниками Штатов.

В вышеуказанных примерах обнаруживаются лексические единицы (ЛЕ) *build* ‘строить’ и *tend fences* ‘наводить мосты’, компонентный анализ которых демонстрирует, что они действительно способствуют метафорической экспансии в выделяемые источники области (фреймы 1 и 2) и проецированию образа Байдена на строителя. Так, известно, что ЛЕ *build* обладает в английском языке самым общим значением строительства вообще, а выражение *tend fences* является метафоричной

идиомой и определяется в толковом словаре как «*to improve or repair a relationship that has been damaged by an argument or disagreement*»¹, т. е. ‘восстанавливать отношения после их разрушения в результате ссоры или несогласия’. Метафоричность данной идиомы доказывается компонентным анализом составляющих ее лексем: *mend* ‘чинить’ и *fence* ‘забор’, где последний вполне является одним из видов сооружений, подобно тем, которые *возводят строители* – «*a structure that divides two areas of land, similar to a wall but made of wood or wire and supported with posts*» (сооружение, разделяющее две территории, подобное стене, но сделанное из дерева или проволоки на столбах)², откуда, далее, *structure*: «*something (such as a building) that is constructed*» (нечто такое, что можно построить (напр., здание))³. Таким образом, можно утверждать, что указанная идиома действительно обязана своим происхождением метафорическому переносу из выделяемой источниковой области, что в результате наделяет образ лидера США качествами строителя. Стоит отметить, что английская идиома имеет эквивалент в русском языке – фразеологизм *навести мосты*, который обладает, по-видимому, идентичными денотатом и коннотациями, поскольку означает «*согласовать, устроить, организовать, наладить диалог, контакты, взаимодействие*»⁴.

М-модель «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО МАШИНА». Эта модель относится к субсфере «Артефакты» (предметы, сделанные руками человека) и является довольно продуктивной в англоязычном политическом медиадискурсе. Основные ее исходные области: *type of a machine* (виды машин), *machine operations* (ра-

бота машин), *parts of machine* (части машин) и *machine operation troubles* (проблемы в работе машин).

Артефактные концепты применяются в основном для актуализации негативных сем автоматичности, когнитивного упадка, низкой работоспособности и других отрицательных черт в образе хозяина Белого дома. Вследствие этого абсолютное большинство вхождений данной модели осуществляет ярко выраженное негативное прагматическое воздействие. Ее можно проиллюстрировать следующими примерами:

Фрейм 1 – *type of a machine* (виды машин).

Слот – *machine* (машина).

Пример. *Biden, who once proclaimed himself a “gaffe machine,” avoided any major stumbles even as he rambled at times and cut himself off at one point, suddenly asking, “Am I giving too long an answer?”* (AP News, 26.03.2021). – *Байден, признав себя как-то раз «машинной оговоркой», старался избежать любых значительных ошибок, хотя иногда путался в словах и в один момент оборвал себя, неожиданно спросив: «Не отвечаю ли я слишком долго?»*

Фрейм 2 – *machine operation troubles* (проблемы в работе машин).

Слот – *glitch* (глючить).

Пример. *“I’m going to take a break,” Kimmel interrupted, clearly seeing Biden was glitching and wasn’t able to complete a coherent idea. “and then we’ll talk a little bit more.”* (PJ Media, 09.06.2022). – «*Мы уйдем на перерыв, – сказал Киммел, отчетливо видя, что Байден глючит и не может высказать законченную идею. – После этого мы продолжим разговор.*»

В первом примере метафора *gaffe machine*, где *gaffe* означает ‘неловкая оплошность’ / ‘ого-

¹Mend fences // Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/mend%20fences> (дата обращения: 12.05.2022).

²Fence // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fence> (дата обращения: 12.05.2022).

³Structure // Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/structure> (дата обращения: 12.05.2022).

⁴Макиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.

ворка' / 'ошибка', позволяет актуализировать признак автоматичности президента Америки в отношении часто совершаемых им оговорок в речи, поскольку известно, что машина – это механизм, совершающий одну и ту же работу, либо устройство, работающее без перебоев. Во втором фрагменте текста обнаруживается глагол *glitch* 'глючить' (компьютерный жаргон), определяемый как «*a problem which stops something from working properly or being successful*»⁵, что переводится как 'проблема, предотвращающая исправную работу чего-либо'. При дальнейшем ассоциативном анализе данной ЛЕ становится ясно, что она часто ассоциируется у носителей английского языка со словами *bug* и *computer*⁶, где первое определяется как баг (ошибка) в работе компьютера, а второе, в свою очередь, является уже разновидностью машины. Таким образом, допустимо утверждать, что словоупотребление *glitch* выполняет метафорическую функцию в контексте и отсылает адресатов к выделяемой исходной области «проблемы в работе машин», способствуя формированию устойчивой модели «Джо Байден – это старая/плохо работающая машина» в их сознании.

М-модель «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО ЖИВОТНОЕ». Вышеуказанная модель относится к субсфере «Природа», которая реализуется главным образом в двух типах метафоры: зооморфной и фитоморфной [14, с. 132–145]. Отсюда очевидна принадлежность данной модели к зооморфному подвиду, репрезентируемому в англоязычном медиапространстве такими фундаментальными фреймами, как *birds* (птицы), *animals* (собственно животные) и *animal actions* (действия животных). Она

является относительно распространенной и применяется в основном для описания черт характера Джо Байдена, актуализируя признаки «неудачный руководитель», «старость», «агрессивность» и «интеллектуальный спад» и сопровождаясь резкими негативными коннотациями. Ниже приведем анализ некоторых элементов этой модели.

Фрейм 1 – *animals* (собственно животные).

Слот – *dinosaur* (динозавр).

Пример. *Twilight of the Democrat dinosaurs – Biden and Pelosi are finished* (American Thinker, 02.10.2021). – *Закат демократических динозавров – песенка Байдена и Пелоси снота.*

Фрейм 2 – *animal actions* (действия животных).

Слот – *bark* (гавкать).

Пример. *Biden has a history of barking at reporters who ask questions he does not like* (John Locke Foundation, 01.02.2022). – *Байден уже не раз гавкал на репортеров, которые задают не нравящиеся ему вопросы.*

ЛЕ *dinosaur* 'динозавр' подчеркивает престарелый возраст политика – Байден представляется слишком старым, как динозавр, для того чтобы управлять государством. Данное переносное значение также зафиксировано в толковом словаре Merriam-Webster: «*one that is impractically large, out-of-date, or obsolete*»⁷, т. е. 'такой, который считается устарелым или вышедшим из употребления'. Глагол *bark* толкуется как «*to make the characteristic short loud cry of a dog*»⁸ и переводится 'гавкать/лаять'. Стоит предполагать, что при метафорической проекции он сперва отсылает адресатов к более широкой источниковой области «животные», т. к. актуализируется связь с собакой (*dog*) из основного лексического значения слова, а за-

⁵Glitch // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/glitch> (дата обращения: 05.06.2022).

⁶Associations to the word «glitch» // Word Association Network. URL: <https://wordassociations.net/en/words-associated-with/glitch?button=Search> (дата обращения: 05.06.2022).

⁷Dinosaur // Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/dinosaur> (дата обращения: 01.06.2022).

⁸Bark // Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/bark> (дата обращения: 01.06.2022).

тем переносит восприятие в более узкую сферу «действия животных», в которой уже порождается отрицательный образ Джо Байдена в виде дикой, злой собаки, поскольку глагол *bark* обладает коннотациями агрессивности из своего второго (переносного) значения – «*to speak in a curt loud and usually angry tone*» (разговаривать отрывистым, громким и обычно злым тоном).

На *рис. 1* представлена метафорическая парадигма медиаимиджа 46-го президента Америки по количественному и процентному распределению соответствующих метафорических моделей в текстах англоязычных СМИ. Как показывает диаграмма, наиболее частотной является социоморфная М-модель «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО СТРОИТЕЛЬ». Она репрезентируется положительно-коннотативными вхождениями и конструирует «созидательный» имидж президента, занятого строительством лучшего будущего для своего государства. Также можно отметить, что она

обладает явной тенденцией к наиболее частому развертыванию в медиaprостранстве (количество единиц этой модели, наиболее вероятно, будет расти пропорционально увеличению количества анализируемых примеров), что может свидетельствовать о попытке положительного осмысления личности президента в домашнем дискурсе. Примечательно, что такую же функцию выполняет пятая по употребляемости М-модель «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО ВРАЧ».

Распределение субсфер метафорической экспансии при генерации образа изучаемого политика в англоязычных медиатекстах представлено на *рис. 2*. Из данной диаграммы можно заключить, что область метафоризации «Социум» преобладает при репрезентации имиджа американского лидера, составляя более половины парадигмы. В данную область входят четыре модели: «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО СТРОИТЕЛЬ», «ПРЕЗИДЕНСТВО ДЖО

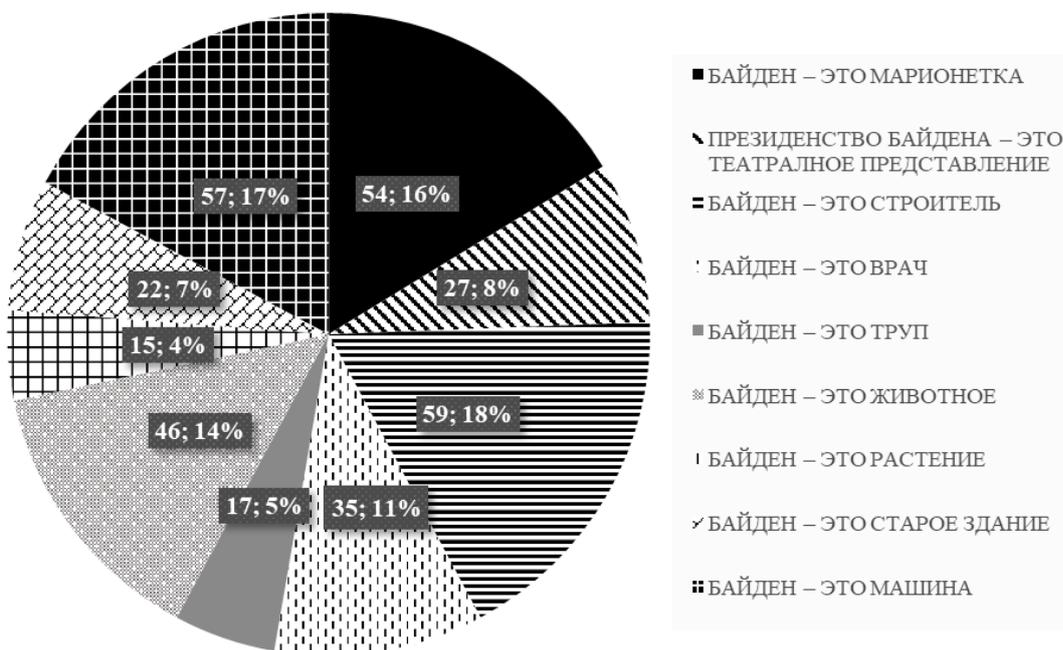

Рис 1. Частотное распределение М-моделей образа Джо Байдена в англоязычных СМИ (количество ЛЕ и их процентная доля)

Fig. 1. Frequency distribution of metaphorical models of Joe Biden's image in English-language media (number of lexical units and their percentage)

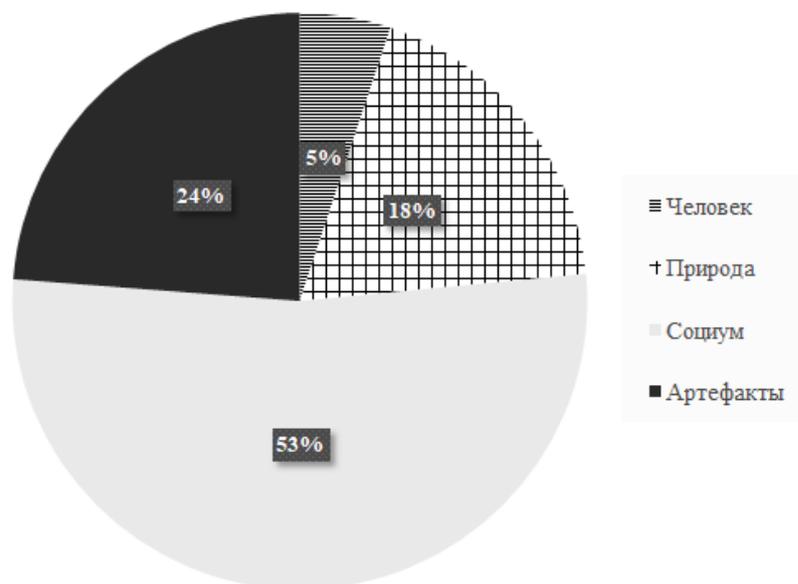

Рис. 2. Частотное распределение субсфер метафорической экспансии при генерации образа Джо Байдена в англоязычных СМИ

Fig. 2. Frequency distribution of subspheres of metaphorical expansion when generating Joe Biden's image in English-language media

БАЙДЕНА – ЭТО ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ», «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО ВРАЧ» и «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО МАРИОНЕТКА». По прагматическим смыслом данная субсфера является неоднородной, т. к., например, концептуальное образование «Марионетка» представляется третьим по величине, отмечается высокой продуктивностью и дискредитирующим характером, что вполне составляет конкуренцию самой частотной противостоящей модели «Строитель». В целом соотношение положительных и негативных репрезентаций в социальной области составляет 25 к 20 % (с учетом единичных положительных репрезентаций в отрицательных моделях и наоборот).

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что метафорическая парадигма имиджа 46-го президента США Джо Байдена включает 9 продуктивных метафорических

моделей, функционирующих в текстах современного англоязычного политического медиадискурса с доминирующей субсферой метафорической экспансии «Социум». Хотя выборку исследования и можно назвать небольшой по количеству рассмотренных примеров, полученные данные все же позволяют сделать некоторые выводы относительно метафорической репрезентации образа Джо Байдена в англоязычных СМИ на современном этапе. Так, социоморфная М-модель «ДЖО БАЙДЕН – ЭТО СТРОИТЕЛЬ», генерирующая позитивный имидж президента, обладает явной тенденцией к наиболее частому разворачиванию в медиапространстве, что может свидетельствовать о попытках положительного осмысления личности Байдена в домашнем дискурсе. Популярность именно социальных концептов, как видится, не случайна – это может объясняться тем, что в сознании любого народа президент отождествляется с обществом, т. к. сильный

лидер всегда заботится о благе социума и своего народа. Отсюда наблюдаются попытки авторов метафор концептуализировать американского президента именно через социальные концепты (*социально значимые профессии*) – строитель, врач. На наш взгляд, это способно указывать на некие универсалии мышления и *общие тенденции* при положительном метафорическом моделировании политических фигур в дискурсе вообще.

Тем не менее чрезвычайно важно учитывать, что большинство других моделей в парадигме не обладают положительными прагматическими смыслами и, напротив, преследуют цель дискредитации Байдена, актуализируя негативные семы «старость», «дряблость», «мертвецкий внешний вид», «ветхость», «инертность», «агрессивность», «пассивность», «ког-

нитивный упадок», «игрушка в чужих руках», «смерть», «автоматичность» в его образе. Усредненное процентное соотношение репрезентаций с негативными и положительными коннотациями составляет примерно 65 к 35 % (т. к. в некоторых положительных моделях обнаруживаются негативно-коннотативные вхождения и, наоборот, в отрицательных моделях – позитивно-коннотативные). Отсюда мы заключаем, что современные англоязычные СМИ представляют нынешнего хозяина Белого дома как слабого и малоспособного политика, преследуемого множеством когнитивных и физических проблем. Концептуальная метафора в текстах СМИ является чрезвычайно эффективным и лаконичным ментально-языковым средством для формирования и закрепления данного имиджа.

Список литературы

1. Касевич В.Б. Когнитивная лингвистика. В поисках идентичности. М.: Яз. славян. культуры, 2013. 185 с.
2. Пермякова Е.Г., Пономаренко В.С. Метафора как средство концептуализации окружающей действительности на примере глаголов получения и передачи английского, русского и французского языков // Рос. гуманитар. журн. 2018. Т. 7, № 5. С. 409–423. DOI: [10.15643/libartrus-2018.5.7](https://doi.org/10.15643/libartrus-2018.5.7)
3. Опарина Е.О. Метафорический образ как средство концептуализации в дискурсах // Соц. и гуманитар. науки. Отечество и зарубеж. лит. Сер. 6: Языкознание. Реф. журн. 2022. № 4. С. 91–98. DOI: [10.31249/ling/2022.04.08](https://doi.org/10.31249/ling/2022.04.08)
4. Курбанов И.А., Малагин Д.В. Метафорическое моделирование образа президента США Джо Байдена в русскоязычном политическом медиадискурсе // Когнитив. исслед. языка. 2023. № 3-2(54). С. 471–474.
5. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Яз. славян. культуры, 2014. 630 с.
6. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. дом ЯСК, 2018. 478 с.
7. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная теория концептуальной метафоры: американский и европейский варианты // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2007. № 2-1. С. 10–22.
8. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 256 p.
9. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации // Полит. лингвистика. 2008. № 3(26). С. 37–48.
10. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопр. когнитив. лингвистики. 2004. № 1. С. 53–64.
11. Хантимиров С.М. Фреймовый анализ семантики немецких глаголов слуха // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2023. Т. 16, № 6. С. 1843–1848. DOI: [10.30853/phil20230294](https://doi.org/10.30853/phil20230294)
12. Погребняк Н.В. Воздействующий потенциал метафоры в современном политическом медиадискурсе // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2019. № 3(136). С. 118–125.

13. Чес Н.А. Концептуальная метафора как средство конструирования политической реальности в современном медиадискурсе // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2017. Вып. 57. С. 271–282.

14. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): моногр. Екатеринбург, 2001. 238 с.

15. Стадильская Н.А. Компонентный анализ значения слова как способ выявления содержания концепта // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 32(286). С. 112–117.

References

1. Kasevich V.B. *Kognitivnaya lingvistika. V poiskakh identichnosti* [Cognitive Linguistics: In Search of Identity]. Moscow, 2013. 185 p.

2. Permiakova E.G., Ponomarenko V.S. Metaphor as a Means of Conceptualization of the Surrounding World (Based on the Examples of English, Russian, and French Verbs of Receiving and Giving). *Lib. Arts Russ.*, 2018, vol. 7, no. 5, pp. 409–423 (in Russ.). DOI: [10.15643/libartus-2018.5.7](https://doi.org/10.15643/libartus-2018.5.7)

3. Oparina E.O. Metaforicheskiy obraz kak sredstvo kontseptualizatsii v diskursakh [Metaphorical Image as a Means of Conceptualization in Discourses]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6: Yazykoznanie. Referativnyy zhurnal*, 2022, no. 4, pp. 91–98. DOI: [10.31249/ling/2022.04.08](https://doi.org/10.31249/ling/2022.04.08)

4. Kurbanov I.A., Malagin D.V. Metaforicheskoe modelirovanie obraza prezidenta SShA Dzho Baydena v russkoyazychnom politicheskom mediadiskurse [Metaphorical Modeling of the USA President Joe Biden Image in the Russian Political Media Discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2023, no. 3-2, pp. 471–474.

5. Baranov A.N. *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptive Theory of Metaphor]. Moscow, 2014. 630 p.

6. Boldyrev N.N. *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and Knowledge System. A Cognitive Theory of Language]. Moscow, 2018. 478 p.

7. Budaev E.V., Chudinov A.P. Sovremennaya teoriya kontseptual'noy metafory: amerikanskiy i evropeyskiy varianty [Contemporary Theory of Conceptual Metaphor: American and European Variants]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2007, no. 2-1, pp. 10–22.

8. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 2003. 256 p.

9. Budaev E.V., Chudinov A.P. Kognitivno-diskursivnyy analiz metafory v politicheskoy kommunikatsii [Cognitive-Discursive Analysis of Metaphor in Political Communication]. *Politicheskaya lingvistika*, 2008, no. 3, pp. 37–48.

10. Nikitin M.V. Razvernutyte tezisy o kontseptakh [Derived Notions of the Concept]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2004, no. 1, pp. 53–64.

11. Khantimirov S.M. Freymovyy analiz semantiki nemetskiikh glagolov slukha [Frame Analysis of the Semantics of German Verbs of Hearing]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2023, vol. 16, no. 6, pp. 1843–1848. DOI: [10.30853/phil20230294](https://doi.org/10.30853/phil20230294)

12. Pogrebnyak N.V. Vozdeystvuyushchiy potentsial metafory v sovremennom politicheskom mediadiskurse [Influencing Potential of Metaphor in Modern Political Media Discourse]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, no. 3, pp. 118–125.

13. Ches N.A. Kontseptual'naya метафора как средство конструирования политической реальности в современном медиадискурсе [Conceptual Metaphor as a Means of Constructing Political Reality in Modern Media Discourse]. Krasnykh V.V., Izotov A.I. (eds.). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Moscow, 2007. Iss. 57, pp. 271–282.

14. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg, 2001. 238 p.

15. Stadul'skaya N.A. Komponentnyy analiz znacheniya slova kak sposob vyyavleniya soderzhaniya kontsepta [Component Analysis of the Word Meaning as a Way to Determine a Concept's Content]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 32, pp. 112–117.

DOI: 10.37482/2687-1505-V305

Danila V. Malagin

Surgut State University;
prosp. Lenina 1, Surgut, 628400, Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug – Yugra, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8063-2961> e-mail: danilamalagin1999@mail.ru

Ibragim A. Kurbanov

Surgut State University;
prosp. Lenina 1, Surgut, 628400, Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug – Yugra, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0081-5360> e-mail: ibragimkurbanov@mail.ru

METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE IMAGE OF US PRESIDENT JOE BIDEN IN THE ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL MEDIA DISCOURSE

This paper dwells on the metaphorical representation of the image of the current US president, Joe Biden, in contemporary English-language political media discourse. The study aimed to describe and systematize the metaphorical models of Biden's current media image as well as explicate its perception reflected in the national worldview of the native speakers of English. The article considers conceptual metaphor as one of the main image-creating tools in media texts having considerable pragmatic potential. A variety of scientific methods were used in the research: continuous sampling to select texts published from Biden's inauguration to the present day; cognitive discursive interpretation of metaphorical models to describe their frame structure; component analysis to identify the source domain of the metaphorical expansion of some concepts and their contents (pragmatic meanings); classification method to systematize the models and their representations. The research results show a dominance of the metaphorical models that engender a negative image of the 46th US president in contemporary English-language media. These models actualize the negative signs of being too old, aggressive and unfit for ruling, as well as intellectual decay and some other negative traits of his image, which demonstrates a clear dislike of Biden in the English-language political media discourse and can indirectly cause corresponding reactions and attitudes towards him in society. The comparison of the subspheres of metaphorical expansion showed that the source domain *Society* has the highest productivity and a slight positive potential. This domain's representations demonstrate an attempt at a positive conceptualization of Biden's personality in American discourse. Furthermore, comparing the subspheres of metaphorization contributes to a better understanding of conceptual metaphor functions and common tendencies towards metaphorical representation of a political figure in mass media discourse.

Keywords: *conceptual metaphor, metaphorical model, metaphorical expansion, english-language political media discourse, Joe Biden, politician's media image.*

Поступила 20.07.2023
Принята 20.11.2023
Опубликована 25.12.2023

Received 20 July 2023
Accepted 20 November 2023
Published 25 December 2023

For citation: Malagin D.V., Kurbanov I.A. Metaphorical Representation of the Image of US President Joe Biden in the English-Language Political Media Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 55–65. DOI: 10.37482/2687-1505-V305

УДК 81'373:821.161.1

DOI: 10.37482/2687-1505-V309

*ИЛЮХИНА Надежда Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и массовой коммуникации социально-гуманитарного института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Автор 260 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий, 6 учебных пособий**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3368-2725>

СДВИГ ФОКУСА ВНИМАНИЯ В ПРОЕКЦИИ НА ЯЗЫК И РЕЧЬ

В статье представлены результаты осмысления связи когнитивной и речевой деятельности сквозь призму понятия *сдвиг фокуса внимания*. В качестве объекта рассмотрения выступает языковой и речевой материал, отражающий результаты сдвига фокуса внимания в рамках передаваемой информации. Исследование направлено на выявление и обобщение таких феноменов и изучение механизма, обеспечивающего актуализацию наиболее важной части информации в составе высказывания. Результат сдвига фокуса внимания, относящегося к когнитивной сфере, в его проекции на язык и речь – многообразные процессы, связанные с единицами разных уровней и реализующие названную интенцию. В числе наиболее очевидных языковых проекций сдвига фокуса внимания в статье описываются лексическая метонимия в ее классическом и расширенном понимании, перенос определения с одного компонента на другой, мена лексического наполнения позиций грамматических субъекта и объекта, выдвигание или опущение аргументов при предикате, актуальное членение предложения, феномен лексических конверсивов, экспансия метафорического образа как средства концептуализации одной денотативной сферы и некоторые другие. Сопоставление проекций сдвига фокуса внимания на единицы разных уровней языковой системы позволяет обнаружить общий механизм, который обеспечивает коммуникативный эффект актуализации того или иного элемента содержания высказывания. Общим условием действия этого механизма являются отношения смежности между элементами высказывания либо элементами отражаемой ситуации. На когнитивном уровне смежность элементов предопределяется их принадлежностью к одному концепту, в рассматриваемых явлениях – преимущественно к пропозиции как типу концепта. На этой основе последовательно происходит многостороннее варьирование элементов, связанных со структурой высказывания: слов, предложений, концептов и т. д. Варьирование касается формы, семантики и денотативной отнесенности единицы. По итогам анализа сделан вывод о глубинной общности совершенно разных системных языковых явлений, которые связаны с актуализацией части высказывания, т. е. выполняют единую когнитивную функцию.

Ключевые слова: *сдвиг фокуса внимания, отношения смежности (в языке), метонимия, варьирование элементов высказывания, перенос определения, актуальное членение предложения, когнитивная метафора.*

*Адрес: 443086, г. Самара, Московское ш., д. 34; e-mail: ilnadezhda@rambler.ru

Для цитирования: Илюхина Н.А. Сдвиг фокуса внимания в проекции на язык и речь // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 66–76. DOI: 10.37482/2687-1505-V309

Понятия *фокус внимания* (сосредоточенность сознания на определенном объекте), *смещение фокуса внимания* широко используются в психологии, психиатрии, психотерапии, теории и практике речевого воздействия и т. д. (см., например, [1; 2]). Применительно к речевым способам воздействия исследуются техники манипуляции сознанием, внушения, привлечения внимания в разных сферах деятельности.

Активная разработка вопросов, связанных с отражением результатов смещения фокуса внимания в системе языка и ее функционировании, приходится на начало XXI века и обусловлена введением в практику лингвистических исследований когнитивных принципов. Это явление исследуется в когнитивной лингвистике и других лингвистических направлениях, использующих когнитивные принципы, в терминах *фокусирование, профилирование, аспектизация, актуализация, выделенность, фигура – фон, профиль – база, домен и матрица доменов, концептуальный диапазон и активная зона, траектор и ориентир, перспективизация* [3, с. 25] и др.

Ментальная интенция к актуализации тех или иных элементов замысла запускает механизм порождения высказывания с необходимой фокусировкой смысла, которая достигается средствами разных уровней языка, обнаруживающими глубинную общность в свете реализации данной интенции.

Обратимся к понятию сдвига фокуса внимания в его проекции на систему языка в процессе функционирования, оставив за рамками статьи специальные приемы привлечения внимания, используемые в художественных или прикладных целях.

Цель статьи – сопоставить языковые явления, связанные с единицами разных уровней языка, которые отражаются в виде проекций сдвига фокуса внимания в составе высказывания, с точки зрения их общего механизма.

В ходе исследования использовались методики компонентного, контекстуального, синтаксического, концептологического и сопоставительного анализа.

Новизну работы обуславливают принцип отбора материала для оценки масштабов воздействия когнитивной интенции сдвига фокуса внимания на функционирование языковой системы (анализ разноуровневых единиц и совершенно разных языковых явлений) и цель исследования. Такой отбор материала позволяет выявить общий механизм актуализации части высказывания, действие которого распространяется на принципиально разные единицы языка и связанные с ними феномены, а также его общие когнитивные основы.

В первую очередь сдвиг фокуса внимания в лингвистике осмысливается в связи с метонимией (см. работы Г.И. Кустовой [4], Е.В. Урысон [5], М.В. Сандаковой [6], И.Д. Гажевой [7], И.В. Лисицыной [8] и многих других) – как в традиционном (по отношению прежде всего к субстантивной метонимии), так и в широком ее понимании. Столь последовательная связь с метонимией высвечивает статус данного явления как языковой универсалии.

В то же время анализ метонимии сквозь призму сдвига фокуса внимания неизбежно приводит не только к расширению ее границ в лексике (когда рассматривается перенос лексических единиц с одного денотата на другой, находящийся с первым в отношениях смежности), но и к осмыслению в метонимической логике других явлений, механизм которых ранее не связывался с метонимией [9; 10].

Смещение фокуса внимания наблюдается между элементами, относящимися к единому денотативному (а также текстовому – в лингвопоэтике) пространству, т. е. связанными отношениями смежности.

Очевидно, что оба понятия – смежность и сдвиг фокуса внимания – имеют не языковую, а ментальную природу, отражают *восприятие* реалии и тем самым задают более широкий, сквозной взгляд на языковую систему в ее функционировании. Такой взгляд представляется чрезвычайно продуктивным и перспективным в осмыслении языковой системы сквозь призму когнитивных понятий. Продемонстрируем это

вниманием к явлениям, относящимся к разным участкам языковой системы, не претендуя на полноту их перечня.

Среди отечественных лингвистов понятие сдвига фокуса внимания в практике исследования языковой системы одной из первых использовала Е.В. Падучева (по ее замечанию, вслед за Л. Талми [11]) для интерпретации дитезы и некоторых типов метонимии [12; 13]. Этот термин, апеллирующий к акту восприятия ситуации реципиентом, позволяет исследователю обозначить свой принцип типологизации рассматриваемых конструкций как когнитивный.

Е.В. Падучева выделяет три типа метонимии в широком ее понимании [12, с. 241–243]:

1) метонимически соотносящиеся «две концептуализации одной и той же ситуации»: *...стаканы пенились и шипели беспрестанно* (А.С. Пушкин); *Когда мужик... Белинского и Гоголя с базаров понесет* (Н.А. Некрасов); *по снегу хрустели шаги*;

2) метонимически соотносящиеся значения слова, зафиксированные в словаре, – «если одно значение получается из другого смещением фокуса внимания», при этом, по мнению автора, смещение фокуса внимания может касаться участников ситуации и компонентов толкования [12, с. 241]: *зубы* – «полость» и «отверстие»; *треснуть* – «деформация» и «звук»; *сломать ногу* – «событие + состояние» и «только событие»;

3) метонимически соотносящиеся видения ситуации, выраженные разными синтаксическими конструкциями: *Я открыл дверь новым ключом* – *Новый ключ открыл дверь без труда*; *пробить дыру в стене* – *пробить стену*.

Однако приведенная типология, привлекая внимание к важному аспекту порождения речи, не охватывает всего многообразия случаев смещения фокуса внимания при отражении ситуации, так или иначе имеющих метонимические основания.

Заданная коммуникативная цель – актуализация одного из элементов высказывания – достигается путем сдвига фокуса внимания, ко-

торый, в свою очередь, осуществляется через общий механизм, основанный на:

– **отношениях смежности между элементами**, эксплицитно или имплицитно присутствующими в высказывании (словами, элементами их семантической структуры, аргументами (членами предложения) при предикате), между элементами отражаемого в высказывании денотата, в т. ч. денотативной ситуации;

– **варьировании элементов**, подвергаемых актуализации либо деактуализации (специально о деактуализации см. [3]).

В языке и речи эффект сдвига фокуса внимания означает подчеркивание особой значимости какой-либо части сообщаемого теми или иными средствами и отражается в разных явлениях. Обратимся к некоторым из них, наиболее, на наш взгляд, очевидным, и остановимся на демонстрации названного выше механизма в отношении каждого из них.

1. Наиболее последовательно сдвиг фокуса внимания проявляется в **традиционной лексической метонимии**, при этом касается всех типов метонимического переноса, например: *кипятить чайник* (при переносе имени чайник в фокусе внимания оказывается содержимое этой посуды); *проверить сочинения* (при переносе имени процесса в фокусе внимания оказывается его результат); *недостает рабочих рук* (переносом названия части тела на человека акцентируется орудийная функция рук и деятельностная сторона человека).

Исследования показывают, что векторы таких переносов предопределяются структурой соответствующего концепта: фрейма, пропозиции, сценария (подробнее об этом см. [14]).

2. Сдвиг фокуса внимания при обозначении разных аспектов *одного и того же действия* (и шире – одной и той же ситуации) достигается **заменой названий компонентов ситуации в объектной позиции**. Приведем примеры, которые неодинаково интерпретируются в научной литературе, в т. ч. относятся к глагольной метонимии: *копать землю* – *копать котлован*, *полоть морковь* – *полоть сорняки* – *полоть грядку*, *выбивать пыль* – *выбивать ковер*, *пробить*

отверстие – пробить стену, клеить бумагу – клеить конверт, ковать железо – ковать меч.

В этих выражениях выдвигание того или иного компонента ситуации в фокус внимания происходит за счет смены обозначения объекта (разного лексического наполнения объектной позиции) при переходном глаголе – например, именем деформируемого или именем создаваемого объекта (*копать землю – котлован*). Прокомментируем некоторые примеры.

Так, при обозначении ситуации глаголами *полоть, выбивать* и т. п. аспект устранения ненужного объекта актуализируется при выборе на роль прямого объекта при переходном глаголе соответствующего названия (*полоть сорняки, выбивать пыль*), а аспект очищения объекта в результате устранения ненужного (иного!) объекта актуализируется при выборе названия очищаемого объекта (*полоть морковь, выбивать ковер*).

При обозначении ситуации глаголами *копать, пробить, ковать, варить* и т. п. аспект обработки объекта актуализируется при выборе на роль грамматического объекта предмета, подвергаемого механической, термической и т. п. обработке: *копать землю, пробить стену, варить мясо, ковать железо* (объект термической и механической обработки).

Сдвиг фокуса внимания на другой аспект того же действия-ситуации – создание нового объекта в результате обработки исходного объекта-материала – осуществляется путем выбора в качестве грамматического объекта названия создаваемого объекта: *копать котлован, пробить отверстие, ковать меч, варить суп*.

Именно на примере метонимии становится очевидно, что сдвиг фокуса внимания неизбежно сопровождается развитием полисемии. Акцентировка разных аспектов одних и тех же действий с использованием одного глагола приводит к развитию его полисемии за счет

появления вторичного – метонимически производного значения. Заметим, что в лексико-графической практике в отношении фактов такого рода нет единого принципа. Так, в словаре С.А. Кузнецова глаголы *полоть* и *ковать* характеризуются как однозначные, при этом аспект очищения объекта (*полоть грядки, капусту*) и аспект обработки объекта (*ковать железо*) указаны в качестве основного значения, а аспект уничтожения объекта (*полоть крапиву*) и аспект созидания (*ковать оружие*) – как оттенок основного значения (далее подчеркнуто нами. – Н.И.):

ПОЛОТЬ. Очищать (огород, гряды и т. п.) от сорных растений, вырывая, выдергивая их. П. огород, грядки. П. капусту. // Вырывать, выдергивать (сорные травы, ненужные растения). П. крапиву, лебеду. П. траву, сорняки цапкой¹.

КОВАТЬ. 1. Ударами молота или нажимами пресса обрабатывать раскаленный металл, придавая ему нужную форму. К. железо. // Ковкой изготавливать. К. лемех. К. оружие².

Глагол *копать* описывается как многозначный, у которого аспекты обработки объекта (*копать землю*) и созидания объекта (*копать канаву*) представлены как разные значения:

КОПАТЬ. 1. Разрыхлять почву лопатой или другим орудием, перебрасывая отделившиеся комья на соседнее место или переворачивая их. К. землю. К. огород. К. грядки лопатой. 2. Делать углубление, выемку, вынимая, отваливая землю; рыть. К. канаву. К. котлован экскаватором. К. колодец. К. могилу. К. яму³.

Отметим, что развившаяся полисемия, как и в других случаях метонимии (см. выше п. 1), представляет собой разновидность семантического варьирования слова. С учетом высокой регулярности метонимических переносов лексем одной семантической группы такое варьирование имеет регулярный характер.

3. Та же логика сдвига фокуса внимания с одного аспекта действия (ситуации), назы-

¹Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01.09.2023).

²Там же.

³Там же.

ваемого глаголом, на другой аспект того же действия достигается **меной лексического наполнения позиции грамматического субъекта** при глаголе, например: *Водитель привез делегацию – Автобус привез делегацию – Руководитель привез делегацию на автобусе.*

В этом случае сдвиг фокуса внимания при отражении ситуации достигается изменением синтаксического статуса ее компонента: в позиции грамматического субъекта, подчеркивающей значимость данного компонента, оказываются обозначения разных компонентов внеязыковой ситуации.

Обратим внимание на то, что соответствующие компоненты в контексте одной и той же ситуации находятся в отношениях смежности. Приведем и подробнее прокомментируем еще один пример: *Ученый показывает (открывает, обнаруживает) наличие закономерности – Исследование (анализ, наблюдение) показывает наличие закономерности – Результаты исследования показывают наличие закономерности – Материал открывает наличие закономерности – Метод (подход) открывает наличие закономерности.*

Приведенные выражения отражают одно событие – передают информацию об итогах исследования объекта, но с выдвижением в центр внимания разных аспектов отражаемой ситуации за счет помещения их обозначений в позицию грамматического субъекта. В итоге мены компонентов (аспектов) ситуации в позиции грамматического субъекта происходит актуализация агентивного (*ученый*), инструментального (*метод*), процессуального (*исследование*), объектно-интерпретационного (*результаты*) и других аспектов. Подробнее об этом см. [15, с. 65–113].

4. С точки зрения изменения фокуса внимания могут быть рассмотрены коррелирующие между собой **разные синтаксические конструкции, отражающие одну и ту же ситуацию**

с разных сторон: *Я иду (сбегаю) по тропинке к реке – Тропинка идет (сбегаем) к реке – Тропинка ведет меня к реке.*

Подобные факты в работах Е.В. Падучевой интерпретируются в терминах диатетических преобразований [13].

5. Сдвиг фокуса внимания очевидным образом выражается в **актуальном членении предложения**: зону повышенного коммуникативного внимания представляет рема высказывания, которая выделяется различными средствами, в частности позицией конца предложения. Например: *На факультете состоялась встреча с писателем – Встреча с писателем состоялась на факультете – Встреча с писателем на факультете все же состоялась.*

Приведенные факты через призму сдвига фокуса внимания можно интерпретировать как демонстрирующие варьирование коммуникативной семантики предложения.

6. Избирательная актуализация разных аспектов ситуации, или сдвиг фокуса внимания, достигается **выборочным введением аргументов (актантов и сирконстантов) в речь** (а деактуализация аспектов – опущением их обозначений; «пропадающие актанты», по Е.В. Падучевой [13, с. 60–62]). Ср. варианты отражения ситуации, обозначаемой высказыванием *Коллега приехал из Самары в Томск на конференцию поездом*: *Коллега приехал в Томск – Коллега приехал из Самары – Коллега приехал поездом – Коллега приехал на конференцию*; а также при замене предиката: *Коллега находится (в Томске) на конференции.*

7. К способам смещения фокуса внимания относится **использование грамматических и лексических конверсивов** как средств «выражения субъектно-объектных отношений в эквивалентных по смыслу предложениях»⁴. Примеры лексических конверсивов: *Сергей продал Антону автомобиль – Антон купил у Сергея автомобиль; Сергей отдал книгу Анто-*

⁴Новиков Л.А. Конверсия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Рос. энцикл. 1998. С. 234–235.

ну – Антон **взял** книгу у Сергея; Сергей **бросил** Антону мяч – Антон **поймал** брошенный ему Антоном мяч.

В данном случае наблюдается другой вид варьирования – лексическое варьирование основного обозначения одной и той же внеязыковой ситуации – глагола. Вариантами обозначения выступают конверсивы *купить* и *продать*; *отдать* и *взять*; *бросить* и *поймать*. Ср. также: *пугать* – *бояться*; *победить* – *проиграть*; *(быть) выше* – *ниже*.

Типичными грамматическими конверсивами, как известно, выступают залоговые глагольные формы (*Рабочие **строят** дом – Дом **строится** рабочими*).

8. Признаки механизма сдвига фокуса внимания можно усмотреть в **переносах определений по метонимической логике**. Приведем примеры, в которых наблюдается перенос определения с субъекта (лица) на действие, объект или инструмент, относящиеся к одной и той же ситуации (находящиеся в отношениях смежности): *озорной художник – озорной рисунок – озорной карандаш (художника)*; *нервный сотрудник – нервное поведение – нервный период*; *добрый человек – добрый поступок – добрые слова*.

Перенос определения в таких случаях приводит к выдвиганию на первый план общей оценки человека (*добрый человек, нервный сотрудник, озорной художник*) или оценки частного проявления признака при характеристике: совершенных им действий (*добрый поступок, нервное поведение, озорная выходка*), результатов или форм, манеры этих действий (*озорной рисунок, озорной карандаш* (манера), *добрые слова*), времени, в течение которого человек испытывал соответствующее состояние (*нервный период*).

Сдвиг фокуса внимания через перенос характеризующего определения и в этом случае сопровождается варьированием – варьированием элементов общего денотата, называемых определяемыми существительными, а также семантики прилагательного, которое выступает в роли определения (о роли отношений смежности при переносе определения см. [16]).

9. Сдвиг фокуса внимания на основе отношений смежности регулярно проявляется **при использовании** не слова, а более крупной единицы в качестве средства характеристики объекта – **метафорического образа (концепта)**. Эта единица также подвергается переносу по смежности при интерпретации объекта. Например, образ «конь–лошадь» путем переноса характеризует разные стороны человека: конь – человек (*разнуздавшийся хулиган*), конь – чувство (*обуздать гнев*), конь – мысль (*эскадрон моих мыслей шальных*), конь – память (*память невозможно обуздать*) и т. д.

Аналогичным смещением по смежности (структурой переносов) характеризуется функционирование любого метафорического образа как средства интерпретации разных реалий одной сферы. Иными словами, принцип метонимической экспансии закономерно определяет функционирование метафорического образа как средства образной концептуализации любой денотативной сферы (образы коня, огня, дороги, вместилища и т. д.). Таким образом, и в этом случае сдвиг фокуса внимания выражается в варьировании ассоциативных связей с элементами одной денотативной сферы.

Актуализация той или иной части содержания в высказывании (сдвиг фокуса внимания реципиента на нее), как было показано выше, связана с варьированием значения разных единиц: всего предложения (всегда), а также отдельных лексем в его составе. Напомним о примерах с разными типами лексической метонимии – существительного (*поставить чайник – кипятить чайник*) и глагола (*копать землю – копать котлован*). Метонимическое смещение фокуса внимания **сопровождается семантическим варьированием** вовлеченных в этот процесс лексем – образованием метонимически производного значения (*чайник* «посуда» – «жидкость»; *копать* «механически обрабатывать землю» – «создавать котлован»). Этот тип семантического варьирования лексических единиц именуют семемным (лексико-семантическим), его результатом является полисемия слова.

10. Однако **семантическое варьирование** и, следовательно, актуализация той или иной части лексического значения слова (иначе говоря – сдвиг фокуса внимания на ту или иную сему в структуре лексического значения) наблюдаются также **в рамках прямого значения слова**. Такой вид семантического варьирования, называемый семным (речевым), охватывает все знаменательные слова. Приведем примеры семного варьирования при помощи лексемы *крапива* в составе разных высказываний: *Весной полезны щи из крапивы* («содержит витамины и другие полезные вещества»); *Опять щи из крапивы? Иногда и мяса хочется* («отличается низкой калорийностью»); *От выпадения волос мне посоветовали отвар из крапивы* («обладает целебными свойствами»); *От лени раньше лечили крапивой* («обжигает кожу»); *Зарос крапивой и бурьяном мой отчий дом* (И.А. Бунин) («является одним из признаков запустения участка»). Заметим, что выдвигание в фокус внимания того или иного признака (семы) при семантическом варьировании происходит на основании их смежности в структуре значения слова.

Показательно, что в толковых словарях основные смыслы, отражающие разные аспекты этого растения, часто находят место в иллюстрациях употребления слова в его прямом значении:

КРАПИВА. Травянистое растение с жгучими волосками на листьях и стеблях. *Обжечь руки крапивой. Огород зарос крапивой. Жгучая к. Щи из молодой крапивы*⁵.

В процессе семантического варьирования (как семного, так и семемного) сдвиг фокуса внимания достигается за счет различных элементов контекста, создающих через семантическое согласование нужное значение или нужный, актуальный смысл.

11. Принципиально сходную картину **семантического варьирования** демонстрирует в процессе функционирования ментальная единица – **концепт** – в ее проекции на язык, в

т. ч. в роли метафорического образа, моделирующего какую-либо сферу.

Воспроизведение образа в разных речевых актах может быть охарактеризовано как выдвигание в фокус внимания того или иного признака. Приведем примеры метафорического воплощения концепта «конь–лошадь» в речи: *При любом возражении собеседника она встает на дыбы* – *Начал дискуссию с места в карьер* – *Когда Николай закусил удила, угорваривать его бесполезно* – *Надо бы обуздать этого хулигана* – *Мы устали тянуть воз бесконечных проблем* – *Зашиоренный человек не сможет этого принять*.

Как показывают примеры, в данном случае сдвиг фокуса внимания достигается путем не только семантического, но и лексического варьирования образа (концепта) – его воплощением в разном обличье.

Отметим, что в приведенных примерах сдвиг фокуса внимания, который практически всегда связывается учеными с механизмом метонимии, характеризует закономерность метафорической концептуализации мира. Другими словами, метонимия регулирует процесс экспансии метафорического образа.

В общем, далеко не полным перечне языковых явлений и процессов, связанных со сдвигом фокуса внимания в рамках высказывания, назовем процесс образования когнитивной метафоры, которая является средством концептуализации той или иной абстрактной сферы действительности. При этом важно еще раз указать на факт взаимодействия метафорического и метонимического механизмов в процессе концептуализации действительности, в данном случае – обратить внимание на другой аспект их взаимосвязи.

12. Одним из этапов **порождения когнитивной метафоры** является стихийная замена в составе высказывания одного компонента другим, связанным с первым по смежности в той или иной ситуации.

⁵Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов.

Логику этого процесса можно проиллюстрировать следующими примерами: *нахлынули слезы – нахлынули чувства; выплакала слезы – выплакала горе; лицо налилось кровью – лицо налилось гневом; в нем кровь кипит – в нем гнев кипит.*

В приведенных примерах и подобных случаях когнитивная метафора жидкости как средства концептуализации сферы чувств оформилась в речи в результате незаметной для говорящего и реципиента замены названия соматической жидкости (слез или крови) именем эмоции, связанной с соответствующей жидкостью естественными отношениями смежности – как с одним из физиологических показателей динамики эмоционального состояния. Подробнее об этом см. [17]. Иначе говоря, когнитивная метафора «чувство–жидкость» возникла в речи в результате смещения фокуса внимания на более актуальный элемент отражаемой ситуации – с физиологической стороны чувства на само чувство.

Результаты рассмотрения вопроса о проекции когнитивных понятий *фокус внимания* и *сдвиг фокуса внимания* на языковую систему подтверждают продуктивность использования взаимодействия когнитивных и лингвистических инструментов для исследования природы языка, его глубинных (ментальных) основ и системных характеристик.

Осмысление феномена сдвига фокуса внимания в его лингвистических проекциях высвечивает важные закономерности, определяющие функционирование языковых единиц разных уровней и языковой системы в целом. В качестве наиболее значимых закономерностей укажем на:

1) большую роль когнитивных механизмов, предопределяющих системные явления в языковых и речевых процессах (в данном случае – сложную систему метонимических переносов разных языковых единиц, мену грамматических аргументов в составе высказывания, актуальное членение предложения, закономерный характер семантического, а также лексического варьирования, закономерную обусловленную роль метонимии в процессе генезиса когнитивной метафоры и др.);

2) глубинную общность принципиально разных языковых явлений (упомянутых выше и др.), которые нацелены на актуализацию части высказывания – коммуникативно важных смыслов в его структуре.

Сопоставление принципиально разных приемов актуализации элементов высказывания, которые обеспечиваются средствами разных языковых уровней, позволяет обнаружить общий механизм сдвига фокуса внимания. Он сказывается на отношениях смежности между элементами, эксплицитно или имплицитно присутствующими в высказывании, и стоящими за ними элементами отражаемого внеязыкового денотата, а также на варьировании элементов: высказывания и/или отражаемой ситуации-денотата. Показательно, что отношения смежности и процесс варьирования охватывают компоненты одного концепта (ментальной единицы), отражающего единую реалию (в т. ч. ситуацию) внеязыковой действительности.

Полученные результаты могут быть использованы в ходе дальнейшей разработки вопроса о механизмах взаимодействия когнитивной и речевой деятельности.

Список литературы

1. Макашова А.В., Мудрук А.А., Смирнова Я.К. Айтреккер исследование дефицита совместного внимания // Тр. молодых ученых Алтайск. гос. ун-та. 2020. № 17. С. 174–177.
2. Чубина Е.А. Сдвиг фокуса внимания и другие приемы ухода от достоверности в рекламе. Сможет ли помочь лингвист правоприменителю? // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 539–546.

3. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Яз. славян. культуры, 2014. 319 с.
4. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 472 с.
5. Урысон Е.В. Фокус внимания говорящего, сдвиг семантического акцента и полисемия // Апресян В.Ю., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Галактионова И.В., Гловинская М.Я., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Птенцова А.В., Санников А.В., Урысон Е.В. Проспект активного словаря русского языка: моногр. / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Яз. славян. культур, 2010. С. 677–726.
6. Сандакова М.В. Метонимия прилагательного в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 439 с.
7. Гажева И.Д. Аспекты и методы изучения метонимии в современной лингвистике // Мова. 2014. № 21. С. 150–153.
8. Лисицына И.В. Сдвиг фокуса внимания как один из основных механизмов семантической деривации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2007. № 2-1. С. 23–27.
9. Трухановская Н.С. Метонимический сдвиг при концептуализации денотативной ситуации: в сфере предикатов физического воздействия: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 280 с.
10. Петрова И.М. Вариативность когнитивного фокуса в глагольных биномах типа *sow and plough* // Вестн. МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Яз. образование. 2020. № 2(38). С. 83–88.
11. Талми Л. Феномены внимания // Вопр. когнитив. лингвистики. 2006. № 2(7). С. 23–44.
12. Падучева Е.В. О роли метонимии в концептуальных структурах // Труды Междунар. семинара «Диалог-99» по компьютерной лингвистике и ее приложениям: в 2 т. / под ред. А.С. Нариньяни. Т. 1. Теоретические проблемы. Таруса, 1999. С. 241–251.
13. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 608 с.
14. Илюхина Н.А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2015. № 7(129). С. 36–48.
15. Илюхина Н.А., Долгова И.А., Кириллова Н.О. Метафора и системность: семасиологический и когнитивный аспекты: моногр. Самара: Самар. ун-т, 2016. 186 с.
16. Илюхина Н.А. Роль отношений смежности в механизме переноса определений // Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты: материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2007. С. 86–87.
17. Илюхина Н.А. Трансформация метонимии в метафору в зеркале фразеологии // Славянская фразеология в синхронии и диахронии: сб. науч. ст. Вып. 1 / отв. ред. В.И. Коваль. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. С. 258–261.

References

1. Makashova A.V., Mudruk A.A., Smirnova Ya.K. Aytreker issledovanie defitsita sovmestnogo vnimaniya [Eye Tracker Study of Joint Attention Deficit]. *Trudy molodykh uchenykh Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 17, pp. 174–177.
2. Chubina E.A. Sdvig fokusa vnimaniya i drugie priemy ukhoda ot dostovernosti v reklame. Smozhet li pomoch' lingvist pravoprimeritel'yu? [Shifting the Focus of Attention and Other Techniques for Avoiding Authenticity in Advertising. Can a Linguist Help a Law Enforcement Officer?]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy v sovremennykh usloviyakh* [Theory and Practice of Forensic Examination in Modern Conditions]. 2019, pp. 539–546.
3. Iriskhanova O.K. *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Focus Games in Language: Semantics, Syntax and Pragmatics of Defocusing]. Moscow, 2014. 319 p.
4. Kustova G.I. *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of Derived Meanings and Mechanisms of Language Expansion]. Moscow, 2004. 472 p.
5. Uryson E.V. Fokus vnimaniya govoryashchego, sdvig semanticheskogo aktsenta i polisemiya [Speaker's Focus of Attention, Shift in Semantic Emphasis, and Polysemy]. Апресян В.Ю., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Галактионова И.В., Гловинская М.Я., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Птенцова А.В., Санников А.В., Урысон Е.В. *Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka* [Prospectus of an Active Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2010, pp. 677–726.

6. Sandakova M.V. *Metonimiya prilagatel'nogo v russkom yazyke* [Metonymy of the Adjective in the Russian Language: Diss.]. Moscow, 2004. 439 p.
7. Gazheva I.D. Aspekty i metody izucheniya metonimii v sovremennoy lingvistike [Aspects and Methods of Study of Metonymy in Modern Linguistics]. *Mova*, 2014, no. 21, pp. 150–153.
8. Lisitsyna I.V. Sdvig fokusa vnimaniya kak odin iz osnovnykh mekhanizmov semanticheskoy derivatsii [The Semantic Shift as One of the Most Important Methods in Semantic Derivation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2007, no. 2-1, pp. 23–27.
9. Trukhanovskaya N.S. *Metonimicheskiy sdvig pri kontseptualizatsii denotativnoy situatsii: v sfere predikatov fizicheskogo vozdeystviya* [Metonymic Shift in the Conceptualization of a Denotative Situation: In the Sphere of Predicates of Physical Influence: Diss.]. Moscow, 2009. 280 p.
10. Petrova I.M. Variativnost' kognitivnogo fokusa v glagol'nykh binomakh tipa *sow and plough* [Variability of the Cognitive Focus in Verbal Binomials Such as *Sow and Plough*]. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*, 2020, no. 2, pp. 83–88.
11. Talmy L. Fenomeny vnimaniya [Attention Phenomena]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2006, no. 2, pp. 23–44.
12. Paducheva E.V. O roli metonimii v kontseptual'nykh strukturakh [On the Role of Metonymy in Conceptual Structures]. Narin'yani A.S. (ed.). *Trudy Mezhdunarodnogo seminara "Dialog-99" po komp'yuternoy lingvistike i ee prilozheniyam. T. 1. Teoreticheskie problemy* [Proceedings of the International Seminar "Dialogue-99" on Computational Linguistics and Its Applications. Vol. 1. Theoretical Issues]. Tarusa, 1999, pp. 241–251.
13. Paducheva E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics of Vocabulary]. Moscow, 2004. 608 p.
14. Iliukhina N.A. O tipologii leksicheskoy metonimii v svete kognitivnogo printsipa [On the Typology of Lexical Metonymy in the Light of Cognitive Principle]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 7, pp. 36–48.
15. Iliukhina N.A., Dolgova I.A., Kirillova N.O. *Metafora i sistemnost': semasiologicheskii i kognitivnyy aspekty* [Metaphor and Systematicity: Semasiological and Cognitive Aspects]. Samara, 2016. 186 p.
16. Iliukhina N.A. Rol' otnosheniy smezhnosti v mekhanizme perenosa opredeleniy [The Role of Contiguity in the Mechanism of Attribute Transfer]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost': lingvokul'turologicheskii i pragmaticheskiy aspekty* [Language System and Speech Activity: Linguoculturological and Pragmatic Aspects]. Iss. 1. Rostov-on-Don, 2007, pp. 86–87.
17. Iliukhina N.A. Transformatsiya metonimii v metaforu v zerkale frazeologii [Transformation of Metonymy into Metaphor in the Mirror of Phraseology]. Koval' V.I. (ed.). *Slavyanskaya frazeologiya v sinkhronii i diakhronii* [Slavic Phraseology in Synchrony and Diachrony]. Iss. 1. Gomel, 2011, pp. 258–261.

DOI: 10.37482/2687-1505-V309

Nadezhda A. Iliukhina

Samara National Research University;
Moskovskoe sh. 34, Samara, 443086, Russian Federation;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3368-2725> e-mail: ilnadezhda@rambler.ru

SHIFT IN THE FOCUS OF ATTENTION PROJECTED ONTO LANGUAGE AND SPEECH

This article considers the connection between cognitive and speech activity through the prism of the concept of shifting the focus of attention. The object of the research is language and speech material that reflects the results of shifting the focus of attention within the framework of information being communicated. The study is aimed to identify and generalize such phenomena as well as analyse

For citation: Iliukhina N.A. Shift in the Focus of Attention Projected onto Language and Speech. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 66–76. DOI: 10.37482/2687-1505-V309

the mechanism bringing to the front the most important part of information in an utterance. The shift in the focus of attention, related to the cognitive sphere, projected onto language and speech results in multiform processes that are associated with units of different levels and implement the said intention. Among the most obvious linguistic projections of the shift in the focus of attention, the article describes lexical metonymy in its classical and broader sense, transfer of attribute from one component to another, changes in the lexical content of the positions of the grammatical subject and object, introduction or omission of arguments of a predicate, functional sentence perspective, converse terms, expansion of the metaphorical image as a means of conceptualizing one and the same denotative sphere, etc. Comparison of projections of the shift in the focus of attention onto units of different levels of the language system allows us to identify a general mechanism that ensures the communicative effect of bringing to the front a certain element of the content of an utterance. The general condition for this mechanism is contiguity between the elements of an utterance or the elements of a situation. At the cognitive level, the contiguity of elements is determined by their belonging to one and the same concept, in the case of the phenomena under study, primarily by belonging to the proposition as a type of concept. Based on this, a consistent multilateral variation occurs among the elements associated with the structure of an utterance: words, sentences, concepts, etc. Variation is observed in the form, semantics and denotative reference of a unit. As a result of the analysis, a conclusion was made about a strong community of completely different systemic linguistic phenomena that are associated with bringing to the front a part of an utterance; in other words, they perform one and the same cognitive function.

Keywords: *shift in the focus of attention, contiguity in language, metonymy, variation between elements of an utterance, attribute transfer, functional sentence perspective, cognitive metaphor.*

Поступила 22.09.2023
Принята 22.11.2023
Опубликована 25.12.2023

Received 22 September 2023
Accepted 22 November 2023
Published 25 December 2023

УДК 81'42:1

DOI: 10.37482/2687-1505-V308

ПАВЛОВСКАЯ Ольга Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и речевой коммуникации Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар). Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий, 12 учебных пособий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3919-4792>

ИЛЬИНА Лариса Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры филологических дисциплин Оренбургской духовной семинарии. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий, 6 учебных пособий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1765-8610>

ЭНТРОПИЯ ТЕКСТА КАК РАССЕЙВАНИЕ СМЫСЛА

Статья посвящена анализу энтропии языковой системы в целом и текста в частности. Авторами ставится цель – обосновать концепцию энтропии текста и объяснить, как происходит хронотопный перевод, на основе изучения энтропии в лингвистике. Для актуализации работы были рассмотрены исследования энтропии как меры случайности, как степени беспорядка, как меры неопределенности; предложена трактовка энтропии текста как степени рассеивания смысла. Научная значимость исследования заключается в обращении к опыту Жака Деррида и обосновании хронотопного перевода как перехода от исходного языка к целевому с неизбежной потерей коммуникативно-актуального смысла исходного текста. Энтропия языка обуславливает его способность выражать мысли его носителей, энтропия речи обеспечивает реализацию человеком когнитивных целей высказывания, а также подразумевает преднамеренные и непреднамеренные отклонения от норм. Авторы считают, что на современном этапе перевод не должен оцениваться с точки зрения адекватности и эквивалентности ввиду относительности этих понятий. Опираясь на исследования ведущих ученых и используя свойство интерпретируемости текста, авторы приводят концепцию хронотопного перевода как возможный способ прекращения рассеивания смысла и анализируют условия, в которых происходит потеря смысла при переводе временных и пространственных слоев исходного текста. В заключение делается вывод о том, что при выполнении хронотопного перевода необходимо учитывать общий контекст, основные ярусы и грамматические особенности языка и речи исходного и целевого текстов, традицию письменной и устной речи и энтропию целевого текста, которая, в свою очередь, является результатом неизбежных семантических, стилистических или культурных потерь в нем, произошедших в результате хронотопного перевода.

Ключевые слова: энтропия языка, энтропия речи, энтропия текста, рассеивание смысла, хронотопный перевод.

*Адрес: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13; e-mail: oera@mail.ru

**Адрес: 460014, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, д. 17; e-mail: nerol2620@mail.ru

Для цитирования: Павловская О.Е., Ильина Л.Е. Энтропия текста как рассеивание смысла // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 77–86. DOI: 10.37482/2687-1505-V308

Понятие «энтропия» в сфере гуманитарных наук есть стремление к хаосу, а ее противоположность – экстропия – стремление к порядку. Поскольку язык представляет собой сложную знаковую систему, исследования теории хаоса применительно к языковым процессам актуализируют данную работу.

Цель статьи состоит в описании *энтропии в лингвистике*, обосновании *энтропии текста* и сценариев *хронотопного перевода* как способа преодоления рассеивания смысла ввиду временных и пространственных различий исходного и целевого текстов и как процесса перехода от исходного к целевому тексту.

Научная новизна обусловлена попыткой использования опыта Жака Деррида (Jacques Derrida), создателя концепции деконструкции (разрушения) как своеобразной игры текста против смысла, и выяснения степени самостоятельности языка по отношению к смысловому наполнению исходного и целевого текстов; в деконструкции текста, включающей выявление противоречий между логикой и риторикой, между смыслом, содержащимся в тексте, и тем, что данный текст вынуждает означать язык-посредник; в обосновании *энтропии текста* как результата большей или меньшей семантической, стилистической или культурной потери в целевом тексте по сравнению с исходным, а также *хронотопного перевода* как *перехода* от исходного языка к целевому с неизбежной потерей коммуникативно-актуального смысла исходного текста. Среди основных факторов, влияющих на хронотопный перевод, мы предлагаем различать контекст, основные ярусы и грамматические особенности языка и речи исходного и целевого текстов, традиции письменной и устной речи, семантические, стилистические или культурные потери в целевом тексте, культурно-исторические характеристики представленных оппозиций и сценариев хронотопного перевода.

Методологическим основанием для актуализации исследования энтропии в лингвистике послужили определения энтропии как *меры случайности* Р. Клаузиуса, как *степени беспорядка*

К. Шеннона, как *меры неопределенности* Р. Арнхейма. На базе подходов Н. Нарасимхи Рамайи (N. Narashimha Ramaaya), И.М. Некипеловой, Р. Келлера, Т.М. Рогожниковой, В.А. Плунона сформировано понимание энтропии текста как меры рассеивания смысла. Работы О.И. Таюповой, В.З. Демьянкова, Ж. Деррида, Л.С. Бархударова, А.Д. Швейцера, А.В. Федорова, О.Е. Павловской, А.А. Ухтомского, М.М. Бахтина, Ж.М. Арутюновой, В.К. Церлюкевича послужили базой для уточнения понятия *перевод* в культурном пространстве и для разработки способов преодоления потери смысла.

В настоящее время термин *энтропия* (др.-греч. ἐν – в + τροπή – возвращение, преобразование) широко используется в целом ряде наук. Впервые данное понятие было введено в XIX веке немецким ученым Р. Клаузиусом как характеристика *меры случайности* [1]. *Энтропия как степень беспорядка* описана в 1948 году К. Шенноном, который, характеризуя систему передачи данных, установил наличие *шума*, неизбежно ведущего к ошибке (искажению) сообщения [2, с. 125].

С точки зрения теории информации Р. Арнхеймом исследована *энтропия как мера неопределенности* в противопоставлении *информации*, означающей сохранение порядка [3]. Вместе с энтропией вводится понятие *экстропии* (др.-греч. εκ – из, наружу + τροπή) как меры упорядоченности системы, экстропия указывает на тенденцию к увеличению порядка, сложности или прогрессу в системе. Мера неопределенности вычисляется по формуле вероятности появления в тексте элементов определенного кода (символов, букв). Информационная ценность передаваемого сообщения зависит от степени неожиданности его содержания, энтропия – косвенный показатель, позволяющий оценить смысловую информативность [4].

Энтропия – это мера неопределенности содержания текста, она связана с объемом информации, заключенной в данных: чем они более неопределенны, тем больше информации требуется для их описания. В точных науках при оценке эффективности кодирования данных

она вычисляется по определенной формуле. Произведя вычисления, исследователи получают ответ, насколько предсказуема или непредсказуема информация [5]. Информационная энтропия понимается как среднее количество информации, содержащейся в передаваемых символах. Сообщение имеет релевантную и максимальную информативность при условии, что все символы равновероятны. Однако выполнение данного условия невозможно, поскольку они несут разное количество информации [6].

В лингвистике энтропия рассматривается как степень дискурсивной информации, устанавливаемая по количеству лексем. *Энтропия языка* – статистическая функция текста на конкретном языке либо самого языка, определяющая количество информации на единицу текста [1].

Исследования энтропии в лингвистике проводятся на основе положений теории информации, при этом внимание уделяется статистическому соотношению количества букв и вероятности их появления в тексте, а также на основе синергетики, изучающей процессы самоорганизации языка и закономерности его развития. Более продуктивным представляется второй подход, поскольку в нем речь идет о прогнозировании изменений языковой системы [7]. По мнению И.М. Некипеловой, энтропия естественного языка стремится к бесконечности, но, поскольку ей противодействует энтропия, превращения языковой системы в хаос не происходит и энтропия естественного языка никогда не будет равна нулю [8]. Р. Келлер, учитывая диалектическую взаимосвязь языка с речевой деятельностью, исследует феномен редукции теоретического знания и приходит к выводу о функции воздействия как основной функции естественного языка. В связи с этим основное место среди лингвистических дисциплин он отводит прагматике, которой свойственен редукционизм, делающий ее движущей силой языковых изменений [9].

Т.М. Рогожникова, анализируя принципы изменения энтропии в пространстве индивидуального ассоциативного поля, высказывает предположение об ассоциациях как актуальном

действовании, приводящем к различным состояниям и изменению системы в целом [10].

Одним из самых цитируемых примеров лингвистического осмысления энтропии является опыт Н. Нарасимхи Рамайи, изучавшей энтропию в тексте пьесы «Отелло» и причислявшей к ней сленг, идиомы, диалектические единицы. При этом она выделяла энтропию, порождаемую фонологическими и психолингвистическими явлениями [11, с. 3].

Изучение энтропии в лингвистике связано с дихотомией языка и речи. Энтропия языка обусловлена его внутренним устройством – открытостью языковой системы, природой культурно-исторического существования, а также основной функцией – способностью выражать мысли его носителей, служить средством их формулирования. Энтропия речи отражает степень предсказуемости слов или фраз в речевом потоке. Чем выше энтропия речи, тем больше разнообразие и неожиданность в выборе слов и конструкций, тем менее предсказуема речь. В речи энтропия возможна в результате непреднамеренных (ошибки) или преднамеренных (сленг, языки субкультур) отклонений от нормы. Кроме того, она является следствием влияния различных факторов: индивидуальных особенностей и эмоционального состояния говорящего, контекста общения, многозначности языка, внешних помех, культурных различий.

В XXI веке лингвистика текста ориентируется на количественные подходы, изучение диахронии, максимальное языковое разнообразие. Ценное приобретение рубежа XX–XXI веков – корпусы языков, хранилища текстов и инструменты, позволяющие изучать именно тексты, речь [12].

Любая речевая активность человека находит отражение в текстах (устных, письменных, аудио, видео, аудиовизуальных, локальных). *Текст*, одно из ключевых понятий гуманитарной культуры XX века, рассматривается нами как совокупность слов и предложений, организованных в логическую структуру с целью передачи информации или выражения идей и мыслей. Текст как последовательность осмыс-

ленных высказываний, передающих информацию и имеющих прагматическую установку, может быть представлен различными жанрами, стилями и форматами, выполнять множество функций [13, с. 67].

Множество текстов составляют *текстосферу* – единство синтаксически упорядоченных и фиксированных текстов, обладающих свойствами временной, локальной, ценностной, количественной и качественной интерпретируемости. В хронологической перспективе формирование текстосферы начинается с устных фольклорных текстов [14]. Текст является материальным носителем информации, а его содержание в рамках теории коммуникации часто определяется как контент. Любой текст представляет собой высшую коммуникативную единицу, организованную в соответствии с его коммуникативно-прагматической нормой. Нормы текстов объединяют правила их построения и использования в них языковых и неязыковых средств в определенной коммуникативной ситуации с целью достижения оптимального прагматического воздействия на адресатов [15]. Опираясь на работы В.З. Демьянкова, для анализа и нахождения нужных сведений мы применяем метод интерпретации как универсальный филологический способ толкования текста и свойство интерпретируемости как характеристику для изучения его безграничных возможностей [16].

Качественная интерпретируемость в нашем исследовании включает выявление в тексте: *определенного смысла*, отвечающего общепризнанным человеческим ценностям; *степени рассеивания смысла*, т. е. констатации сохранения текстом способности быть понятным не только для того, кто этот текст создал, но и для любого человека, который читает (изучает) данный текст/знакомится с ним.

Энтропия как степень рассеивания смысла может быть определена следующим образом:

это мера неопределенности или вариативности информации, которая часто используется для описания степени рассеивания или разброса смысла в сообщении или тексте. Чем выше энтропия, тем больше неопределенности или многозначности содержится в сообщении, что делает его менее предсказуемым или однозначным. В контексте лингвистики и перевода это может относиться к сложности интерпретации текста из-за множества возможных значений или толкований: язык с большим количеством синонимов для одного и того же понятия будет иметь более высокую энтропию, т. к. существует множество способов выразить одну и ту же идею. Энтропия также может относиться к неопределенности в интерпретации текста. Текст с высокой степенью многозначности или амфиболии¹ имеет более высокую энтропию.

При переводе текста с одного языка на другой возникает неопределенность из-за различий в культуре народов, структуре и семантике исходного и целевого языков. Эта неопределенность приводит к потере или искажению смысла. Энтропия в переводоведении может быть использована для оценки качества перевода. Перевод с низкой энтропией верно передает смысл исходного текста, в то время как перевод с высокой энтропией может содержать множество возможных интерпретаций или искажений.

Обоснование толкования *энтропии текста* как *меры рассеивания смысла* требует привлечения инструментария переводоведения, поскольку данная дисциплина изучает не только собственно процессы и результаты устного и письменного перевода, но и его психологические, социальные и идеологические факторы.

Использование текстосферы как базы исследования и перевода как инструмента для интерпретации смысла текста на исходном языке и создания нового, эквивалентного ему текста на другом, переводящем языке создают

¹Амфиболия – стилистическая ошибка, связанная с двусмысленностью или неоднозначностью высказывания из-за его грамматической структуры.

перспективу релевантного научного отражения *рассеивания смысла* (фр. *dissémination*), значимой характеристики текста и постмодернистского наблюдения за изменением ценностного отношения к предметам и явлениям путем *различания* (фр. *différance* – неологизм Ж. Деррида) множественных допущений прочтения текста [17].

Цель перевода, того процесса и явления, которые в отечественном переводоведении В.Н. Комиссаров называет видом языкового посредничества, Л.С. Бархударов – определенным видом трансформации, А.Д. Швейцер – двухфазным процессом межкультурной коммуникации, а А.В. Федоров – речевым произведением в соотношении с особенностями двух языков, – установление отношений эквивалентности между исходным и переводным текстами, в результате чего они несут в себе одинаковые смыслы исходя из культурных и узуальных особенностей языков, на которых создаются. Все, что связано с целью, задачами, закономерностями перевода, требованиями к компетентности переводчика, условиям его подготовки, в нашем исследовании остается неизменным, в отличие от расширения термина «перевод».

В теории перевода понятия адекватности и эквивалентности долгое время были ключевыми, но на современном этапе их недостаточность и слабые стороны стали более очевидными из-за *относительности понятий* (адекватность и эквивалентность относительны, их трудно определить абсолютно), *культурных различий, динамичности языка, ограниченности на уровне слова, творческой составляющей перевода, особенностей технических и специализированных текстов*. Необходимы более гибкие и интегративные подходы к переводу, учитывающие не только лингвистические, но и культурные, социолингвистические и другие аспекты коммуникации.

Следует отметить, что часто особенности переводимого языка предполагают абсолютную свободу в организации лексических единиц на синтагматической оси [19]. Прагматической целью перевода в этом случае следует считать реализацию различных приемов ре-

презентации прагматической функции текста на разных уровнях языка [20].

Процесс *перевода* в культурном пространстве принимает во внимание неизбежную и необратимую утрату (рассеивание, потерю) смысла ввиду временных и пространственных различий. Закономерная связь временных и пространственных координат, или хронотоп (др.-греч. χρόνος – *время* и τόπος – *место*), в работах А. Эйнштейна, Ж.А. Пуанкаре, А.А. Ухтомского, М.М. Бахтина открывает разновременность (гетерохронию) как условие возможной гармонии, поскольку увязка во времени, в скоростях, ритмах действия, сроках создания продуктов, реализации целей действия образует из пространственно разделенных групп функционально определенный «центр» (А.А. Ухтомский), но введение хронотопа в контекст человеческого восприятия создает не отвлеченные *центры*, но живые и неизгладимые события.

Преодоление энтропии исходного текста в языке перевода раскрывает потенциал активного участия переводчика в создании коммуникативно-актуального смысла конечного текста [21]. Закономерная связь временных и пространственных координат сохраняется в памяти человека, в истории в виде текстов, которые никогда не будут застывшими и неизменными. Поэтому каждое новое обращение к любому тексту будет являться его новым *прочтением*, и, соответственно, каждое новое *прочтение* равносильно *переводу* на язык нового времени и/или пространства. Будем называть каждое новое *прочтение* и осмысление на языке нового времени и/или пространства *хронотопным переводом*, который может разворачиваться по одному или нескольким сценариям:

1) для текстов в условных терминах и границах *одного языка* – оппозиции временной (речь XIX века – речь XXI века) и пространственной (крупные города – глубинка) удаленности, культурных различий (речь интеллигенции – речь среднего класса), субъязыковые оппозиции (речь врачей – речь веб-панков);

2) для текстов в условных терминах и границах *двух и более языков* – сценарии всех возможных языковых пар.

Среди основных факторов, влияющих на хронотопный перевод, необходимо различать контекст, основные ярусы и грамматические особенности языка и речи исходного и целевого текстов, традиции письменной и устной речи, семантические, стилистические или культурные потери в целевом тексте, культурно-исторические характеристики представленных выше оппозиций и сценариев.

Традиционно *речь* понимают как *процесс говорения*, именуя *речевой деятельностью* как собственно процесс, так и его результат² [21, с. 414]. По мнению В.К. Церлукевича, для осуществления речевой деятельности используется язык (инструмент), а ее результатом становится речь (продукт), но сама деятельность и ее продукт суть разные вещи [22]. Речемыслительная деятельность человека, выполняющего хронотопный перевод, будет детерминирована, с одной стороны, объективными характеристиками текста оригинала, возможностями языка перевода и освоенными переводчиком закономерностями и принципами перевода (положения традиционной теории перевода), а с другой – способностью и готовностью переводчика выходить за границы «заданного» и преодолевать энтропию исходного текста.

При переводе существуют так называемые *абсолютные потери*. Это случаи, когда невозможно подобрать приемлемый лексический эквивалент, когда экспликативный перевод или прием добавления не решают возникшую проблему. Если такие случаи возникают в художественном произведении, переводчик прибегает к *ultima ratio* – сноске. Классическим случаем энтропии, выявляемой по сценарию хронотопного перевода, можно считать переводы образцов мировой литературы, выполняемые на всех ведущих языках мира с регулярной частотностью. Далее приведены переводы первых двух

строк первой песни «Илиады» Гомера (Ὀμηρος, Ἰλιάς) на русский язык:

Оригинал (XI–VIII вв. до н. э.):

Ῥαψοδία Α

Μῆνιν ἄειδε, θεά, Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος οὐλομένην, ἣ μυρὶ Ἀχαιοῖς ἄλγε' ἔθηκε...

Перевод Н.И. Гнедича (1829):

Язва. Гнев

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал...

Перевод В.В. Вересаева (1940-е):

Песнь первая. Мор. Гнев

Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына, Гнев проклятый, страданий без счета принесший ахейцам...

Перевод А. Казанского (2017):

Песнь первая

Поминай Ахиллеса Пелида, слепая богиня; Гнев которого тысячи бедствий ахеянам нес!

Отметим в переводе лексемы ἣ Ῥαψοδία единодушные переводчиков, выбравших эквивалент *песнь*, но в каждом втором из приведенных примеров они добавляют заглавие, передающее содержание главы, сведенное до концептуальной метафоры: *Язва. Гнев / Мор. Гнев*.

Используя предложенный метод интерпретации как универсальный филологический способ истолкования и свойство интерпретируемости текста, мы констатируем, что в каждом примере определен смысл, соответствующий общечеловеческим ценностям; подбор иных лексических единиц и синтаксических конструкций и выбор разных стилистических решений переводчиками показывают изменение ценностного отношения к предметам и явлениям исходного текста.

Преодоление энтропии исходного текста в переводящем языке осуществляется различными трактовками и авторским вариантом предъявления конечного текста. В каждом случае мы отмечаем активное участие переводчика в создании коммуникативно-актуального смысла целевого текста. Рассмотрим далее ряд случаев энтропии, которая выявляется по сценарию хронотопного перевода текстов в условных терминах и границах *одного языка*.

²Арутюнова Н.Д. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Совет. энцикл., 1990. С. 414–416.

Так, в известных строках из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» читателю XXI века может потребоваться хронотопный перевод для следующих единиц: *бразды, кибитка, ямщик, облучок* и т. д.:

...Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке...

Следующий пример затрагивает этический вопрос. В 2011 году в России вышел новый перевод Библии на современный русский язык. Просвещенные люди России ждали прояснения «стершихся» смыслов, объяснения сложных мест, но, на наш взгляд, этот вариант перевода слишком упростил Библию, лишил ее одухотворенности:

Евангелие от Матфея 2:16

Синодальный перевод: Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался...

Новый перевод: Когда Ирод увидел, что звездочеты его провели, он пришел в ярость...

Бытие 25:27

Синодальный перевод: Дети выросли, и стал Исав человеком искусным в звероловстве, человеком полей; а Иаков человеком кротким, живущим в шатрах.

Новый перевод: Мальчики выросли. Исав стал ловким охотником, человеком полей, а Иаков – тихим домоседом.

Из приведенных примеров видно, что хронотопный перевод позволяет осуществить переход от исходного к целевому тексту с неизбежной потерей смысла, когда часть сообщения уже не может быть объяснена из-за отсутствия структурных, стилистических или металингвистических средств.

Философским обоснованием исследования явилась концепция деконструкции (разруше-

ния) и полисемии прочтения (множественности смыслов). Каждый вариант перевода отражает различные модели конструирования значений, создающие лингвистические и экстралингвистические проблемы, достижение прагматической цели перевода возможно посредством реализации приемов репрезентации прагматической функции текста на каждом языковом уровне.

Предложенные примеры показывают актуальность изучения энтропии текста и выявления особенностей и прагматического потенциала хронотопного перевода, т. к. каждое новое прочтение и осмысление любого текста на языке нового времени и/или пространства обусловлено соответствующими трактовками его природы: «Если мы не можем определить рассеивание в его концептуальном содержании, то только по причине значимости и объема утраты (потери) некоторого количества смысла, взламывающего семантический горизонт» (перевод Л.Е. Ильиной) [18, с. 76].

Проведенное исследование показывает, что энтропия текста как мера рассеивания смысла есть результат неизбежных семантических, стилистических или культурных потерь в целевом тексте, полученном в результате хронотопного перевода, который, в свою очередь, позволяет отметить изменения ценностного отношения к предметам и явлениям исходного текста. Дальнейшее изучение энтропии текста и использование инструментария для измерения рассеивания смысла будет представлено в наших последующих работах.

Список литературы

1. Orphal J. Rudolph Clausius (1822–1888) and His Concept of Mathematical Physics // Ann. Phys. 2022. Vol. 535, № 1. Art. № 2200065. DOI: [10.1002/andp.202200065](https://doi.org/10.1002/andp.202200065)
2. Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication // Bell Syst. Tech. J. 1948. Vol. 27, № 3. P. 379–423.
3. Arnheim R. Order and Complexity in Landscape Design // Arnheim R. Towards the Psychology of Art. Berkeley: University of California Press, 1966. P. 123–135.
4. Коротаев С.М. Энтропия и информация – универсальные естественно-научные понятия. URL: https://web.archive.org/web/20100405223141/http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/korotaev_entropia/korotaev_entropia.htm (дата обращения: 29.06.2023).

5. Шелестюк Е.В., Щетинкина Е.А. Стохастичность и энтропия в лингвистике // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2023. № 2(472). С. 150–165.
6. Шаров С.А., Ляшевская О.Н. Введение к частотному словарю современного русского языка // Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М.: Азбуковник, 2009. С. I–XXI.
7. Сагайдак А.Н., Стогний О.В. Энтропия языка и деградация общественного сознания // Ассоциация глубинной психологии «Теурунг»: [сайт]. URL: <https://teurung.org/jentropija-jazyka-i-degradacija-obshhestvennogo-soznaniya/> (дата обращения: 23.06.2023).
8. Некипелова И.М. Энтропия языковой системы как основной показатель ее развития // Соврем. исслед. соц. проблем. 2013. № 12(32). DOI: [10.12731/2218-7405-2013-12-4](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-12-4)
9. Keller R. Sprachwandel: Von der unsichtbaren Hand in der Sprache. Tübingen: Francke, 1990. 218 s.
10. Рогожников Т.М. Вербальные модели и ритмическая активность мозга // Вопр. психолингвистики. 2010. № 12. С. 48–56.
11. Narashimha Ramayya N. Linguistic Entropy in Othello of Shakespeare. New Delhi: M.D. Publications, 1994. 95 p.
12. Плунгян В.А. Лингвистика в XXI веке: проблемы, перспективы, точки роста // Слово.ру: балт. акцент. 2018. Т. 9, № 1. С. 7–12. DOI: [10.5922/2225-5346-2018-1-1](https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-1-1)
13. Гальперин И.Р. О понятии «текст» // Лингвистика текста: материалы науч. конф. М.: [б. и.], 1974. Т. 1. С. 67–72.
14. Ильина Л.Е. Особенности городских легенд, характеризующие их содержание, бытование и динамику изменений // Стратегии общей и частной теории текста. Оренбург: ОГУ, 2022. С. 66–108.
15. Таюпова О.И., Юсупова Л.Г. Лингвистические аспекты теории коммуникации // Вестн. Башкир. ун-та. 2014. Т. 19, № 2. С. 561–565.
16. Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопр. филологии. 1999. № 2(2). С. 5–13.
17. Derrida J. L'écriture et la différence. Paris: Seuil, 1967. 437 p.
18. Derrida J. De la grammatologie. Paris: Éditions de Minuit, 1967. 448 p.
19. Карпиди А.Г., Павловская О.Е. Проблемы перевода фразеологизмов с русского языка на английский, французский и немецкий // Преподаватель XXI век. 2021. № 4-2. С. 432–440. DOI: [10.31862/2073-9613-2021-4-432-440](https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-4-432-440)
20. Кретов А.В., Павловская О.Е. Ценностно-смысловое пространство перевода избранных мест октоиха, сделанного святителем Феофаном Затворником // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2019. № 1(232). С. 79–84.
21. Андриенко Т.П. Энтропия текста как предпосылка реализации стратегии перевода // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. 2017. № 1(100). С. 76–80.
22. Церлюкевич В.К. О языке, речи и речевой деятельности // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. 2009. № 3. С. 50–53.

References

1. Orphal J. Rudolph Clausius (1822–1888) and His Concept of Mathematical Physics. *Ann. Phys.*, 2022, vol. 535, no. 1. Art. no. 2200065. DOI: [10.1002/andp.202200065](https://doi.org/10.1002/andp.202200065)
2. Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication. *Bell Syst. Tech. J.*, 1948, vol. 27, no. 3, pp. 379–423.
3. Arnheim R. Order and Complexity in Landscape Design. Arnheim R. *Towards the Psychology of Art*. Berkeley, 1966, pp. 123–135.

4. Korotaev S.M. *Entropiya i informatsiya – universal'nye estestvenno-nauchnye ponyatiya* [Entropy and Information as Universal Concepts of Natural Science]. Available at: https://web.archive.org/web/20100405223141/http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/korotaev_entropia/korotaev_entropia.htm (accessed: 29 June 2023).
5. Shelestyuk E.V., Schetinkina E.A. Stochasticity and Entropy in Linguistics. *Bull. Chelyabinsk State Univ.*, 2023, no. 2, pp. 150–165 (in Russ.).
6. Sharov S.A., Lyashevskaya O.N. Vvedenie k chastotnomu slovaryu sovremennogo russkogo yazyka [Introduction to the Frequency Dictionary of the Modern Russian Language]. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language Based on Materials from the National Corpus of the Russian Language]. Moscow, 2009, pp. I–XXI.
7. Sagaydak A.N., Stogniy O.V. Entropiya yazyka i degradatsiya obshchestvennogo soznaniya [Entropy of Language and Degradation of Social Consciousness]. *Assotsiatsiya glubinnoy psikhologii "Teurung"* [Depth Psychology Association "Teurung"]. Available at: <https://teurung.org/jentropija-jazyka-i-degradacija-obshhestvennogo-soznaniya/> (accessed: 23 June 2023).
8. Nekipelova I.M. Entropiya yazykovoy sistemy kak osnovnoy pokazatel' ee razvitiya [Entropy of Language System as Main Development Indicator]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 2013, no. 12. DOI: [10.12731/2218-7405-2013-12-4](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-12-4)
9. Keller R. *Sprachwandel: Von der unsichtbaren Hand in der Sprache*. Tübingen, 1990. 218 p.
10. Rogozhnikova T.M. Verbal'nye modeli i ritmicheskaya aktivnost' mozga [Verbal Models and Rhythmic Brain Activity]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2010, no. 12, pp. 48–56.
11. Narashimha Ramayya N. *Linguistic Entropy in Othello of Shakespeare*. New Delhi, 1994. 95 p.
12. Plungyan V.A. Linguistics in the 21st Century: Problems, Prospects, and Growth Points. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 7–12 (in Russ.). DOI: [10.5922/2225-5346-2018-1-1](https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-1-1)
13. Gal'perin I.R. O ponyatii "tekst" [On the Notion of Text]. *Lingvistika teksta* [Text Linguistics]. Moscow, 1974. Vol. 1, pp. 67–72.
14. Il'ina L.E. Osobennosti gorodskikh legend, kharakterizuyushchie ikh sodержanie, bytovanie i dinamiku izmeneniy [Features of Urban Legends Characterizing Their Content, Existence and Dynamics of Change]. *Strategii obshchey i chastnoy teorii teksta* [Strategies of the General and Special Theories of Text]. Orenburg, 2022, pp. 66–108.
15. Tayupova O.I., Yusupova L.G. Lingvisticheskie aspekty teorii kommunikatsii [Linguistic Aspects of the Theory of Communication]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2014, vol. 19, no. 2, pp. 561–565.
16. Dem'yankov V.Z. Interpretatsiya kak instrument i kak ob'ekt lingvistiki [Interpretation as a Tool and as an Object of Linguistics]. *Voprosy filologii*, 1999, no. 2, pp. 5–13.
17. Derrida J. *L'écriture et la différence*. Paris, 1967. 437 p.
18. Derrida J. *De la grammatologie*. Paris, 1967. 448 p.
19. Karipidi A.G., Pavlovskaya O.E. Challenges of Translating Russian Phraseological Units into English, French and German. *Prepodavatel' XXI vek*, 2021, no. 4, pt. 2, pp. 432–440 (in Russ.). DOI: [10.31862/2073-9613-2021-4-432-440](https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-4-432-440)
20. Kretov A.V., Pavlovskaya O.E. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo perevoda izbrannykh mest oktoikha, sdellanogo svyatitelem Feofanom Zatvornikom [The Value-Semantic Space of the Translation of the Chosen Places of the Octoechos, Made by St. Theophan the Recluse]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, 2019, no. 1, pp. 79–84.
21. Andrienko T.P. Entropiya teksta kak predposylka realizatsii strategii perevoda [Text Entropy as a Prerequisite for Implementing Translation Strategies]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny*, 2017, no. 1, pp. 76–80.
22. Tserliukevich V.K. On Language, Speech and Speech Activity. *Vestnik BDU. Ser. 4: Filologiya. Zhurnalistyka. Pedagogika*, 2009, no. 3, pp. 50–53 (in Russ.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V308

Ol'ga E. Pavlovskaya

I.T. Trubilin Kuban State Agricultural University;
ul. Kalinina 13, Krasnodar, 350044, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3919-4792> e-mail: oepa@mail.ru

Larisa E. Il'ina

Orenburg Theological Seminary;
ul. Chelyuskintsev 17, Orenburg, 460014, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1765-8610> e-mail: nerol2620@mail.ru

TEXT ENTROPY AS DISPERSION OF MEANING

This article analyses the entropy of the language system in general and text entropy in particular. Based on the study of entropy in linguistics, the authors aim to substantiate the concept of text entropy and describe the process of chronotopic translation. Works viewing entropy as a measure of randomness, as a degree of disorder and as a measure of uncertainty were considered; an understanding of text entropy as a degree of dispersion of meaning is suggested. The scientific significance of the paper lies in turning to Jacques Derrida's works and substantiating that chronotopic translation is a transition from the source language to the target language with an inevitable loss of the communicative-situational meaning of the source text. Language entropy determines a language's ability to express the thoughts of native speakers, while speech entropy enables a person to achieve the cognitive goals of an utterance and can involve intentional and unintentional deviations from the norm. The authors believe that, today, a translation should not be evaluated from the point of view of adequacy and equivalence due to the relativity of these concepts. Based on the research of leading scientists and using text interpretability, the authors introduce the concept of chronotopic translation as a possible way to overcome the dispersion of meaning as well as analyse the conditions resulting in the loss of meaning when translating temporal and spatial layers of the source texts. The paper concludes that when doing chronotopic translation, it is necessary to take into account the general context, the main tiers and grammatical features of the language and speech of the source and target texts, the traditions of written and oral speech and the entropy of the target text, which, in its turn, is a result of inevitable semantic, stylistic or cultural losses in the target text caused by chronotopic translation.

Keywords: *language entropy, speech entropy, text entropy, dispersion of meaning, chronotopic translation.*

Поступила 09.07.2023
Принята 10.10.2023
Опубликована 25.12.2023

Received 9 July 2023
Accepted 10 October 2023
Published 25 December 2023

For citation: Pavlovskaya O.E., Il'ina L.E. Text Entropy as Dispersion of Meaning. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 77–86. DOI: 10.37482/2687-1505-V308

*АУЛА Екатерина Романовна, аспирант кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета (г. Череповец, Вологодская область). Автор 5 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8309-3518>

**ФЕНОМЕН ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(социально-философский анализ)**

В настоящее время растет популярность и значимость добровольческой деятельности среди различных групп населения. Поддержка этого движения осуществляется на многих уровнях государственного управления. Увеличение количества добровольческих практик как вида социальной активности свидетельствует о перспективном развитии гражданского общества. В статье автор размышляет о социально-философском значении современного добровольчества в России. Проанализированы различные трактовки, обозначены структурные подходы к пониманию феномена добровольческой деятельности в социально-гуманитарном знании; раскрыт смысл данного явления в ключе философской антропологии и педагогики. Многоаспектный характер добровольческой деятельности рассматривается с позиции развития педагогического, личностного, гуманистического и патриотического потенциала общества. Сделан вывод, что, с учетом локальной специфики изучения заявленной темы, добровольчество чаще всего воспринимается как форма благотворительности и социального участия. В России оно основывается в большей степени на традиционных ценностях – альтруизме, милосердии, сочувствии, добре и нравственности. В качестве ключевых направлений современного добровольчества определены организованные и неорганизованные формы деятельности, различные его отраслевые и возрастные разновидности. Все эти практики имеют свои особенности. Сделан вывод о том, что современное добровольчество может служить импульсом для развития гражданского общества и сплочения населения. Автором обозначены отличительные исторические характеристики отечественного добровольчества, наиболее значимые из которых связаны с исконным пониманием добродетели в национальной православной культуре, коллективностью многих жизненных практик, самопожертвованием, состраданием и гуманностью.

Ключевые слова: добровольчество, волонтерство, благотворительность, добродетель, гражданское участие, социальное участие.

*Адрес: 162600, Вологодская обл., г. Череповец, просп. Луначарского, д. 5; e-mail: eraula@chsu.ru

Для цитирования: Аула Е.Р. Феномен добровольчества в современном российском обществе (социально-философский анализ) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 87–94. DOI: 10.37482/2687-1505-V301

Добровольчество – это бескорыстная деятельность, направленная на решение социальных, культурных, экономических, политических, образовательных, воспитательных, экологических проблем в обществе. Интерес к данному феномену со стороны представителей различных отраслей знания, в т. ч. в рамках социальной философии, растет, что обусловлено повышением роли альтруистического труда в обеспечении устойчивого развития общества.

Цель статьи заключается в философском анализе добровольчества в контексте изменений, происходящих в современном российском государстве. Для достижения заявленной цели были поставлены следующие задачи: определить основные теоретические трактовки добровольчества в отечественной литературе; выявить распространенные практики добровольчества; отследить пути его становления и обнаружить проблемные места. В исследовании использованы такие научные методы, как синтез, индукция, классификационный анализ, междисциплинарный метод социологии и философии, а также теоретические методы исследования социальной реальности в рамках трансцендентального реализма [1].

Актуальность работы обусловлена ростом числа добровольческих практик, их внедрением в различные сферы жизни, в т. ч. в российское образование и некоммерческий сектор. Добровольчество способно поддерживать стабильность в период постоянных реформ, санкций и социальной рефлексии относительно нового, уникального пути общественного развития. Сегодня наблюдается повышенное внимание к данному социальному институту со стороны государства.

Для успешной реализации решений правительства, приращения базы добровольческого движения необходимо понимать, на каком этапе развития в настоящий момент находится добровольчество, какими особенностями оно обладает, какие проблемы встречаются на пути его становления в ключе социально-философского знания. Вопросами изучения специфики современного добровольчества занимаются

А.А. Василенкова, Н.И. Горлова, А.Г. Давыденкова, Л.А. Кудринская, Е.А. Луговая, И.В. Мерсиянова, Т.А. Садчикова, В.А. Сушко, М.В. Певная, Ю.В. Шошина, А.А. Пирогов, О.С. Хлякин, Е.В. Кудряшова, С.Э. Сорокин, И.В. Алферова и др.

В России понятия «доброволец» и «волонтер» рассматриваются как синонимы и с юридической точки зрения равнозначны. В данной работе отдается предпочтение термину «добровольчество», более привычному для русского языка и более точно передающему сущность философского значения этого общественного движения.

В отечественной научной литературе можно встретить различные трактовки понятия добровольчества, многообразие которых обусловлено междисциплинарным полем исследования искомого социального феномена. В современном социально-гуманитарном знании выделяются следующие структурные подходы к пониманию добровольчества: социально-гуманитарный, социально-педагогический, философско-антропологический.

Проблема добровольчества широко раскрыта в аспектах социально-философского и социологического знания. Однако теории добровольчества в современном социально-философском знании, по нашему мнению, уделено недостаточно внимания, т. к. большинство исследователей рассматривают добровольчество в контексте благотворительности. Тем не менее стоит отметить общие ценности и те социальные эффекты, которые лежат в основе этих двух практик.

Так, например, отечественный философ О.С. Хлякин рассматривает добровольчество как одну из форм благотворительности, в которой проявляется практически-деятельностный аспект гуманизма. Данное понятие можно трактовать как фиксацию социального действия по реализации общественных либо частных усилий, добровольно и безвозмездно направленных на оказание помощи и поддержки нуждающимся, а также решение общественных проблем [2].

А.А. Пирогов в добровольчестве видит деятельность, нацеленную на изменение социального устройства и помощь в осуществлении государственной социальной политики, философские и духовные основания которой лежат в национальной и православной мысли [3]. Добровольчество является всегда двусторонним процессом, важным не только для благополучателя, но и для самого благотворителя, т. к. помогает выйти за рамки своей экзистенции к трансцендентному [3].

А.А. Василенкова, А.Г. Давыденкова, Ю.В. Шопина рассматривают добровольчество как социальное движение, в основе которого лежит философия альтруизма, справедливости, солидарности, взаимной помощи и поддержки. Авторы подчеркивают альтруистическую направленность, которая выступает главным побудительным мотивом. Несмотря на многообразие форм современного добровольчества, все они соответствуют социальной концепции Русской православной церкви и служат ответом на духовные устремления граждан, в первую очередь молодежи [4].

По мнению Е.А. Луговой, добровольчество является одной из форм благотворительности и достижения социально значимых целей, осуществляемую без принуждения и оказывающую социализирующее влияние на субъект такой деятельности. К ценностям, лежащим в основе этого вида деятельности в социокультурном поле России, философ относит альтруизм, добро, свободу и бескорыстие [5]. Отечественные исследователи в области гражданского общества И.В. Мерсиянова и Л.И. Якобсон также рассматривают данный социальный феномен главным образом как одну из форм благотворительности и определяют ее как общественно полезную работу, выполняемую без принуждения и вознаграждения. Для них одним из важных признаков добровольчества, является то, что добрые дела адресованы людям, не состоящим в родстве с субъектами помощи [6]. По мнению В.А. Сушко, добровольчество традиционно определяется как форма гражданского участия,

которая обычно осуществляется без принуждения на благо широкой общественности без расчета на денежное вознаграждение [7].

Таким образом, в социально-философском аспекте современное добровольчество в России понимается как деятельность, направленная на оказание помощи нуждающимся и основанная на самобытности нашего народа, его традициях и ценностях (альтруизме, милосердии, сострадании, искренности и т. д.), служащая импульсом для форм институализации гражданского общества, связанных со сплочением населения.

Добровольчество также анализируется как социально-педагогический феномен. Т.А. Садчикова рассматривает его через призму педагогического потенциала и определяет как вид социально важной деятельности, которая формирует гражданскую ответственность [8]. Для Л.Е. Сикорской волонтерство проявляется в реализации воспитательной, образовательной, развивающей функций. Добровольчество способствует формированию человека как всесторонне развитой, ответственной, нравственной личности [9]. Е.В. Акимова рассматривает данный социальный институт с позиции взаимодействия добровольцев с подрастающим поколением, нуждающимся в комплексной помощи при решении проблем становления и саморазвития личности [10].

Добровольчество может являться философско-антропологической темой исследования. Л.А. Кудринская видит в нем преимущественно альтруистическую свободную деятельность граждан, направленную на благодеяние, решение социальных проблем и развитие сообщества [11]. В.П. Майкова, О.А. Данилова характеризуют добровольчество как деятельность, которой «имманентно присуще формирование личности в целостности творческого, эмоционального, физического, эстетического, интеллектуального и гуманистического аспектов» [12, с. 104]. Оно формирует особое мировоззрение, основанное на милосердии, достижении личностного роста через призму общественных целей, социальной лояльности и заботы о других. Как отмечают авторы, в условиях

постоянно меняющегося общества добровольчество позволяет развить духовно-нравственные качества личности, которые проявляются в более глубоком осознании существующих моральных принципов в обществе.

На основании рассмотренных теорий необходимо сделать вывод о том, что добровольчество представляет собой социально-философский феномен, имеющий социально-педагогическое и социально-антропологическое влияние на большинство сфер жизнедеятельности современного общества и определяющий морально-нравственный вектор его развития. Анализ отечественных трактовок данного явления показывает, что его смысл может заключаться не только в пользе для общества и конкретных благополучателей, но и в сопутствующем нематериальном благе для самих добровольцев – педагогическом, воспитательном и профессиональном опыте.

Проанализировав основные подходы к понятию добровольчества, обозначим социально-философскую суть альтруистических практик в современной России. Безусловно, история добровольчества в нашей стране уходит корнями в далекие традиции взаимной помощи, бытовавшие как в сельской общине, так и в условиях городской жизни имперского периода. Самоотверженный труд советских граждан в XX веке также пронизан примерами данных практик. Текущую ситуацию раскроем, опираясь на труды Н.И. Горловой, соглашаясь с ней, что точкой отсчета современного этапа развития добровольчества является вторая половина 80-х годов XX века – период перестройки и гласности, которые сделали возможным появление негосударственных объединений для решения назревших социальных проблем [13]. Добровольческие организации в 1990-х перенимали опыт зарубежных коллег, что среди прочего стало «причиной отсутствия у добровольческого общественного движения какой-либо связи с российскими историческими корнями,

традициями» [13, с. 198]. Однако стоит отметить, что основой менталитета нашего народа во все исторические периоды были гуманистическое начало, общинность, стремление к взаимной поддержке и состраданию. Формальные признаки организационного характера добровольческого движения в Российской Федерации обрело постепенно, с опытом активной общественной деятельности. Популяризация данного феномена в том формате, который мы видим сейчас, начинается после 2010 года, когда при подготовке к проведению Олимпиады в Сочи в 2014 году структуры добровольчества начали приобретать межрегиональный характер.

Феномен добровольчества на нормативно-понятийном и классификационном уровнях выглядит следующим образом. Согласно законодательству современной России, волонтерство – это «добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг...»¹, которая может носить как индивидуальный, так и групповой характер, а также развиваться в составе организаций. Данная классификация не дает должного представления о всем многообразии форм добровольческой деятельности, поэтому проанализируем авторские подходы к определению ее видов.

Опираясь на типологию И.В. Мерсияновой, можно выделить два вида добровольчества: формальное и неформальное. Первое подразумевает деятельность, осуществляемую в составе определенных юридических лиц: некоммерческих организаций, различных фондов, вузов, штабов на предприятиях и проч. Второе представляет собой индивидуальную активность личности [14]. Добровольчество может быть организованным и неорганизованным, где последнее – это спонтанная и эпизодическая помощь друзьям или соседям [15]. Организованное волонтерство обычно осуществляется в некоммерческом, государственном и частном секторах, а также реализуется более

¹О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): федер. закон РФ от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ (в ред. 18.12.2018 г.) // Собр. законодательства РФ. 1995. № 33, 14 авг. Ст. 3340.

систематично и регулярно, что свидетельствует о зрелости гражданского общества. Организации, как правило, оказывают постоянную поддержку своим членам-добровольцам, проводят тренинги, обучение, снижая фактор эмоционального выгорания, что, безусловно, является положительным моментом. С другой стороны, недостатки такой социальной активности состоят в том, что организованные или формальные участники не иницируют практики самостоятельно, а следуют внешнему заказу. Излишняя формализация ставит вопрос об искренности помощи, т. к. при осуществлении добровольческой деятельности через организации их участники зачастую либо пытаются достичь личных эгоистичных целей, либо совершают поступки под принуждением или в расчете на определенные поощрения (например, студенты – на дополнительные баллы).

Н.И. Горлова классифицирует добровольцев, принимая во внимание возрастные границы субъектов безвозмездного труда, и выделяет: детское и подростковое, юношеское, молодежное, волонтерство взрослых и волонтерство граждан пожилого возраста [13]. Все указанные типы субъектов добровольческого труда влияют на передачу соответствующего опыта. Главными агентами воспитания для детей наряду с семьей являются дошкольные образовательные учреждения и школы. Добровольческая деятельность в дошкольном возрасте носит ознакомительный характер и реализуется с целью вовлечения в нее в будущем. Большое значение в системе воспитания подрастающего поколения приобретает добровольчество среди школьников. Оно служит важным механизмом формирования гражданской активности, патриотического мировоззрения, ответственности.

В рамках молодежного добровольчества самое масштабное – это студенческое волонтерство. Одной из новых практик организации данного движения в современной России является создание центров на базе вузов, в которых социально значимая помощь осуществляется системно и организовано.

Еще одна классификация видов добровольчества связана с разными направлениями деятельности. Различают следующие отраслевые практики: социальное, событийное, экологическое, патриотическое, медицинское волонтерство, донорство, добровольчество общественной безопасности и в чрезвычайных ситуациях, а также поисково-спасательное добровольчество. Помимо вышеперечисленных появляются и новые виды: корпоративное, представляющее добровольческую деятельность коллектива одной организации; добровольчество в сфере медиа, ставящее своей целью распространение информации о различных некоммерческих организациях и обычных людях, которые несут идеи добра; интеллектуальное, понимаемое как безвозмездное оказание профессиональных услуг (например, юридических) благотворительным или другим некоммерческим организациям, а также всему населению; цифровое, оказывающее услуги и ведущее просветительскую работу в области современных информационных технологий. Отметим, что многие из перечисленных видов добровольчества лишь условно можно отделить друг от друга, что позволяет говорить о нерешенности проблемы классификации.

Особенно актуальным в современной России с 2020 года является такое направление, как «кризисное» добровольчество. Под ним понимается работа в условиях потрясений, которые вносят значительные изменения в привычный уклад жизни всего общества. С момента распространения коронавирусной инфекции и до недавнего времени численность населения, нуждающегося в адресной помощи, быстро увеличивалась. Добровольцы по всей России в непростое время были задействованы на разных направлениях: на горячей линии психологической поддержки, в здравоохранении (работа в поликлиниках), социальной помощи (покупка продуктов и лекарств, решение бытовых вопросов) и т. п. Также серьезный подъем национальной добровольческой активности наблюдается с момента начала специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 года.

Социальными эффектами добровольчества, по нашему мнению, являются такие значимые результаты жизни общества, как формирование особого мировоззрения, основанного на социальной защите и справедливости, достижение личностного роста через общественные цели и общее благо, а также реализация конкретных действий. За последние несколько лет люди разных возрастов сплотились в решении общих проблем, вновь почувствовали братское плечо и обрели уверенность друг в друге. Произошло усиление социальной лояльности, что выражается в многочисленных примерах заботы о других в трудные моменты жизни. Данные проявления добровольческой деятельности оказывают большое влияние на современное российское общество, помогая справляться с нестандартными социальными вызовами современности (антироссийские санкции, пандемия, СВО, посткризисные синдромы).

Подводя итог философского анализа феномена добровольчества в современном российском социуме, отметим, что оно становится неотъемлемой частью общества, ресурсом развития человеческого потенциала, механизмом формирования патриотизма, гуманизма и гражданского участия. Добровольческие практики во всем многообразии форм и видов находят всестороннюю поддержку государства в виде поощрений добровольцев, организации

волонтерских центров на базе университетов, проведении конкурсов для добровольцев и благополучателей, а также в возможностях разработки проектов для получения грантов и т. д. В условиях непроходящих вызовов, сопровождающих человечество в наши дни, добровольческое движение оказывает поддержку, реализуя те функции, которые государство не могло бы выполнить в полном объеме ввиду колоссального количества текущих забот. Поэтому роль «помощников» от общества выполняют неравнодушные и ответственные граждане – добровольцы. При развитии данного социального института следует учитывать специфику нашего народа, его самобытность и идентичность, многовековое обращение к религиозным традициям: филантропии, альтруизму, милосердию, сопереживанию и состраданию в адрес любого нуждающегося в помощи. В создании собственной модели добровольчества следует соблюдать баланс между заимствованием лучших практик западных форм волонтерской работы и нашими традициями, связанными с историческими особенностями российской добродетели (искренняя помощь, меценатство и благотворительность), отдавая предпочтение последним для того, чтобы не превратить институт добровольчества в механизм получения льгот, выгод, трудового стажа и общественного признания.

Список литературы

1. Бурбулис Ю.В. «Онтологический поворот» в современной социальной теории: теоретико-методологические предпосылки // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Обществ. науки. 2015. № 4. С. 53–65.
2. Хлякин О.С. Благотворительность как общественное явление: социально-философские аспекты: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2014. 129 с.
3. Пирогов А.А. Социально-философский анализ воздействия благотворительности на формирование пенитенциарной системы: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2021. 392 с.
4. Шошина Ю.В., Давыденкова А.Г., Василенкова А.А. Социально-философский смысл волонтерства: мировоззренческий и практический аспекты // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10, № 3А. С. 244–252.
5. Луговая Е.А. Феномен добровольчества в социокультурном пространстве России: дис. ... канд. культурологии. Саратов, 2012. 206 с.
6. Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики, 2010. 419 с.

7. Сушко В.А. Проявление волонтерства в современном российском обществе // Теория и практика обществ. развития. 2017. № 11. С. 43–46. DOI: [10.24158/tipor.2017.11.8](https://doi.org/10.24158/tipor.2017.11.8)
8. Садчикова Т.А. Формирование гражданской ответственности старшеклассников в процессе волонтерской деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2009. 227 с.
9. Сикорская Л.Е. Волонтерство как форма трудового воспитания студенческой молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 163–168.
10. Акимова Е.В. Педагогическое волонтерство в деятельности детско-молодежных объединений: дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2006. 177 с.
11. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: масштабы, потенциал и факторы развития // Петерб. социология сегодня. 2015. № 6. С. 300–332.
12. Майкова В.П., Данилова О.А. Волонтерство как фактор духовно-нравственного развития личности // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Филос. науки. 2022. № 2. С. 100–107. DOI: [10.18384/2310-7227-2022-2-100-107](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2022-2-100-107)
13. Горлова Н.И. Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. М.: Рос. науч.-исслед. ин-т культ. и природ. наследия им. Д.С. Лихачева, 2019. 288 с.
14. Мерсиянова И.В. Факторы вовлеченности россиян в добровольческую деятельность // Гражд. о-во в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 39–45.
15. Холина О.И. Волонтерство как социальный феномен современного российского общества // Теория и практика обществ. развития. 2011. № 8. С. 71–73.

References

1. Burbulis Yu.V. “Ontologicheskii povorot” v sovremennoy sotsial’noy teorii: teoretiko-metodologicheskie predposylki [“Ontological Turn” in Contemporary Social Theory: Theoretical and Methodological Premises]. *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennye nauki*, 2015, no. 4, pp. 53–65.
2. Khlyakin O.S. *Blagotvoritel’nost’ kak obshchestvennoe yavlenie: sotsial’no-filosofskie aspekty* [Charity as a Social Phenomenon: Socio-Philosophical Aspects: Diss.]. Krasnoyarsk, 2014. 129 p.
3. Pirogov A.A. *Sotsial’no-filosofskiy analiz vozdeystviya blagotvoritel’nosti na formirovaniye penitentsiarnoy sistemy* [Social and Philosophical Analysis of the Effect of Charity on the Formation of the Penitentiary System: Diss.]. St. Petersburg, 2021. 392 p.
4. Shoshina Yu.V., Davydenkova A.G., Vasilenkova A.A. Sotsial’no-filosofskiy smysl volonterstva: mirovozzrencheskiy i prakticheskiy aspekty [Social and Philosophical Meaning of Volunteerism: Ideological and Practical Aspects]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 2021, vol. 10, no. 3A, pp. 244–252.
5. Lugovaya E.A. *Fenomen dobrovol’chestva v sotsiokul’turnom prostranstve Rossii* [The Phenomenon of Volunteering in the Sociocultural Space of Russia: Diss.]. Saratov, 2012. 206 p.
6. Mersiyanova I.V., Yakobson L.I. (eds.). *Potentsial i puti razvitiya filantropii v Rossii* [Potential and Ways of Development of Philanthropy in Russia]. Moscow, 2010. 419 p.
7. Sushko V.A. Proyavlenie volonterstva v sovremennom rossiyskom obshchestve [Volunteering in the Modern Russian Society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2017, no. 11, pp. 43–46. DOI: [10.24158/tipor.2017.11.8](https://doi.org/10.24158/tipor.2017.11.8)
8. Sadchikova T.A. *Formirovaniye grazhdanskoy otvetstvennosti starshklassnikov v protsesse volonterstvoy deyatel’nosti* [Formation of Civic Responsibility in Senior Pupils in the Process of Volunteering: Diss.]. Tambov, 2009. 227 p.
9. Sikorskaya L.E. Volonterstvo kak forma trudovogo vospitaniya studencheskoy molodezhi [Volunteer’s Activity as a Form of Work Education of Student Youth]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2009, no. 1, pp. 163–168.
10. Akimova E.V. *Pedagogicheskoe volonterstvo v deyatel’nosti detsko-molodezhnykh ob’edineniy* [Teacher Volunteerism in Children’s and Youth Associations: Diss.]. Ryazan, 2006. 177 p.
11. Kudrinskaya L.A. Dobrovol’cheskiy trud: masshtaby, potentsial i faktory razvitiya [Voluntary Work: Scales, Potential and Factors of Development]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*, 2015, no. 6, pp. 300–332.
12. Maikova V.P., Danilova O.A. Volunteering as a Factor of Spiritual and Moral Development of a Person. *Bull. MSRU Ser. Philos.*, 2022, no. 2, pp. 100–107 (in Russ.). DOI: [10.18384/2310-7227-2022-2-100-107](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2022-2-100-107)
13. Gorlova N.I. *Stanovlenie i razvitie instituta volonterstva v Rossii: istoriya i sovremennost’* [Establishment and Development of the Institution of Volunteering in Russia: History and Modernity]. Moscow, 2019. 288 p.

14. Mersiyanova I.V. Faktory вовлечennosti rossiyan v dobrovol'cheskuyu deyatel'nost' [Factors of Russians' Involvement in Volunteer Activities]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*, 2011, no. 2, pp. 39–45.

15. Kholina O.I. Volonterstvo kak sotsial'nyy fenomen sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Volunteering as Social Phenomenon of Modern Russian Society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2011, no. 8, pp. 71–73.

DOI: 10.37482/2687-1505-V301

Ekaterina R. Aula

Cherepovets State University;
prosp. Lunacharskogo 5, Cherepovets, 162600, Vologodskaya obl., Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8309-3518> e-mail: eraula@chsu.ru

VOLUNTEERISM IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY (Socio-Philosophical Analysis)

Volunteerism is now growing in popularity and importance among various population groups and is supported at many levels of government. The increase in the number of volunteer practices as a type of social activity indicates a promising development of civil society. In this article, the author reflects on the socio-philosophical significance of modern volunteerism in today's Russia. The paper analyses various interpretations of volunteering and outlines structural approaches to understanding this phenomenon in social and humanitarian knowledge. The meaning of volunteerism in terms of philosophical anthropology and pedagogy is discussed. The multidimensional nature of volunteering is considered here from the point of view of developing the pedagogical, personal, humanistic and patriotic potential of society. It is pointed out that in Russia volunteerism is generally perceived as a form of charity and social engagement, being mostly based on traditional values such as altruism, mercy, sympathy, kindness and morality. The key areas of modern volunteering include organized and unorganized forms of activity with its numerous sectoral and age-specific varieties, having their characteristic features. The article concludes that volunteerism can provide an impetus for developing civil society and uniting the people. In addition, the author outlines the distinctive historical characteristics of Russian volunteerism, the most important originating in the traditional understanding of virtue in national Orthodox culture and in the collectiveness of many life practices as well as in self-sacrifice, compassion and humanity.

Keywords: *volunteerism, volunteering, charity, virtue, civic participation, social engagement.*

Поступила 13.05.2023
Принята 10.10.2023
Опубликована 25.12.2023

Received 13 May 2023
Accepted 10 October 2023
Published 25 December 2023

For citation: Aula E.R. Volunteerism in Contemporary Russian Society (Socio-Philosophical Analysis). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 87–94. DOI: 10.37482/2687-1505-V301

УДК 130.3:124.5

DOI: 10.37482/2687-1505-V312

МАХАМАТОВ Таир Махаматович, доктор философских наук, профессор, профессор Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва). Автор 186 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>

МАМАТОВ Мамаджан Ахмаджанович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Философия» Ферганского государственного университета (Республика Узбекистан). Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. 7 монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5604-9749>

ДИАЛЕКТИКА ОСВОЕНИЯ ПОДРАСТАЮЩИМ ПОКОЛЕНИЕМ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ НЕОГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются основные факторы и этапы освоения ребенком традиционных ценностей семьи и общества. Главная задача исследования заключается в подтверждении тезиса, что фундамент, полнота, качество восприятия и усвоения подрастающим поколением традиционных ценностей первоначально определяются господствующими в семье духовными и материальными ценностями, культурой и психологией отношения взрослых к детям. Как известно, российские и узбекские семьи не однородны, что обусловлено принадлежностью к той или иной социальной страте, классу, т. к. каждая семья находится под влиянием динамики бытия не только общества, но и конкретной страны. Авторы доказывают, что ценностный мир ребенка формируется под влиянием рождающейся в его душе экзистенции, определяемой остротой противоречий процесса социализации, и для лучшего усвоения позитивных ценностей необходимо смягчить ее. В решении этой задачи большую роль играют педагогические качества родителей, бабушек и дедушек, их умение устанавливать доверительные отношения, посредством которых, согласно К. Юнгу, старшие смогут мягко, ненавязчиво заслужить уважение, восхищение и любовь ребенка. Попытки родителей добиться авторитета путем одаривания, денежного обеспечения только изуродуют его духовный мир. По итогам исследования можно сделать вывод, что важным фактором формирования ценностного мира ребенка, превращения его в достойную личность являются приучение к труду, дисциплине, самостоятельности и ответственности, привитие честности на примере его близких родственников. Авторы придерживаются позиций К. Юнга и Л.С. Выготского, согласно которым школу – следующий этап социализации – следует рассматривать не только как образовательный институт, но и как логичное продолжение процесса освоения традиционных ценностей. Утверждается также идея о необходимости создания для молодых родителей школы, где они будут обучаться культуре семейной жизни и психологии воспитания детей.

Ключевые слова: ценностный мир ребенка, Л.С. Выготский, К. Юнг, воспитание, традиционные ценности, экзистенция, эгоизм, стабильность общества.

*Адрес: 125167, Москва, Ленинградский просп., д. 49/2; e-mail: makhamatov.tair@mail.ru

**Адрес: 150100, Республика Узбекистан, г. Фергана, ул. Мураббийлар, д. 19; e-mail: mmamadjan@mail.ru

Для цитирования: Махаматов Т.М., Маматов М.А. Диалектика освоения подрастающим поколением традиционных ценностей в условиях неоглобализации // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 95–104. DOI: 10.37482/2687-1505-V312

Введение

Напряженный процесс объективно-исторического перехода от однополярной прозападной модели глобализации к неоглобализации, суть которой заключается в многополярности мироустройства и господстве международного права [1], порождает проблемы во всех сферах жизнедеятельности современного человечества западной и восточной миросистем [2]. «Расцветают» и агрессивно раскручиваемые в западных средствах массовой информации «политкорректность», трансгендерность, ЛГБТ-сообщества, однополые браки, иррационализм, симбиоз неоллиберализма с постмодернизмом в образе жизни и духовно-нравственной сфере дестабилизируют основы общественного бытия прежде всего самого западного мира [3]. Пертурбации не только в гендерной, но и в других сферах жизнедеятельности Запада расшатывают такие традиционные ценности нормальных цивилизованных обществ, как семья в форме союза мужчины и женщины, традиционные религии, бережное и уважительное отношение к своему языку и языкам других народов, объективная история, классическое искусство, свобода слова, отрицание любых форм ксенофобии и др.

Сложившаяся ситуация требует осмысления проблем формирования и эффективной защиты менталитета подрастающего поколения от влияния западных тенденций, подчеркивает необходимость разработки системы *понятийного* освоения, защиты традиционных ценностей и превращения их в основу образа жизни граждан Российской Федерации и Республики Узбекистан. В этом заключается ценность и одна из главных причин издания указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и постановления Президента Республики Узбекистан от 26 марта 2021 года № ПП-5040 «О мерах по коренному совершенствованию системы духовно-просветительской работы».

Действительно, стабильность наших обществ и их будущее во многом определяются

осмысленным освоением подрастающим поколением исторически сложившихся традиционных духовно-нравственных ценностей своих народов, проявляющихся в их образе жизни. Данный процесс осуществляется через призму острой информационно-идеологической борьбы между Западом и остальным миром, изменяющегося общественного бытия и объективных противоречий между молодым и старшим поколениями.

Диалектика, т. е. противоречивость, передачи традиционных ценностей подрастающему поколению и освоения им этих ценностей в условиях перехода от однополярной глобализации к многополярной неоглобализации является предметом представленного исследования. Оно включает в себя анализ процесса освоения традиционных духовно-нравственных и цивилизационных ценностей своего народа ребенком в семье и начальной школе. Исследование проводится на основе вышеупомянутых указа Президента Российской Федерации и постановления Президента Республики Узбекистан, а также опирается на выводы классиков, современных отечественных и зарубежных представителей философии, психологии, педагогики и художественной литературы. В ходе работы были использованы сравнительный анализ, а также диалектико-системный и генетический подходы, позволяющие проследить проблемы генезиса формирования ценностного мира подрастающего поколения.

Генезис и сущность традиционных ценностей

Господство так называемых новых ценностей сторонников однополярной глобализации на Западе уже приводит, как отмечает Э. Мартин, к «победе над человеческими добродетелями, когда через преодоление границ добра и зла субъект становится способным творить собственные ценностные ориентиры, лишённые онтологической устремленности» [4, с. 74]. Однако под «соусом» демократизации западный мир навязывает свои «ценности» странам, где главенствуют обеспечивающие их стабильность и устойчивость традиционные

ценности. Такой негативный и изоциренный натиск западного мира на общества, опирающиеся на веками выработанные общечеловеческие ценности, позволяет сделать вывод, что в подобных условиях освоение подрастающим поколением традиционных ценностей своих народов не может происходить стихийно, но требует от общества системного, научно обоснованного подхода к данной проблеме. Иначе в скором времени в наших странах появятся ЛГБТ-сообщества, трансгендеры и иные деструктивные явления, искажающие природу человека, что порождает экзистенциальную проблему для наших обществ. Публицист и писатель В. Маслов на основе своих исследований проблемы изменения пола в России утверждает, что в нашей стране «создана инфраструктура для разрастания трансгендерной эпидемии... Если ничего не делать, то у нас будет все как на Западе»¹. Действительно, реально существует опасность проникновения западных «ценностей» в другие страны; если не бороться против пропаганды и теоретико-философских концепций трансгендерности, трансгуманизма, наше подрастающее поколение от 12 до 20 лет вскоре заразится нигилистическим отношением к традиционной семье, православию, исламу, буддизму, исторической памяти своих предков, родному языку, своей родине и т. п. [5–7].

Исторически сложившиеся традиционные ценности российского и узбекистанского обществ составляют, как отмечается в указе Президента Российской Федерации и постановлении Президента Республики Узбекистан, сущностную особенность цивилизационных достижений наших народов. Эти ценности сформировались и развиваются под влиянием духовно-нравственной культуры проживающих в России и Узбекистане национальностей, этнических, религиозных общностей. Он обрвался и развивается на основе соборной

ментальности, коллективистского образа жизни, уважительного отношения к религиозным верованиям проживающих на одной территории наций и этнических групп, сильного характера, многовековой гуманистической и интернациональной культуры титульных наций – русских и узбеков. Сегодня традиционные духовно-нравственные ценности определяют идентичность российского и узбекского народов в целом и каждого гражданина в отдельности и лежат в основе социально-политической стабильности и устойчивости наших стран. В вышеуказанных документах эти ценности справедливо определяются как *основы стабильности и устойчивости* обществ двух государств, как духовно-нравственная сила в деле защиты и укрепления суверенитета, в обеспечении единства всех национальностей, этнических и религиозных общностей.

Семья – исходный этап передачи традиционных ценностей ребенку

С античных времен философы утверждали, что в основе стабильности государства лежит сохранение традиционных ценностей общества, к которым эти институты должны формировать в детях почтительное и уважительное отношение. Впервые Платон в произведении «Государство» отмечал важность воспитания гражданина с «юного нежного» возраста в семье. В те времена мифы были своего рода учебниками истории и нравственности. Он писал: «Разве можем мы так легко допустить, чтобы дети слушали и воспринимали душой какие попало мифы, выдуманные кем попало и большей частью противоречащие тем мнениям, которые, как мы считаем, должны быть у них, когда они повзрослеют?» [8, с. 140]. Говоря о том, что у стражников должны быть общие жены из числа женщин-стражников, Платон не имеет ввиду беспорядочное совокупление, что противоречило бы традиционному образу жизни древних греков.

¹Маслов В. В России создана инфраструктура для разрастания трансгендерной эпидемии // AfterShock: каким будет завтра: [информ. портал]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/1207631&full> (дата обращения: 13.09.2023).

Он говорит, что «было бы нечестиво допустить беспорядочное совокупление или какие-нибудь такие дела, да и правители не позволят» [8, с. 234]. Здесь он рассуждает о браке лучших мужчин-стражников с лучшими женщинами-стражницами и худших с худшими, что также определяется правителями [8, с. 235].

Эти рассуждения великого афинского мыслителя до сих пор сохраняют актуальность, особенно когда информационное пространство переполнено разными неолиберальными концепциями наподобие трансгуманизма, направленными на принижение традиционных ценностей нашего общества и промывание мозгов подрастающему поколению [5–8].

«Истина в понятиях» – повторял Сократ, и он был прав. Первые шаги ребенка на пути вхождения в атмосферу духовно-нравственного мира многонационального российского и узбекского обществ начинаются с его обучения в семье осмыслению этих ценностей. Платон придавал большое значение роли родителей в воспитании детей. Он писал, что «относительно того, что справедливо и хорошо, у нас с детских лет имеются взгляды, в которых мы воспитаны под воздействием наших родителей, – мы подчиняемся им и их почитаем» [8, с. 323].

Действительно, в семье начинается формирование основ адекватного понимания и успешного освоения традиционных ценностей нашего общества, здесь смягчаются объективные различия ценностей у разных поколений, что облегчает их принятие [9; 10]. Последующие этапы социализации подрастающего поколения достраивают уже сформированные личностные начала ребенка. Естественно, в аспекте системы ценностей каждая семья находится под воздействием не только достижений, но и противоречий, проблем культурно-цивилизационных процессов своего общества и впитывает их в себя, что влияет на формирующееся миропонимание ребенка [11].

Качественная определенность каждой семьи зависит от ее принадлежности к той или иной социальной страте, классу, исторической и религиозной общности конкретного социума.

В то же время каждая семья в своем культурно-нравственном багаже имеет исторически сложившиеся фундаментальные духовные ценности, присущие народу, к которому она принадлежит. Следовательно, при анализе диалектики формирования ценностного мира ребенка необходимо обратить внимание на конкретные особенности общества и семьи, выявить способы освоения ребенком фундаментальных традиционных ценностей. Этот процесс представляет собой сложный и противоречивый этап интеллектуального развития ребенка и его вхождения в мир достижений духовной культуры и истории своего народа.

Л.С. Выготский отмечал особый и тонкий характер «культурного развития ребенка» [12, с. 31]. Уникальность этого процесса заключается в его органичном единстве с интеллектуальным, духовно-нравственным и поведенческим аспектами формирования личности: «В процессе своего культурного развития ребенок усваивает не только содержание культурного опыта, но приемы и формы культурного поведения и мышления» [12, с. 33]. Посредством этих приемов и форм, которые ребенок наблюдает у родителей, он осваивает также культурные и духовные ценности своей семьи и своего социума.

В процессе физиологического, духовного развития ребенка и освоения им традиционных духовно-нравственных ценностей большую роль играют его психологические особенности, специфика образования в нем первых зачатков экзистенции [13], главной причиной которой являются семейные отношения. Причины рождения детской экзистенции и способы смягчения ее влияния на психику ребенка определяют фундамент его формирующегося характера.

Рождение экзистенции в душе ребенка является начальным этапом его становления. Образование личности в индивидуальном процессе социализации представляет собой диалектическое противоречие между наивным эгоизмом ребенка и требованиями социального организма. В душе ребенка экзистенциальный мир образуется как тихий и пассивный протест

против давления норм коллективности семьи, как результат непонимания сути требований старших и его эгоистических желаний, вследствие неудачных попыток разрешить эти противоречия в свою пользу [13].

В аспекте проблемы освоения исторических традиций в период образования экзистенциальных начал в душе ребенка немаловажное значение имеет педагогичность отношения к нему отца и матери, его контакты с бабушками и дедушками. Старшее поколение как российских, так и узбекских семей на начальном этапе рождения экзистенции ребенка играет значительную роль в смягчении его экзистенциальной боли [13], а также в мягком освоении традиций своей семьи, своего народа.

Как показывают исследования К. Юнга, Л.С. Выготского, а также современных отечественных психологов, вхождение ребенка в мир традиционных ценностей и для родителей, и для ребенка не является простой и легкой задачей [12; 14; 15]. Старшее поколение в семье выступает соединительным звеном между формирующимся внутренним миром ребенка и исторической памятью, духовно-нравственными ценностями общества, и оно же становится защитником духовного мира ребенка от внешних негативных изменений. Именно предки формируют основу ценностного отношения к своему полу, к своим родным, к своей родине.

В формировании ценностного мира ребенка, а также его нравственных норм поведения и характера важную роль играет *авторитет* родителей, людей из его окружения. Подрастающему поколению, как отмечал К. Юнг, необходим сильный авторитет окружающих его взрослых, чтобы дети могли видеть, кому хотели бы подражать, чтобы «научиться затем правильно приспособляться к жизни в большом мире» [14, с. 60]. Авторитет взрослых осмысливается на основе наблюдения за *реальным поведением*, характером взаимоотношений родителей, отношением папы и мамы к бабушкам и дедушкам: «Все дело не в благонамеренных

и мудрых речах, а главным образом в поведении, в действительной жизни родителей» [14, с. 42]. Однако, не до конца соглашаясь с К. Юнгом, отметим, что очень важно здесь и то, что родители говорят о своих близких и знакомых, о событиях в стране, о самом ребенке, за какие черты характера и поведения его хвалят или осуждают. Дитя *вслушивается* в разговоры взрослых и формирует свое, пока еще наивное, понимание дружбы, долга, дисциплины, мужества, преданности и предательства, что постепенно ложится в основу его ценностного мира.

Процесс социализации для ребенка является тяжелым испытанием, на что обращали особое внимание психологи К. Юнг, Л.С. Выготский, Э. Фромм, писатели А. Платонов, Дж. Сэлинджер [13]. Начальный этап социализации сопровождается переживанием, осознанием противоречий между «Мое» и «Не-Мое», рождением вопросов «Почему не-мое?», «Почему не я?». На данном этапе, как отмечал К. Юнг, у ребенка появляются первая осознанная обида, замечание обмана, лжи в словах родителей, что приводит к зарождению экзистенции [14, с. 16–17].

Культура взаимоотношения старшего поколения с ребенком

Эрих Фромм в фундаментальном труде «Анатомия человеческой деструктивности» писал, что экзистенция является результатом душевного раздвоения, тяжелым испытанием для психики. Человек может смягчить экзистенциальную боль своей души, если он умеет установить единство с самим собой, а также с окружающей социальной средой [16, с. 203]. Но такое умение у ребенка не может сформироваться без участия старшего поколения. Взрослые могут помочь ему сформировать умение преодолевать экзистенциальную раздвоенность или же, наоборот, могут способствовать обострению экзистенции. Однако без обучения умению перебороть свою экзистенцию родители не смогут найти ключ к душе ребенка, не смогут стать для него старшими друзьями, авторитетом, образцом для подражания, передать ему высокие нравственные ценности, сформиро-

вать в нем понимание ценности Родины и искреннюю любовь к ней.

Трудности вхождения ребенка в мир традиционных ценностей и усиление в нем экзистенции связаны с объективной разницей динамики трансформации ценностного мира разных поколений, с так называемой *проблемой отцов и детей*. Здесь возникает необходимая задача самовоспитания воспитателей, освоения ими новых, в позитивном смысле «неоконсервативных ценностей» молодого поколения в рамках традиционных ценностей общества [17; 18].

В народе говорят: «Яблоко от яблони недалеко падает». Д.К. Алиева отмечает несоответствие общих нравоучительных фраз родителей с их антипедагогичными поступками как в рамках семьи, так и вне ее, которые для ребенка являются отрицательным примером, что может сформировать в нем негативные ценности: «Нередко родители и взрослые выступают носителями антиценностей, псевдокультуры, источником бездуховности. Что могут сегодня дать своим детям молодые родители, которые даже не представляют, какой это важный этап в жизни семьи – формирование ценностных ориентаций и какая ответственность лежит на них за будущее своего ребенка» [15, с. 82]. Другой, может быть, самый тяжелый для родителей «кирпичик» ценностного мира ребенка – это ведение мирных и дружественных бесед, совместные игры и выполнение домашних дел. Так в нем формируется любовь к родителям, уважение к себе, но самое главное – привычка не бояться работы. Попытки отдалить ребенка от себя, научив его играть с электронными игрушками, планшетами, смартфонами, как показывают результаты исследований отечественных и зарубежных ученых, приводят к нарушению его нормального психического развития, к торможению процесса социализации, что в дальнейшем скажется на школьном обучении [19; 20].

В семейных беседах с участием ребенка, во время просмотра старых семейных фотографий рассказывается история страны через судьбы его предков. Таким образом форми-

руется понимание, что история родины есть результат деяний и его прародителей. Поэтому *искренность, объективность, достоверность* рассказываемых историй трудовых и военных подвигов, творчества предков – неотъемлемая часть формирования духовно-нравственного мира подрастающего поколения, освоения им традиционных ценностей своего народа.

Согласно исследованиям Л.С. Выготского, формирование позитивных моделей поведения происходит, когда ребенок вынужден выполнять ту или иную задачу: «Если у ребенка нет необходимости подумать, то он никогда не подумает» [12, с. 296]. Эти черты характера воспитываются с первых шагов ребенка, когда ему позволяют «помогать» в домашних делах, поощряют и хвалят. Так формируются осознанная дееспособность и понимание, что он может самостоятельно делать что-то, помогать родителям как *взрослый*. Посредством такого процесса в нем пробуждается любовь к своей семье [21]. Его действия осуществляются целенаправленно, что свидетельствует о начале важного этапа социализации – становления *понятий целеполагания, ответственности и помощи другим* [22].

Попытка «купить» любовь ребенка, откупиться от него, подменить заботу одариванием – это путь к лишению его трудолюбия, ответственности, честности и скромности, путь к чванству, иждивенчеству, а может, и потенциальному предательству.

Школа – продолжение семейного воспитания

Для ребенка школа становится или должна стать не только образовательным учреждением, но также логичным этапом становления личности и развития ценностного мира. Вот почему в Узбекистане общеобразовательная школа называется «учреждением образования и воспитания».

Для более глубокого и системного освоения традиционных ценностей общества в школе должна быть создана особая культурно-нравственная и социальная атмосфера, что способствует дальнейшему развитию

личности ребенка. Школе надлежит стать тем социальным институтом, где осмысленно прививаются базовые традиционные ценности, мировоззрение, гражданская идентичность.

Дальнейшее совершенствование и развитие ценностного мира идет параллельно со школьным образованием, как дополнение к семейному: «Ребенок, который в шесть лет поступает в школу, еще, конечно же, есть всецело и в любом смысле слова продукт своих родителей – правда, у него имеется зачаточное сознание Я, но он еще совершенно не в состоянии в какой бы то ни было степени утвердить свою индивидуальность» [14, с. 58]. Поэтому на данном этапе социализации и освоения традиционных ценностей общества ребенку мешает усиление его экзистенции, зачатки которой рождаются в семье [23].

Задача школьного учителя заключается в продолжении *воспитания детей, смягчении их экзистенции и попытке дать образование*. Здесь успех педагога зависит от того, сможет ли он *стать для детей продолжением авторитета* их родителей, но в то же время не подавить начало их самостоятельности, избавить от излишней привязанности к родителям и расширить их социальное пространство. Другая задача учителя – воспитывать мальчиков как будущих мужчин, защитников Родины, а девочек – как будущих тружениц и мам. Как писал К. Юнг, задача педагога «не сводится исключительно к тому, чтобы до отказа набить головы знаниями, а состоит скорее в том, чтобы воспитать детей настоящими людьми» [14, с. 60–61].

Немаловажная задача учителя – помочь в преодолении детского эгоизма и превратить одноклассников в дружный коллектив, в котором мальчики готовы быть рыцарями, а девочки – принцессами. Как писал Л.С. Выготский, «детство – это период подготовки и развития умений и сил, необходимых для зрелой жизни культурного человека» [12, с. 33]. Это достига-

ется, если первый учитель будет таким, как в рассказе А. Платонова «Еще мама»², если вся школа опирается на единую концепцию по освоению детьми традиционных ценностей многонациональной и многоконфессиональной России.

Заключение

Основы ценностного мира формируются в семье, которая носит относительно закрытый характер. Одним из выводов данного исследования является тезис, что освоение ребенком традиционных ценностей происходит через призму его рождающейся экзистенции и противоречий между ценностями разных поколений. Данная ситуация требует создания механизма воспитания воспитателей. Другой вывод связан с тем, что социум не способен напрямую контролировать процесс семейного воспитания; о его качестве можно будет судить только по результатам, когда может оказаться уже поздно. Один из потенциальных путей влияния на качество семейного воспитания – это создание школы молодых родителей, где преподавались бы детская психология, экзистенция ребенка и основы традиционных ценностей нашего общества.

Данное исследование показывает, что в ситуации обострения противостояния искаженных ценностей неолиберального западного мира и веками испытанных традиционных ценностей других стран органическое единство семьи и школы в воспитании и формировании традиционного духовного мира молодежи становится актуальнейшей задачей. Осмысление основных принципов и понятий и их реализация будут успешными, если семейная и школьная практика будет опираться на научно-психологические и социально-философские разработки проблем духовного воспитания, на что обращают внимание указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 и постановление Президента Республики Узбекистан от 26 марта 2021 года № ПП-5040.

²Платонов А.П. Еще мама // Собр. соч. в 3 т. Т. 3. М.: Совет. Россия, 1985. С. 234–240.

Список литературы

1. Махаматов Т.М. От эпохи глобализации к неоглобализации: культурно-цивилизационный аспект // Век глобализации. 2017. № 4(24). С. 55–61.
2. Махаматов Т.М. Конфликт Запада и Востока как фактор неоглобализации // Век глобализации. 2022. № 4. С. 63–72. DOI: [10.30884/vglob/2022.04.04](https://doi.org/10.30884/vglob/2022.04.04)
3. Meerwijk E.L., Sevelius J.M. Transgender Population Size in the United States: A Meta-Regression of Population-Based Probability Samples // Am. J. Public Health. 2017. Vol. 107, № 2. P. e1–e8. DOI: [10.2105/ajph.2016.303578](https://doi.org/10.2105/ajph.2016.303578)
4. Мартин Э. Идея сверхчеловека в философии Ф. Ницше: новые ценности за гранью человечности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 74–82. DOI: [10.37482/2687-1505](https://doi.org/10.37482/2687-1505)
5. Religion and Transhumanism: The Unknown Future of Human Enhancement / ed. by C. Mercer, T.J. Throten. Santa Barbara: Praeger, 2015. 472 p.
6. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // J. Evol. Technol. 2005. Vol. 14, № 1. P. 1–25.
7. Evans W. Review of *On Trans-Humanism* // Prometheus. Vol. 38, № 2. P. 271–74. DOI: [10.13169/prometheus.38.2.0271](https://doi.org/10.13169/prometheus.38.2.0271)
8. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 654 с.
9. Каримов Ш.И., Оборский А.Ю. Факторы изменения механизма передачи духовного опыта между поколениями // Гуманит. науки. Вестн. Финансового ун-та. 2022. Т. 12, № 6. С. 19–24. DOI: [10.26794/2226-7867-2022-12-6-19-24](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-6-19-24)
10. Шишкин А.Е. Трансформация ценностей в контексте национальных и цивилизационных разломов // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 2. С. 130–140. DOI: [10.37482/2687-1505-V095](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V095)
11. Джанджгава Л.Т., Ореховская Н.А. Историческая преемственность духовного опыта поколений в современном российском обществе // Гуманит. науки. Вестн. Финансового ун-та. 2022. Т. 12, № 6. С. 12–18. DOI: [10.26794/2226-7867-2022-12-6-12-18](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-6-12-18)
12. Выготский Л.С. Педология школьного возраста. Лекции по психологии развития. М.: Канон-плюс, 2022. 320 с.
13. Махаматов Т.М. Диалектика экзистенциальной сущности индивида // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 1. С. 80–90. DOI: [10.37482/2687-1505-V234](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V234)
14. Юнг К.Г. Конфликт детской души. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2021. 320 с.
15. Алиева Д.К. Роль семьи в формировании ценностных ориентаций у подрастающего поколения // Вестн. Майкоп. гос. технол. ун-та. 2014. № 3. С. 79–84.
16. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / авт. вступ. ст. П.С. Гуревич. М.: Республика, 1994. 447 с.
17. Мирзиёев Ш.М. Инсонпарварлик, эзгулик ва бунёдкорлик миллий ғоямизнинг пойдеворидир: Маъруза. Тошкент: Tasvir, 2021. 36 бет.
18. Welzel C., Inglehart R. Agency, Values, and Well-Being: A Human Development Model // Soc. Indic. Res. 2010. Vol. 97, № 1. P. 43–63. DOI: [10.1007/s11205-009-9557-z](https://doi.org/10.1007/s11205-009-9557-z)
19. Suyadi, Selvi I.D., Sibiwaihi, Zahroh U., Muassomah. Children's Future Adversity: Learning Loss Risk During Online Learning in Covid-19 Pandemic // Int. J. Instr. 2023. Vol. 16, № 2. P. 457–478.
20. Гилева О.Б. Тревожность учащихся в школах с разным уровнем цифровизации образовательного процесса // Вопр. психологии. 2022. Т. 68, № 2. С. 69–82.
21. Бодрова Е.А. Формирование образа семьи у дошкольников // Проблемы соврем. образования. 2020. № 6. С. 219–227. DOI: [10.31862/2218-8711-2020-6-219-227](https://doi.org/10.31862/2218-8711-2020-6-219-227)
22. Каюмов А.Т., Мишурова О.И. Ответственность как социальное явление // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 5. С. 89–96. DOI: [10.37482/2687-1505-V134](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V134)
23. Malik G.M., Akhter R. Existentialism and Classroom Practice // IOSR J. Humanit. Soc. Sci. 2013. Vol. 8, № 6. P. 87–91. DOI: [10.9790/0837-0868791](https://doi.org/10.9790/0837-0868791)

References

1. Makhamatov T.M. Ot epokhi globalizatsii k neoglobalizatsii: Kul'turno-tsivilizatsionny aspekt [From the Era of Globalization to Neo-Globalization: Cultural and Civilizational Aspect]. *Vek globalizatsii*, 2017, no. 4, pp. 55–61.
2. Makhamatov T.M. Konflikt Zapada i Vostoka kak faktor neoglobalizatsii [The Conflict Between the West and the East as a Factor of Neo-Globalization]. *Vek globalizatsii*, 2022, no. 4, pp. 63–72. DOI: [10.30884/vglob/2022.04.04](https://doi.org/10.30884/vglob/2022.04.04)
3. Meerwijk E.L., Sevelius J.M. Transgender Population Size in the United States: A Meta-Regression of Population-Based Probability Samples. *Am. J. Public Health*, 2017, vol. 107, no. 2, pp. e1–e8. DOI: [10.2105/ajph.2016.303578](https://doi.org/10.2105/ajph.2016.303578)
4. Martin E. The Idea of the Overman in F. Nietzsche's Philosophy: New Values Beyond Humanity. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 74–82. DOI: [10.37482/2687-1505](https://doi.org/10.37482/2687-1505)
5. Mercer C., Throten T.J. (eds.). *Religion and Transhumanism: The Unknown Future of Human Enhancement*. Santa Barbara, 2015. 472 p.
6. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought. *J. Evol. Technol.*, 2005, vol. 14, no. 1, pp. 1–25.
7. Evans W. Review of *On Trans-Humanism*. *Prometheus*, vol. 38, no. 2, pp. 271–74. DOI: [10.13169/prometheus.38.2.0271](https://doi.org/10.13169/prometheus.38.2.0271)
8. Plato. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow, 1994. 654 p.
9. Karimov Sh.I., Oborsky A.Yu. Changing the Way of Transfer of Spiritual Experience Among Generations. *Humanit. Soc. Sci. Bull. Financial Univ.*, 2022, vol. 12, no. 6, pp. 19–24 (in Russ.). DOI: [10.26794/2226-7867-2022-12-6-19-24](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-6-19-24)
10. Shishkin A.E. Transformation of Values in the Context of National and Civilizational Rifts. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 130–140. DOI: [10.37482/2687-1505-V095](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V095)
11. Dzhandzhgava L.T., Orehovskaya N.A. Historical Continuity of the Spiritual Experience of Generations in Modern Russian Society. *Humanit. Soc. Sci. Bull. Financial Univ.*, 2022, vol. 12, no. 6, pp. 12–18 (in Russ.). DOI: [10.26794/2226-7867-2022-12-6-12-18](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-6-12-18)
12. Vygotsky L.S. *Pedologiya shkol'nogo vozrasta. Lektsii po psikhologii razvitiya* [Pedology of School Age. Lectures on Developmental Psychology]. Moscow, 2022. 320 p.
13. Makhamatov T.M. Dialectics of the Existential Essence of an Individual. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 80–90. DOI: [10.37482/2687-1505-V234](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V234)
14. Jung C.G. *Konflikt detskoy dushi* [About the Conflicts of a Child's Soul]. Moscow, 2021. 320 p.
15. Alieva D.K. Rol' sem'i v formirovani tseennostnykh orientatsiy u podrastayushchego pokoleniya [The Role of Family in the Formation of Value Orientations in Younger Generation]. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2014, no. 3, pp. 79–84.
16. Fromm E. *Anatomie der menschlichen Destruktivität*. Stuttgart, 1974. 473 p. (Russ. ed.: Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti*. Moscow, 1994. 447 p.).
17. Mirzicev Sh.M. *Humanity, Kindness and Creativity as the Basis of Our National Idea*. Tashkent, 2021. 36 p. (in Uzbek).
18. Welzel C., Inglehart R. Agency, Values, and Well-Being: A Human Development Model. *Soc. Indic. Res.*, 2010, vol. 97, no. 1, pp. 43–63. DOI: [10.1007/s11205-009-9557-z](https://doi.org/10.1007/s11205-009-9557-z)
19. Suyadi, Selvi I.D., Sibiwaihi, Zahroh U., Muassomah. Children's Future Adversity: Learning Loss Risk During Online Learning in Covid-19 Pandemic. *Int. J. Instr.*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 457–478.
20. Gileva O.B. Trevozhnost' uchashchikhsya v shkolakh s raznym urovnem tsifrovizatsii obrazovatel'nogo protsessa [Anxiety of Pupils in Schools with Different Level of Digitalization of the Education Process]. *Voprosy psikhologii*, 2022, vol. 68, no. 2, pp. 69–82.
21. Bodrova E.A. Formirovanie obraza sem'i u doshkol'nikov [Forming the Family Image in Preschoolers]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2020, no. 6, pp. 219–227. DOI: [10.31862/2218-8711-2020-6-219-227](https://doi.org/10.31862/2218-8711-2020-6-219-227)
22. Kayumov A.T., Mishurova O.I. Responsibility as a Social Phenomenon. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 5, pp. 89–96. DOI: [10.37482/2687-1505-V134](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V134)
23. Malik G.M., Akhter R. Existentialism and Classroom Practice. *IOSR J. Humanit. Soc. Sci.*, 2013, vol. 8, no. 6, pp. 87–91. DOI: [10.9790/0837-0868791](https://doi.org/10.9790/0837-0868791)

DOI: 10.37482/2687-1505-V312

Tair M. Makhamatov

Financial University under the Government of the Russian Federation;
Leningradskiy prosp. 49/2, Moscow, 125167, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1166-4203> e-mail: makhamatov.tair@mail.ru

Mamadzhan A. Mamatov

Fergana State University;
ul. Murabbiylar 19, Fergana, 150100, Republic of Uzbekistan;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5604-9749> e-mail: mmamadjan@mail.ru

DIALECTICS OF ADOPTING TRADITIONAL VALUES BY CHILDREN IN THE CONDITIONS OF NEO-GLOBALIZATION

This article explores the key factors and stages of children's obtaining traditional values of family and society. The main objective of the research was to substantiate the thesis that the foundation, degree and quality of perception and assimilation of traditional values by a child are initially determined by the spiritual and material values prevailing in the family, as well as by the culture and psychology of the adults' attitude towards children. It is known that both Russian and Uzbek families are heterogeneous due to their belonging to a particular social stratum or class, since each family is influenced by the dynamics of not only society, but also of a particular stratum. The authors argue that a child's set of values is formed through the prism of the existence emerging in his/her soul and determined by the contradictions in the process of socialization. In order for a child to better assimilate positive values, this existence needs to be softened. In fulfilling this task, a significant role is played by the educational qualities of parents and grandparents and their ability to establish trusting relationships, through which, according to C. Jung, the older generation would be able to gently and unobtrusively gain the child's respect, admiration and love. Trying to win authority by giving presents or money will only damage the spiritual world of a child. The article concludes that to form a child's set of values and turn him/her into a worthy person, it is important for the close relatives to show by example industry, discipline, independence, honesty and responsibility. The authors adhere to the positions of C. Jung and L.S. Vygotsky according to which school, being a subsequent stage of socialization, should be considered not only as an educational institution, but also as a logical step in the process of adopting traditional values by a child. In addition, it is argued that we need to develop courses for young parents where they would learn about the culture of family life and the psychology of child education.

Keywords: *child's values, L.S. Vygotsky, C. Jung, upbringing, traditional values, existence, egoism, stability of society.*

Поступила 05.05.2023
Принята 13.11.2023
Опубликована 25.12.2023

Received 5 May 2023
Accepted 13 November 2023
Published 25 December 2023

For citation: Makhamatov T.M., Mamatov M.A. Dialectics of Adopting Traditional Values by Children in the Conditions of Neo-Globalization. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 95–104. DOI: 10.37482/2687-1505-V312

УДК 130.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V313

*ХАРАКТЕРОВ Никита Олегович, аспирант
кафедры философии образования Московского
государственного университета имени М.В. Ло-
моносова. Автор двух научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4380-3288>

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ВОЙНЫ КАК ИГРОВАЯ, АГОНАЛЬНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

В статье рассматриваются основные этапы возникновения исторической реконструкции, ее отличия от ролевых игр и особенности использования в качестве способа актуализации культурной памяти. Автор анализирует данный вид деятельности с точки зрения антропологии, культурологии и социологии, опираясь на работы Йохана Хёйзинги и Роже Кайуа. Популярность этого увлечения среди жителей мегаполисов связывается с интересом к иному образу жизни, из которого можно позаимствовать практики, отличные от обыденных. В рамках исторической реконструкции как игровой, научной и образовательной практики существует два основных направления – военное (воссоздание амуниции и особенностей военного дела) и гражданское (воспроизведение быта исследуемой эпохи). Оба они предполагают реконструкцию материальной культуры, мышления и поведения. Можно выделить три основных вида исторической реконструкции – военная, ремесленная и образовательная. Особое внимание уделяется военной реконструкции, т. к. она возникла первой. Существует два аспекта данного вида деятельности, один из которых связан с воссозданием материальной культуры, а именно изготовлением, хранением и обслуживанием образцов реконструированного оружия, а другой – с изменением мышления и поведения как самих реконструкторов, так и зрителей мероприятий, в частности с воссозданием культуры обращения с оружием, использованием реконструированных образцов для визуализации образовательного процесса, а также с антропологическими практиками по «очеловечиванию» оружия. В статье анализируется соотношение средневекового рыцарства и реконструированного, как наиболее яркий пример практик, воссоздаваемых и используемых при реконструкции войны.

Ключевые слова: историческая реконструкция, экспериментальная археология, военная реконструкция, реконструкция оружия, культурная память, Й. Хёйзинга, Р. Кайуа.

*Адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: karakterov@yandex.ru

Для цитирования: Характеров Н.О. Историческая реконструкция войны как игровая, агональная и образовательная практика // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 105–115. DOI: 10.37482/2687-1505-V313

В настоящей статье мы исследуем историческую реконструкцию как игровую антропологическую практику, в рамках которой участники моделируют то или иное историческое событие, систему отношений, мышление, поведение и быт людей, живших в предшествующие эпохи, на основании интерпретации различных исторических источников, в первую очередь археологических, изобразительных и текстуальных, и при помощи воссозданных элементов древней материальной культуры. Следует отметить, что «историческая реконструкция выступает как “зонтичный” термин для обозначения культурных практик скрупулезного воспроизводства материальных условий жизни в прошлом, а также возникающей на основе этих практик социальности. Каждый реконструктор должен обладать набором (“комплексом”) реплик исторических предметов – “артефактов” – с тем, чтобы адекватно репрезентировать свой исторический типаж. Постоянная потребность в пополнении и обновлении “комплекса” выступает стимулом для развития кустарных производств оружия, доспехов, обуви, одежды, предметов исторического быта» [1, с. 174]. В англоязычной литературе данный феномен носит название *historical reconstruction*, или же *historical reenactment*, имеющее схожее значение. Ему может быть дано следующее определение: «Реконструкция – это деятельность, в которой люди воссоздают или стремятся обессмертить исторические эпохи и события через инсценировку, костюмы, реквизит, постановки и/или аутентичную обстановку. Ролевые игры живого действия, сокращенно РИЖД, могут иметь современный или придуманный сеттинг, но, как правило, они основаны на исторических периодах. Здесь люди импровизируют и погружаются в свои роли, а не отыгрывают какой-либо заранее известный сценарий. Акцент может ставиться на приключении, сражении или бытовых взаимодействиях. Замысел может быть вдохновлен различными историческими событиями, в основном

военной истории, или художественными жанрами, например, научной фантастикой» (перевод мой. – Н.Х.)¹.

Исследователь С.И. Поляков пишет: «историческая реконструкция как относительно самостоятельный жанр досуга зародилась в Англии и США в 1930-е годы. Превращение ее из элитарного хобби для профессиональных историков и коллекционеров антиквариата в массовый феномен произошло в конце 1990-х – начале 2000-х годов (Agnew 2010). Примерно в тот же период происходит ферментация реконструкторских сообществ и на постсоветском пространстве» [1, с. 174].

Прежде чем проанализировать историческую реконструкцию войны, нужно дать ей определение и разделить на области, а также привести ряд вспомогательных терминов.

Историческая реконструкция войны – это игровая и агональная антропологическая практика, в рамках которой участники моделируют историческое событие, связанное с войной. При использовании археологических источников исторические реконструкторы придают большое значение артефактам. Под этим термином подразумеваются любые рукотворные предметы, однако в данном случае нас интересуют только те из них, которые применялись как оружие, т. к. для археологии и реконструкции оружия именно они являются базовыми артефактами. Историческая реконструкция, воспроизводя реально существовавшие образцы оружия, использует признанные в научном мире классификации, в первую очередь клинкового оружия как наиболее распространенного [2].

Историческая реконструкция войны как антропологическая практика – это деятельность реконструкторов, направленная на себя и других с целью моделирования военных действий прошедших эпох.

Основные теоретические подходы к исторической реконструкции

Анализируя историческую реконструкцию как образовательную практику, которая состоит

¹Historical Reconstruction. Reenactment. Events Through Dramatization. URL: <https://www.eventplan.co.uk/> (дата обращения: 10.03.2023).

из реконструкции мирной жизни и войны, мы приходим к выводу, что она обладает агонально-игровым аспектом. Для того, чтобы дать ей характеристику в таком качестве, нужно обратиться к различным теоретическим подходам, которые используются в культурологии, философии и теории игр для описания подобного феномена. Как ключевые работы мы предлагаем рассмотреть книги «Homo ludens» Йохана Хёйзинги и «Игры и люди» Роже Кайуа, в которых авторы излагают собственные взгляды на это явление.

Игра и ратное дело согласно Йохану Хёйзинге и их отражение в исторической реконструкции. Для исторической реконструкции Йохан Хёйзинга является знаковой фигурой не только как ученый, но и как человек. Как пишет Д.В. Сильвестров, «в шестилетнем возрасте, в Гронингене, он становится свидетелем костюмированного шествия, посвященного одному из событий нидерландской истории XVII в. С детства он проникается ощущением того, что индивидуальное переживание прошлого неразрывно связано с индивидуальными персонажами. В 1894 году он сам, в костюме XVII века, участвует в подобном студенческом маскараде. На обеде по завершении празднества Хёйзинга заметил, что “маскарад – несомненный признак упадка, возможно, его последнее проявление. И мы горды тем, что являемся последними носителями этой прекрасной традиции, которая умирает”» [3, с. 5]. Такого рода участие нельзя назвать полноценной исторической реконструкцией, если использовать для этого современные критерии, но и воссоздание рыцарских турниров в XIX веке тоже будет сильно уступать современной практике в детальности, проработанности и достоверности. Более того, Хёйзинга оказался неправ в главном: в XX веке традиция маскарадов не умерла, но возродилась во второй половине столетия в виде исторической реконструкции и с тех пор демонстрирует стабильно положительную динамику, что отражается как на количестве участников, так и на качестве костюмов. Маскарад, так же как и историческая реконструкция, представляет собой опыт трансгрессии.

Однако для того, чтобы ясно представить себе подход Хёйзинги, обратимся к его тексту: «Понятие же войны возникает, собственно, лишь тогда, когда особое, приподнятое настроение охватывающей всех враждебности делается отличным от распри между отдельными людьми, а до некоторой степени и родовой ненависти. Такое различие помещает войну не только в сакральную, но одновременно и в агональную сферу. Война тем самым возвышается до святого дела, где все вместе могут помериться силами, испытывая свой жребий, – короче говоря, она попадает в такую сферу, где право, жребий, престиж все еще пребывают в неразрывном единстве. Тем самым она вступает немедленно в сферу чести. Она делается священным установлением и как таковое облачается той духовной и материальной орнаменталистикой, которой располагает данное время. Это не означает, что война ведется теперь по нормам кодекса чести и в формах отправления культа. Грубая сила властвует в полной мере. Война, однако, рассматривается в свете священного долга и чести и до некоторой степени разыгрывается в присущих им формах. При этом всегда трудно выявить, до какой степени подобные представления действительно оказывают влияние на ведение войны, в какой мере они управляют ею» [3, с. 102].

Агональность проявляется в соревнованиях, иногда переходящих в открытую вражду между реконструкторами и между клубами реконструкторов и приводящих к травмам на поединках, бугуртах и во время так называемой правильной войны, которые являются составляющими военно-исторической реконструкции, ограничиваются и регулируются правилами. Правила на различных мероприятиях (так называемых фестивалях исторической реконструкции) будут разными, но все они обусловлены несколькими принципами: безопасность, честность, справедливость. Суть их обычно сводится либо к запретам (например, сухой закон на фестивале, исключая вечерний пир), либо к техническим требованиям (так называемая гуманизация оружия, т. е. использование

на фестивалях только тупых реплик реально существовавшего оружия и полный запрет на стальное дробящее оружие, т. к. его невозможно гуманизировать), либо к ограничениям (запрет на удары в небронированные зоны в ходе боя). Соблюдение/несоблюдение этих правил во многом и определяет наличие/отсутствие чести у участников фестиваля. Таким образом, можно констатировать, что отношения между реконструкторами и их объединениями – это сложное соединение агона и солидарности, которое можно в целом назвать агонем с ограничениями в виде субкультурной этики, морали и чести, во многом похожей на племенную и средневековую, а во многом – на современную.

Анализ исторической реконструкции войны сквозь призму книги Роже Кайуа «Игры и люди». Данное произведение одновременно является как продолжением, так и критикой работы Йохана Хейзинги. Эти исследования, с одной стороны, похожи, т. к. оба посвящены анализу феномена игры, а с другой – различны, т. к. Хейзинга смотрит на данную практику как культуролог и историк, Кайуа – как социолог и социальный антрополог.

Так, Кайуа пишет: «Конечно, игра предполагает стремление выиграть, наилучшим образом используя эти ресурсы и не допуская запрещенных приемов. Но она требует и большего: нужно превосходить соперника в рыцарстве, принципиально оказывать ему доверие и сражаться с ним без враждебности. Нужно также заранее принимать возможность неудачи, невезения или роковой ошибки, без гнева и отчаяния признавать свое поражение. Кто злится или хнычет, тот дискредитирует себя. Действительно, коль скоро каждая партия является абсолютным началом, то ничего не потеряно, и игроку следует не жаловаться и не расстраиваться, а удваивать свои усилия» [4, с. 17–18]. Применительно к исторической реконструкции это значит, что стремление выиграть, соревновательный аспект военной реконструкции, в частности турниров, уравновешен стремлением играть по правилам (выиграть по правилам), эстетикой (выиграть красиво), моралью (вы-

играть добродетельно) и желанием сохранить отношения с другими играющими (выиграть, никого при этом не оскорбив).

Роже Кайуа предлагает разделить игры на 4 различных категории, которые он называет *agon*, *alea*, *mimicry* и *ilinx*: «Все четыре разряда, несомненно, принадлежат к области игр: мы играем в футбол, в шары или в шахматы (*agon*), мы играем в рулетку или лотерею (*alea*), мы играем в пиратов, играем Нерона или Гамлета (*mimicry*), и мы играем, стремительным вращением или падением вызывая в себе органическое состояние смущения и расстройства (*ilinx*)» [5, с. 38]. Историческая реконструкция войны представляет собой смесь *agon* и *mimicry*, т. к. носит одновременно состязательный и имитационный характер. Это сложный феномен, в рамках которого *agon* и *mimicry* встречаются в самых различных сочетаниях и ситуациях.

Наиболее яркий и известный пример – это поединок между двумя бойцами и рыцарский турнир как частное его проявление. Здесь соревнуются не только в силе и умении сражаться, в ударах, одновременно красивых и результативных, но и в способности вести себя благородно по отношению к противнику и учтиво с дамами (имеется в виду суд дамской чести, который вместе с судьями-мужчинами объявляет победителя и накладывает дополнительные условия на сражающихся (так называемые вериги), следит за выполнением ими обетов в ходе боя), а также в качестве доспехов, оружия и костюма. Участник, чье обмундирование не соответствует историческим источникам, а также требованиям безопасности, не допускается на турнир.

Так называемая правильная война, поединок отрядов или даже небольших армий на крупных фестивалях, встречается в двух вариантах. В первом исход битвы заранее не предопределен сценарием, ситуация схожа с турниром, т. е. «правильная война» – это коллективный турнир, который отличается только присутствием офицерского состава, командующего группами бойцов-реконструкторов, и наличием тактических решений, необходимых

для победы, среди которых также есть разрешенные и запрещенные. Во втором «правильная война» приурочена к какому-то конкретному событию (например, ежегодный фестиваль, посвященный Бородинской битве) у сражения есть сценарий, основанный на исторических источниках, в котором победитель заранее известен. В таком случае отсутствует *agon*, есть только *mimicry*.

Есть еще одна сфера, в которой соединяются *mimicry* и *agon*, – это соревнование на соответствие исторических комплектов источникам. Оно может быть как официальным (так называемые конкурсы костюмов), так и неофициальным, т. е. проявляющимся в частных беседах на фестивалях, в клубах исторической реконструкции и интернет-сообществах. Следует отметить, что большинство споров возникает именно в этой, кажущейся невинной сфере. Частота подобных споров даже породила специальный термин «лазурный дозор». Так называют людей, которые постоянно и повсеместно критикуют чужие комплекты снаряжения, считая себя, но редко в действительности являясь экспертами-источниковедами. Подобное поведение с точки зрения внутрикорпоративной этики реконструкторов считается аморальным. Негласная норма – это отсутствие критики в адрес костюма другого участника в случае, если он был допущен на фестиваль так называемым допускающим или паспортистом – членом команды организаторов фестиваля. Речь, безусловно, о тех мероприятиях, которые устроены именно так, альтернативой становится приглашение клубов, имеющих хорошую репутацию, и тогда контролем костюма участников занимается глава клуба и офицерский состав.

Последним из аспектов, в котором соединяются *agon* и *mimicry*, является вопрос о балансе между количеством участников и качеством их комплектов. Большие фестивали подразумевают очень мягкие критерии допуска, низкое соответствие источникам, допущение современных материалов и предметов быта, это увеличивает количество участников, делает мероприятия более массовыми и зрелищными,

комплекты – более дешевыми, т. е. за счет массовости возрастает *agon*, но образовательный и эстетический эффект (*mimicry*) падает. Маленькие фестивали часто имеют суровые критерии допуска, что увеличивает качество *mimicry*, но из-за уменьшения количества участников падает *agon*. Любое подобное мероприятие – это баланс между массовостью и качеством, однако еще одним фактором является то, что часто под предлогом несоответствия участника высоким требованиям его или его клуб не допускают по личным причинам (взаимное недоверие, личная вражда, страх перед более сильными соперниками в состязании, нежелание делиться прибылью, оплачивать гостям проезд и проживание и многое другое, что не связано непосредственно с реконструкцией и относится к сфере личных отношений).

Историческая реконструкция, культурно-историческая память и трансгрессия в «Другого»

Историческая реконструкция и реконструкция войны в частности – явление многогранное. Что отражается и на области мотивации тех, кто ей занимается. Историческая реконструкция – это форма трансгрессии в «Другого», но сам этот «Другой» может быть разным. И все же трансгрессия, осуществляемая ради актуализации культурно-исторической памяти, имеет ряд общих аспектов вне зависимости от того, в какого именно «Другого» реконструктору предстоит трансгрессировать.

В массовом сознании память об исторических событиях изобилует мифами, сформированными историческими романами, художественными фильмами, популярными интернет-статьями, видеороликами и компьютерными играми. Таким образом, первая задача начинающего реконструктора – это освоение источниковедческой и историографической базы, т. е. демифологизация собственного мышления относительно избранного периода. Это не просто уже хотя бы потому, что в значительной степени благодаря подобным мифам у него сформировался романтический образ эпохи. Столкновение с реальностью часто бывает бо-

лезненным и может приводить к уходу из движения. В случае же успешного прохождения этого этапа, связанного со знакомством с реальной эпохой по реальным источникам, реконструктор становится неплохим популяризатором и своего рода «разрушителем легенд». Следует, однако, заметить, что, как правило, стать таковым его побуждает не только сам процесс исследования прошлого, но и выступления на крупных фестивалях исторической реконструкции (например, «Времена и эпохи» в Москве и «Рекон» в Санкт-Петербурге), в ходе которых участники много общаются со зрителями, активно транслирующими те самые «исторические мифы». Именно это заставляет реконструктора специально подбирать ответы на типичные вопросы или, что случается чаще, спорные тезисы тех, кто посещает подобные мероприятия.

Историческая реконструкция – одна из немногих областей неформального образования, которая заставляет участников движения глубже разобраться в источниковедении, причем как текстуальном, так и археологическом. Перевоплощение (трангрессия) в предка происходит с помощью практического освоения производства и использования предметов, воссозданных на основе доступной информации. Однако, как хорошо известно историкам, источник существует не сам по себе, а в интерпретации. Более того, исследователь использует источник преимущественно для написания текстов. Реконструктор же – для воссоздания предмета или события. Цена ошибки второго выше, т. к. неправильно сделанное оружие может стать не только итогом неверно проведенного эксперимента, но и причиной травмы. Также изготовление инвентаря для мероприятий по исторической реконструкции – это всегда баланс между соответствием источнику (в терминологии реконструкторов – «историчностью»), удобством при использовании и безопасностью для самого реконструктора.

Отдельный вопрос, возникающий при актуализации культурно-исторического наследия, – адаптация воссоздаваемых событий к восприятию современного зрителя. Одним из ключевых

различий между современностью и, например, Средними веками является восприятие времени. В эпоху Средневековья рыцарский турнир занимал несколько дней, из которых собственно джостинг (конный поединок на тупых ломких копьях) длился несколько часов, тогда как представление участников, перечисление их подвигов, родовых заслуг занимали куда больше времени. В наши дни это мероприятие (представление участников, джостинг, меле, т. е. сражение конных рыцарей между собой в ближнем бою на деревянных копиях реального оружия, пеший рыцарский турнир, иногда поединок лучников как дополнение и, наконец, финальный парад участников) длится от 5 до 7 ч – именно сколько современный зритель способен выдержать. Данная ситуация рождает проблему невозможности полной и достоверной реконструкции культурно-исторической памяти для зрителя, а не в рамках академического эксперимента для реконструкторов или ученых. Иными словами, мы не можем вполне достоверно воспроизвести события, т. к. слишком сильно изменились сами.

Подводя итоги данного раздела, можно констатировать, что реконструктор может и должен заниматься сохранением, воссозданием и актуализацией исторической памяти и историко-культурного наследия. Для того, чтобы делать это эффективно и системно, необходимо сочетать высокое качество воссоздаваемых по источникам предметов с образовательным шоу. Также важно, чтобы перед организаторами фестивалей стояли в первую очередь образовательные, а не коммерческие или административные цели, а реконструкция не использовалась как средство самопрезентации.

Историческая реконструкция войны на примере реконструкции рыцарства

Поскольку военные сражения изначально являлись центральной темой для исторической реконструкции в силу своей зрелищности, соревновательного элемента и, несмотря на использование незаточенного оружия, определенной степени риска, следует разобрать этот феномен не только в теории, но и на практике. Наиболее

известным и ярким примером в данном случае служит реконструкция рыцарства не как социального института или правового статуса, а как антропологической практики. Она является одним из самых важных и популярных элементов исторической реконструкции Средних веков. Данная деятельность подразумевает также воссоздание антропологических практик, причем часто это происходит непреднамеренно. Следует отметить, что полностью эти практики невосстановимы, т. к. подразумевают реконструкцию социального порядка, например наличие оружия в бою, что в условиях современного социума невозможно.

Культура рыцарства возникла как способ ограничить насилие в обществе, в котором оно было системообразующим. Ограничения эти имеют как светские, так и церковные корни. С точки зрения антропологии можно говорить о выработке представлений о честном и бесчестном, достойном и недостойном, благородном и неблагородном и проистекающего из них поведения. Культура рыцарства – это то, что отделяет короля франков Хлодвига от регента Англии Уильяма Маршалла, а V век нашей эры – от XII. Обратной стороной данного процесса становится легитимизация насилия и в ряде случаев его сакрализация.

Историческая реконструкция рыцарских практик в наши дни предполагает в первую очередь умение вести себя благородно по отношению к противнику на турнире и к дамам вне его, т. е. отказ от нанесения ударов по незащищенным частям тела, отказ продолжать бой в случае потери противником оружия, соблюдение прочих правил турнира, выражение уважения к решению судей-мужчин и суду дам.

Следует отдельно отметить причины популярности реконструкции рыцарства и рыцарских практик. Главная из них заключается в том, что данная культура принципиально отлична от современной. В ее центре, по крайней мере в области предписываемого, хотя и весьма нечасто реализовывавшегося на практике, не деньги и комфорт, а честь и вера. Морис Кин в книге «Рыцарство» приводит цитату английского консерватора Эд-

мунда Берка: «Миновал век рыцарства, сменившись веком софистов, экономистов и счетоводов, и слава Европы погасла навсегда!» [5, с. 7]. Эти слова были сказаны в 1791 году, хотя в реальности век рыцарства, по мысли того же Кина, закончился гораздо раньше – в 1524 году, в день гибели Пьера Террайля де Баярда. Формальным началом анализируемой эпохи принято считать битву при Пуатье (732) между войсками майордома Франкского королевства Карла Мартелла и военачальника Омейядского халифата Абдур-Рахмана ибн Абдаллаха, в которой тяжелая кавалерия франков впервые показала свое преимущество над легкой конницей арабов. Принимая во внимание, что это лишь один из возможных способов определения границ рыцарской культуры, можно отметить ряд особенностей, значимых для реконструкции.

Во-первых, как возникновение, так и закат рыцарской культуры связаны с Францией, которая долгие годы была законодательницей мод в данной области, что заставляет реконструктора ориентироваться на французские источники даже тогда, когда он реконструирует рыцарство другой европейской страны. Большинство исследований основаны именно на французском историческом материале [6; 7] и реже – на английских источниках [8]. Отдельная категория в рамках данной тематики – это источники [9] и историографические работы [10–16] по истории рыцарства эпохи Крестовых походов и Реконквисты.

Во-вторых, нужно учитывать, что рыцарь – это в первую очередь тяжелый кавалерист и в гораздо меньшем количестве случаев – тяжелый пехотинец. Данный факт сразу делит историческую реконструкцию рыцарства на пешую и конную, причем последняя будет относиться к наиболее дорогому, сложному и, как следствие, элитному сегменту, что делает его очень малочисленным. Однако всех рыцарей объединяет необходимость соответствовать некоему образу бесстрашного и честного воина, учтивого с дамами, верного друзьям и благородного с противниками. Генезису этого идеала и ответственности ему поведения реальных рыцарей посвящено множество исследований. Однако в данной статье нас интересуют антропологиче-

ческие практики, используемые по отношению к оружию, и для их осмысления необходимо проанализировать поведение реконструкторов на фестивале.

Историческая реконструкция оружия и его применение как набор антропологических практик имеют ряд особенностей, связанных с отношением реконструктора к своей амуниции. Как и на реальной войне, участник, который находился в данном движении достаточно долго и пользовался своим оружием в течение длительного времени, начинает «очеловечивать» его, т. е. приписывать материальному предмету свойства, присущие только человеку. Оружие, особенно меч, начинает восприниматься не как вещь, а как друг и боевой товарищ. Известны случаи, когда реконструкторы давали своим мечам имена, так что подобное «очеловечивание» встречается не только в средневековой литературе. Классическим примером может послужить сцена прощания Роланда со своим мечом Дюрандалем, описанная в «Песни о Роланде»: «Почуял граф, что смерть его настигла, встал на ноги, собрал остаток силы, идет, хотя в лице и ни кровинки. Пред темной глыбой он остановился, по ней ударил десять раз сердито, о камень меч звенит, но не щербится. Граф молвит: “Богоматерь, помоги мне, пора нам, Дюрандаль, с тобой проститься. Мне больше ты уже не годишься. С тобой мы многих недругов побили, с тобой большие земли покорили. Там Карл седобородый правит ныне. Владеть тобой не должен враг трусливый: носил тебя вассал неустрашимый, такого край наш больше не увидит”» [17, с. 679–680].

Несмотря на то, что «Песнь о Роланде» является литературным произведением, романтизирующим реальные исторические события и представляющим их в форме эпического сказания, а не такими, какими они были в действительности, она имеет значительную антропологическую ценность, т. к. описывает практики, присущие рыцарям того времени или, по представлениям автора произведения, обязанные существовать в рамках рыцарской куль-

туры Франции IX–X веков. В приведенном монологе меч Дюрандаль играет роль боевого товарища, соучастника побед и подвигов, возлюбленной, т. к. во французском языке слово «Дюрандаль» – женского рода, а также становится символом чести самого Роланда, о чем говорит смысл процитированных строк. Применительно к реконструкторам это означает, что для человека, владевшего оружием достаточно долго, ездившего с ним на множество фестивалей, одерживавшего с его помощью победы, это оружие очень быстро перестает быть предметом, а становится символом, с которым связаны его воспоминания и, в какой-то степени, самооценка. Отчасти такой подход можно назвать сакрализацией предмета, отчасти – приданием ему антропологических свойств, а еще можно сказать, что некий предмет, в данном случае оружие, реконструктор начинает воспринимать как часть себя, свое продолжение. Метафора «меч должен стать продолжением руки, доспехи – второй кожей» появилась не случайно, а стала плодом именно такого восприятия и определения себя не как того, кто носит доспехи и пользуется оружием, а как того, кто составляет с ними единое целое. Тем не менее существует ряд аспектов, которые отличают реконструкторов от реальных средневековых рыцарей. Они касаются в первую очередь таких понятий, как жизнь и честь. На фестивале жизни участника, в отличие от реального средневекового рыцаря в сражении, ничего не угрожает, таким образом, реконструированное оружие не может восприниматься как то, что защищает жизнь.

Заключение

Реконструкция войны является наиболее важным и массовым направлением исторической реконструкции. Данная деятельность носит игровой, агональный и образовательный характер, зависит от эпохи, к которой обращаются участники мероприятия, и делится на собственно воссозданные и новые практики, обусловленные современностью, в первую очередь технологиями и социальной организацией. Изучать историческую реконструкцию можно с точки зре-

ния культурологии, социологии, социальной антропологии и истории. Одними из наиболее удачных теоретических подходов, которые используются для анализа данного вида деятельности, являются теории Роже Кайуа и Йохана Хёйзинги. Наиболее ярким практическим примером в данном случае служит реконструкция рыцарства. Историческая реконструкция как субкультура, идентичность и сфера неформального образования в современном обществе в значительной степени сохраняет и популяризирует культурную память в области

как отечественной, так и зарубежной истории. Реконструкторы опираются на различные классические работы, такие как книга Эжена Эмманюэля Виолле-ле-Дюка «Жизнь и развлечения в Средние века» [18], а затем, анализируя полученный опыт, используют его в своей практической деятельности и собственных исследованиях [19; 20], которые составляют отдельную категорию научных работ, посвященных источниковедению, экспериментальной археологии, имагологии и другим вспомогательным гуманитарным дисциплинам.

Список литературы

1. Поляков С.И. Мастер исторической реконструкции на сцене и в жизни // Этногр. обозрение. 2017. № 4. С. 174–189.
2. *Окиотт Э.* Археология оружия / пер. М.К. Якушиной. М.: Центрполиграф, 2006. 398 с.
3. *Хёйзинга Й.* Homo Ludens. Человек играющий. Статьи по истории культуры. М.: Айрис-Пресс, 2003. 487 с.
4. *Кайуа Р.* Игры и люди / пер. С. Зенкина. М.: АСТ, 2022. 288 с.
5. *Кин М.* Рыцарство / пер. с англ. И.А. Тогоевой. М.: Научный мир, 2000. 518 с.
6. *Бартелими Д.* Рыцарство. От Древней Германии до Франции XII века / пер. с фр. М.Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2012. 581 с.
7. *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья. М.: Айрис-пресс, 2014. 538 с.
8. *Фергюсон А.Б.* Золотая осень английской рыцарственности. Исследование упадка и трансформации рыцарского идеализма / пер. с англ., предисл. и крат. биограф. слов. М.Г. Муравьевой. СПб.: Евразия, 2004. 352 с.
9. *Фульхерий Шартрский.* Иерусалимская история / пер. А.Н. Слезкин. СПб.: Евразия, 2020. 365 с.
10. *Демурже А.* Рыцари Христа. Военно-монашеские ордены в Средние века, XI–XVI вв. / науч. ред. А.Ю. Карачинский. СПб.: Евразия, 2017. 542 с.
11. *Рансимен С.* Завоевания крестоносцев: королевство Балдуина I и францисканский Восток / пер. с англ. А.Б. Давыдовой. М.: Центрполиграф, 2020. 478 с.
12. *Рансимен С.* Основание Иерусалимского королевства: главные этапы Первого крестового похода / пер. с англ. Т.М. Шуликовой. М.: Центрполиграф, 2020. 287 с.
13. *Лучицкая С.И.* Крестовые походы. Идея и реальность. СПб.: Наука, 2019. 389 с.
14. *Менендес Пидаль Р.* Сид Кампеадор / пер. М.Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2017. 256 с.
15. *Хрусталева Д.Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб.: Евразия, 2012. 624 с.
16. *Урбан В.* Тевтонский Орден. М.: АСТ: Астрель, 2010. 413 с.
17. Западно-Европейский эпос: сб. / пер. А. Корсуна, Ю. Корнеева. СПб.: Азбука-классика, 2002. 988 с.
18. *Виолле-ле-Дюк Э.Э.* Жизнь и развлечения в Средние века / пер. с фр. С.Е. Еременко. СПб.: Евразия; М.: Клио, 2014. 380 с.
19. *Хорев В.Н.* Реконструкция старинного оружия. Ростов н/Д.: Феникс, 2011. 252 с.

20. Хабаров В.В. Реконструкторам о реконструкции // Реконструкция исторического костюма: сб. материалов Fashion-блока XV Междунар. фестиваля «Зиланткон». Казань, 2006. С. 5–12.

References

1. Polyakov S.I. Master istoricheskoy rekonstruktsii na stsene i v zhizni [Master of Historical Reenactment on Stage and in Real Life]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 4, pp. 174–189.
2. Oakeshott E. *The Archaeology of Weapons: Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry*. London, 359 p. (Russ. ed.: Okshott E. *Arkheologiya oruzhiya*. Moscow, 2006. 398 p.).
3. Huizinga J. *Homo Ludens. Chelovek igrayushchiy. Stat'i po istorii kul'tury* [Homo Ludens. Articles on Cultural History]. Moscow, 2003. 487 p.
4. Caillois R. *Les jeux et les hommes*. Paris, 1958. 378 p. (Russ. ed.: Kayua R. *Igry i lyudi*. Moscow, 2022. 288 p.).
5. Keen M. *Chivalry*. London, 1984. 303 p. (Russ. ed.: Kin M. *Rytsarstvo*. Moscow, 2000. 518 p.).
6. Barthélemy D. *La chevalerie: De la Germanie antique à la France du XIIIe siècle*. Paris, 2007. 522 p. (Russ. ed.: Bartelemy D. *Rytsarstvo. Ot Drevney Germanii do Frantsii XII veka*. St. Petersburg, 2012. 581 p.).
7. Huizinga J. *Herfsttij der Middeleeuwen: studie over levens- en gedachtevormen der veertiende en vijftiende eeuw in Frankrijk en de Nederlanden*. Haarlem, 1919 (Russ. ed.: Kheyzinga Y. *Osen' Srednevekov'ya*. Moscow, 2014. 538 p.).
8. Ferguson A.B. *The Indian Summer of English Chivalry: Studies in the Decline and Transformation of Chivalric Idealism*. Durham, 1960. 242 p. (Russ. ed.: Ferguyson A.B. *Zolotaya osen' angliyskoy rytsarstvennosti. Issledovanie upadka i transformatsii rytsarskogo idealizma*. St. Petersburg, 2004. 352 p.).
9. Fulcher of Chartres. *Ierusalimskaya istoriya* [A History of the Expedition to Jerusalem]. St. Petersburg, 2020. 365 p.
10. Demurger A. *Chevaliers du Christ: Les ordres religieux-militaires au Moyen Age (XIe-XVIe siècle)*. Paris, 2002. 407 p. (Russ. ed.: Demurzhe A. *Rytsari Khrista. Voенно-monasheskie ordeny v Srednie veka, XI–XVI vv*. St. Petersburg, 2017. 542 p.).
11. Runciman S. *A History of the Crusades. Vol. 2. The Kingdom of Jerusalem and the Frankish East, 1100–1187*. Harmondsworth, 1998. 532 p. (Russ. ed.: Ransimen S. *Zavoevaniya krestonostsev: korolevstvo Balduina I i frantsiskanskiy Vostok*. Moscow, 2020. 478 p.).
12. Runciman S. *A History of the Crusades. Vol. 1. The First Crusade and the Foundation of the Kingdom of Jerusalem*. London, 1994. 316 p. (Russ. ed.: Ransimen S. *Osnovanie Ierusalimskogo korolevstva: glavnye etapy Pervogo krestovogo pokhoda*. Moscow, 2020. 287 p.).
13. Luchitskaya S.I. *Krestovye pokhody. Ideya i real'nost'* [The Crusades. Idea and Reality]. St. Petersburg, 2019. 389 p.
14. Menéndez Pidal R. *Sid Campeador* [Cid Campeador]. St. Petersburg, 2017. 256 p.
15. Khrustalev D.G. *Severnnye krestonostsy. Rus' v bor'be za sfery vliyaniya v Vostochnoy Pribaltike XII–XIII vv*. [Northern Crusaders. Rus' in the Struggle for Spheres of Influence in the Eastern Baltics in the 12th–13th Centuries]. St. Petersburg, 2012. 624 p.
16. Urban W. *Tevtonskiy Orden* [The Teutonic Order]. Moscow, 2010. 413 p.
17. *Zapadno-Evropeyskiy epos* [Western European Epic]. St. Petersburg, 2002. 988 p.
18. Viollet-le-Duc E.E. *Zhizn' i razvlecheniya v Srednie veka* [Life and Entertainment in the Middle Ages]. St. Petersburg, 2014. 380 p.
19. Khorev V.N. *Rekonstruktsiya starinnogo oruzhiya* [Recreation of Ancient Weapons]. Rostov-on-Don, 2011. 252 p.
20. Khabarov V.V. Реконструкторам о реконструкции [To Reenactors About Reenactment]. *Rekonstruktsiya istoricheskogo kostyuma* [Recreation of a Historical Costume]. Kazan, 2006, pp. 5–12.

DOI: 10.37482/2687-1505-V313

Nikita O. Kharakterov

Lomonosov Moscow State University;

Leninskie gory 1, Moscow, 119991, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4380-3288> e-mail: xarakterov@yandex.ru

HISTORICAL REENACTMENT OF WAR AS A GAME, AGONAL AND EDUCATIONAL PRACTICE

This article deals with the main stages of historical reenactment, its differences from role-playing games as well as its use as a way of actualizing cultural memory. The author analyses this type of activity from the point of view of anthropology, cultural studies and sociology, based on the works of Johan Huizinga and Roger Caillois. Apparently, this hobby is popular among metropolitans due to an interest in a different way of life, from which unusual practices can be borrowed. Within the framework of historical reenactment as a game, scientific and educational practice, two main directions can be distinguished: military (recreation of ammunition and specific features of military art) and civilian (reenactment of the everyday life of a particular era). Both of them involve recreating material culture, mentality and behaviour. Three main types of historical reenactment can be singled out: military, artisan and educational. Particular attention is paid here to military reenactment as it emerged first. This type of activity has two aspects, one of which is related to the recreation of material culture, namely, the manufacture, storage and maintenance of recreated weapons, while the other is related to changing the way of thinking and behaviour of both the reenactors and the spectators at the event (in particular, to reenacting the culture of weapons handling) as well as to using the recreated weapons to visualize the educational process, and to the anthropomorphization of weapons. In addition, the article analyses the correlation between mediaeval chivalry and reenacted chivalry as the most vivid example of practices recreated and used in war reenactment.

Keyword: *historical reenactment, experimental archaeology, war reenactment, weapon reconstruction, cultural memory, J. Huizinga, R. Caillois.*

Поступила 15.05.2023
Принята 13.11.2023
Опубликована 25.12.2023

Received 15 May 2023
Accepted 13 November 2023
Published 25 December 2023

For citation: Kharakterov N.O. Historical Reenactment of War as a Game, Agonal and Educational Practice. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 105–115. DOI: 10.37482/2687-1505-V313

УДК 125+378.147

DOI: 10.37482/2687-1505-V304

*КОЧКИН Антон Андреевич, преподаватель кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации. Автор 25 научных публикаций, в т. ч. двух коллективных монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1251-6739>

ТРАНСГРЕССИЯ КАК СРЕДСТВО ПОНИМАНИЯ ГРАНИЦ ФОРМ ЗАНЯТИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

В настоящей работе исследуются вопросы, касающиеся границ организационных форм проведения занятий в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации. С одной стороны, существуют каноничные виды занятий: лекция, семинар и практическое занятие. С другой – многообразие методов, приемов, а также технологий, используемых педагогами, порождает новые способы организации (лекция-дискуссия, семинар-круглый стол, тренинг), что приводит к двум основным последствиям: во-первых, к увеличению числа подобных гибридов, которые тоже с течением времени входят в арсенал педагогов; во-вторых, к возникновению трудностей в разграничении организационных форм занятий, поскольку они генерируются, как правило, не в рамках традиционной образовательной технологии и, как следствие, приобретают черты иных, смежных форм (так, лекция становится похожей на семинар и наоборот). В связи с этим исследователи сталкиваются с некоторыми сложностями в определении сущности и границ отдельной устоявшейся формы проведения занятий. Трансгрессия как философская категория позволяет понять, что данное явление неизбежно, поскольку границы, выступающие в качестве разделителя отдельных форм и явлений, зачастую приобретают факультативную функцию, сущность которой заключается в том, что любая условная черта побуждает к преодолению самой себя. Иными словами, разграничение каких-либо феноменов подчеркивает взаимосвязь двух и более формально несвязанных между собой явлений, что иллюстрируется трансгрессией, показывающей в т. ч. диалектическую корреляцию между указанными формами занятий. В качестве решения проблемы, касающейся условных границы организационных занятий в высшей школе, вводится понятие «перформативная форма», которое, с одной стороны, нивелирует необходимость дифференцирования, а с другой – раскрывает природу самого занятия, которое стремится к тому, чтобы через дискурс стать перформативным актом.

Ключевые слова: трансгрессия, организационные формы проведения занятий, МВД России, высшая школа, перформанс, перформативная форма.

* Адрес: 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128; e-mail: kochkin@a-kochkin.ru

Для цитирования: Кочкин А.А. Трансгрессия как средство понимания границ форм занятий в образовательных организациях МВД России // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 116–124. DOI: 10.37482/2687-1505-V304

Современный генезис организационных форм проведения занятий в высшей школе может иметь несколько оснований и рассматриваться в различных аспектах.

Не вызывает сомнений, что определенные устоявшиеся организационные формы (лекция, семинар или практическое занятие) подразделяются на конкретные виды (лекция с заранее запланированными ошибками, лекция-модерация, семинар-коллоквиум, семинар-конференция), что, в свою очередь, может быть обусловлено общей образовательной традицией, доминирующей в группе учебных учреждений (например, в ведомственных образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России), для которых свойственно проведение тренировок как вид практического занятия).

Другим основанием многообразия организационных форм занятий может выступать определенная технология обучения, которой преподаватель отдает предпочтение. Благодаря этому, например, проблемная лекция или проблемный семинар, как нетрудно догадаться, будут проводиться в русле технологии проблемного обучения, а тренинг как вид практического занятия – в контексте технологии интерактивного обучения.

Кроме того, в качестве причины культивирования видов и форм проведения занятий может выступать личное предпочтение преподавателя, отдаваемое конкретному методу обучения или их группе. Так, если педагог часто использует репродуктивный метод, который, по не совсем ясной причине¹, является одним из наиболее популярных среди профессорско-преподавательского состава некоторых образовательных организаций МВД России, то занятия, которые он ведет, будут иметь (иногда непроизвольно) повторяющиеся паттерны, что негативно влияет на внимания аудитории.

Однако указанные особенности генерирования видов организационных форм проведения занятий касаются, как правило, какой-то определенной формы и мало что говорят про их взаимосвязь, кроме, пожалуй, двух очевидных вещей: во-первых, технология или метод обучения сближают разные по своей природе формы проведения занятий, которые реализуются по одной и той же технологии (например, проблемный семинар и проблемная лекция); во-вторых, существует известная логика взаимосвязи (последовательности) форм занятий, доминирующая в образовательных организациях МВД России (лекция – семинар – практическое занятие: послушали – рассказали – показали), хотя, как известно, не всегда такая логика находит свое воплощение в действительности, но тому виной могут быть разные причины, например специфика самой дисциплины (можно представить, конечно, семинары по огневой, строевой или физической подготовке, которые преимущественно проводятся в форме практических занятий, но крайне редко, спорадически, в расписании по указанным дисциплинам встречается и классический формат).

По нашему мнению, в настоящее время актуализируется иная тенденция, которая требует проработки, а именно изменение отношений к определению границ организационных форм проведения занятий. Причем мы имеем в виду не временные границы, когда преподаватель по тем или иным причинам укорачивает занятие или, наоборот, продлевает его, т. к. не успевает вовремя закончить, а говорим про «стирание» границ между самими формами занятия, про то, что видимая разница канонических форматов обучения постепенно сходит на нет и требует пересмотра сущности организации занятий в высшей школе вообще: занятие – это не столько процесс обмена знаниями, сколько акт,

¹Возможно, это обусловлено легкостью его применения, которая зиждется на минимальной ресурсозатратности со стороны как обучающегося, так и самого педагога. Либо всему виной может быть низкая мотивированность обучающихся и/или профессорско-преподавательского состава, которая, в свою очередь, приводит к двум интересным последствиям, связанным между собой: 1) низкой подготовленности к занятию обеих сторон учебного процесса и 2) минимизации использования разнообразных методов обучения.

представляющий относительно обособленное, завершенное действие, направленное на определенную аудиторию в целях воздействия и раскрытия концептуального замысла.

Трудно говорить о том, что процесс нивелирования границ между формами занятия – принципиально новое явление. Думается, что много лет назад (на заре возникновения института образования) как таковых организационных форм проведения занятий не существовало. Но это было давно.

Кажется, что и сейчас редемаркация границ между организационными формами занятий – достаточно устоявшееся явление. Возьмем, к примеру, школу, где ежедневно проводятся уроки, которые представляют собой одновременно и лекцию, и семинар, и практическое занятие. Конечно, у обучающихся есть занятия по физической подготовке, где они сдают нормативы, играют в спортивные игры и совершенствуют свои физические данные, технология, насколько нам известно, также не была исключена из школьной программы. Кроме всего прочего, в структуре уроков присутствует своя логика: так, занятие может быть разделено на две части. В первой учитель осуществляет устный или письменный опрос учеников, а во второй – читает мини-лекцию по новой теме, хотя многие, наверное, помнят примеры «негативной» логики, когда педагог в начале занятия объясняет новую тему, а под конец урока проводит по ней письменный опрос. Но здесь мы затронули только школьный уровень.

Что касается обучения в высшей школе, то «ретуширование» границ встречается и здесь. Говоря про специфику проведения занятий в образовательных организациях МВД России, мы хотим обратить внимание на тот факт, что опыт факультетов заочного обучения, переподготовки и повышения квалифика-

ции, профессиональной подготовки, где в силу специфики преподавания приходится работать со слушателями, имеющими опыт работы в территориальных органах внутренних дел (курсанты получают его только в период прохождения практики на старших курсах), показывает, что, вопреки превалированию в расписании слушателей практических занятий, процесс обучения происходит в смешанном формате, поскольку преподавателю необходимо развить различные компетенции обучающихся, а это может потребовать некоей трансформации формата занятия.

Например, проблемные аспекты проведения практических занятий возникают в процессе обучения кадрового резерва², поступившего в образовательную организацию системы МВД России в целях повышения квалификации, т. к. большое внимание при этом формате занятий уделяется вопросам составления различных процессуальных документов (в зависимости от дисциплины). Однако освоение данного навыка для этой группы обучающихся неактуально, поскольку у каждого присутствующего в аудитории выслуга в органах внутренних дел составляет не менее 10–15 лет.

Подобные примеры наводят на мысль о том, что формы занятий интегрируются, поскольку преподавателю, который организует образовательную деятельность, приходится дистанцироваться от методической разработки, содержащей примерный сценарий проведения «пары». В такой ситуации важно учитывать практические знания слушателей, которые вынуждают педагога использовать неклассические методы обучения.

При этом мы склонны думать, что чистых, рафинированных форм, которые можно четко идентифицировать, например, как семинар или как лекцию, крайне мало (если они есть вообще), в связи с тем, что трудно найти эталонный

²Группа обучающихся, состоящая преимущественно из руководителей среднего звена: начальников территориальных органов внутренних дел на региональном уровне субъекта Российской Федерации, их заместителей, начальников следственных отделов, входящих в указанные подразделения, начальников иных отделов, а также их заместителей.

пример организации занятия, поскольку любое изменение делает его не соответствующим аутентичному образцу.

Возьмем более ясный пример и постараемся понять, что такое лекция. В голову приходит пример традиционного занятия: профессор подходит к трибуне в аудитории и начинает рассказывать, подчас монотонно, обучающимся материал, практически с ними не взаимодействуя. Если же он начинает полемизировать со студентами, превращая традиционную лекцию в лекцию-дискуссию, то это уже не исследуемый формат обучения, а нечто иное – может быть, семинар, а может, уже не лекция, но еще не в полной мере семинар. Сказать однозначно трудно.

Благодаря подобным ситуациям, складывающимся на занятиях в образовательных организациях МВД России, не представляется возможным четко отделить одну организационную форму проведения занятия от другой, мы предлагаем называть «трансгрессивные тенденции», поскольку это нечто иное, чем просто интеграция, ассимиляция, интеракция или трансцендирование.

Мы придерживаемся формулировки, которая не раз встречается в диссертации С.М. Каштановой «Трансгрессия как социально-философское понятие» [1] и выстроена в контексте анализа идей Жоржа Батая [2] и Мишеля Фуко [3]: трансгрессия как то, что пребывает на грани (на границе) в прямом и переносном смысле. Так, Каштанова пишет: «Трансгрессивный опыт ставит человека на предел его собственной конечности. Очевидно, что человек, будучи существом биологическим, не в состоянии преодолеть свою конечность – для этого ему понадобилось бы умереть. Но опыт личной смерти человеку недоступен, он может лишь наблюдать смерть другого, идентифицируя себя с ним. И тем не менее трансгрессия дает

человеку опыт стояния на пределе, поскольку сама она есть фиктивное переживание смерти...» [1, с. 76]. Данная мысль – прямое следование идеям Жоржа Батая [4, с. 70].

Это не состояние суперпозиции, которое открыл Эрвин Шредингер, потому что в описанном им мысленном эксперименте рано или поздно становится очевидна судьба кота, который угодил не в ту коробку, не момент трансценденции, связанный с переходом в трансцендентное измерение, который предполагает или требует существования такого измерения³, не просто диффузия двух веществ, а скорее ситуация, в которой находится нечто благодаря определенной границе, где само наличие этой границы предполагает как бы «посягание» на нее саму и ее статус, для чего требуется преодоление естественного состояния этого нечто, потому как иначе оно не способно превозмочь свою же ограниченность.

При этом мы склонны полагать, что «пограничность» выступает в качестве нормального (постоянного) состояния, свойственного многим вещам и явлениям (поскольку, вероятно, многие из них имеют свои пределы), т. к. наличие границы предполагает ее нарушение, а сам этот процесс происходит закономерно, однако зачастую дискретно, спорадически. Но при анализе организационных форм проведения занятий данное правило, как нам кажется, работать не будет, потому что, как было сказано выше, статус границы конкретного формата занятия определить крайне трудно, и получается, что как таковой границы нет, а есть сложность в определении статуса учебного занятия.

Прежде чем мы продолжим экскурс в особенности трансгрессии, следует отметить тот факт, что, по нашему мнению, существуют явления, границы которых трудно определить.

³Интересный пример необходимости наличия трансцендентного измерения, которое как бы проливает свет истины на причину существования этого обыденного мира, является не только следствием желания людей, находящихся в посюстороннем мире, но и сущностей, обитающих в потустороннем измерении, дает Мирча Элиаде в «Аспектах мифа», вводя понятие «иерофания» (синоним эпифании), т. е. некое священнодействие, нисходящее в профанный мир, например при появлении божества во сне (см. [5]).

Это позволяет эксплицировать феномен трансгрессии, но о нем мы поговорим позже.

Во-первых, как кажется нам, трансцендентализм крайне жестко ставит вопрос онтологического статуса тех или иных явлений, поскольку показывает, что представление о феномене зависит от той системы координат, которую мы используем для его изучения (например, мир для ученого, богослова или художника будет иметь, скорее всего, три разных значения). Во-вторых, при определении границ тех или иных явлений мы не можем не столкнуться с антиномиями (например, мир может быть ограничен и безграничен в рамках одной парадигмы). В-третьих, вопрос установления четких границ тех или иных феноменов можно рассмотреть с позиции семиотики⁴, где знак стремится к тому, чтобы элиминировать границы между означаемым и означающим (о чем мы еще скажем ниже), а это, в свою очередь, приводит к тому, что всяческие границы «снимаются» при апелляции к сущности явления и сами, вероятно, того желают. Призыв в «снятию границ» и иллюстрирует трансгрессия.

Иными словами, границы можно нивелировать, если грамотно подобрать к числителю знаменатель (человек и кошка – две разные вещи, но они подпадают под одну категорию «существо»⁵, но здесь мы уже переходим к играм с понятиями, которые являются прерогативой логики). Таким образом, мы лишь допускаем, что существуют условия, в кото-

рых границы феноменов могут быть не всегда очевидны⁶. Но как именно подобные вопросы помогает решить трансгрессия в контексте понимания границ и сущности учебных занятий?

Фуко пишет: «Трансгрессия – это жест, который обращен на предел» [7, с. 117]. Можно сказать, что здесь французский философ подразумевает лишь «обозначение обозначения», т. е. он говорит про некое указание на возможные границы, которые в т. ч. благодаря этому жесту и очерчиваются, следовательно, мыслитель обозначает то, что может быть или должно быть обозначено. В данном случае, используя слово «обозначение», мы имеем в виду обозначение границы, однако имплицитно семантика слова уже предполагает некое ограничение в смысле выстраивания границ, отделение одного от другого, хотя при этом граница сама по себе имеет и интегративные свойства, т. к. не только выступает неким инструментом, который обособляет нечто, но и соединяет его с другим нечто посредством разъединительной границы. Так, мы через обозначение указываем на то, что может иметь некий суверенитет, его мы наделяем самыми широкими смыслами, которые не ограничены только политическими и юридическими контекстами, т. е. суверенитет в данном случае предполагает, скорее, легитимность нахождения в указанных границах (пределах) и, одновременно, выстраивания указанных ограничений.

Спорным в данном случае остается предполагаемый коммуникативный аспект: если субъект

⁴В качестве примера можно упомянуть другие подходы и концепции, которые в той или иной степени наглядно иллюстрируют, как меняется отношение к определению границы различных феноменов. Например, один из основателей акторно-сетевой теории Бруно Латур активно выступал за использование термина «ассоциология», поскольку считал, что в социальном взаимодействии участвуют не только люди, но и иные акторы, что значительно расширяет границы социальной реальности [6].

⁵Хотя можно уходить все дальше и дальше и упереться в «нечто». Не стоит забывать, что достаточно большой кластер вещей можно свести к категории «нечто», однако в этом будет мало исследовательской ценности, т. к. все сводится к логическим операциям. Тем не менее такого рода манипуляции с понятиями подчас могут открыть глаза на природу явлений.

⁶Интересный пример приводится в японском анимационном сериале 1998 года «Эксперименты Лейн». В нем ставятся вопросы о границах реального и виртуального миров, пределах человеческого сознания, ограниченности бытия Бога и коллективного бессознательного (если о границах коллективного бессознательного вообще уместно говорить).

не ограничивает себя, то кто-то иной может быть ограничен. То есть в режиме ограниченности ресурсов, пространства, объема прав существует некая предельность, устанавливающая, условно говоря, «квоту», в которой происходит дальнейшее разграничение (в качестве примера можно взять наш земной шар (суша ограничена, а за пределами Земли пока сложно осваиваться людям) или же часть 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации⁷, которая предполагает разумное использование своих прав, дабы не ущемлять права других людей). Но это мы описали только первый аспект, вытекающий из сентенции Фуко.

Второй аспект, который немаловажно учитывать при интерпретации высказывания философа относительно сущности трансгрессии⁸, есть момент указывания. Сам жест, о котором говорит Фуко, одновременно предполагает три вещи: указание на границу, ее обозначение, создание данной границы посредством указания на нее. С одной стороны, здесь есть элемент чистой перцепции: мы обращаем внимание на что-то, что доселе не находилось в нашем поле зрения, затем оно проникает в наше сознание, и теперь мы можем это воспринимать. С другой – этот момент витализирует определенную вещь благодаря тому, что ее границы были очерчены путем указания на нее, она начинает «быть», теперь она существует и в пространстве-времени, и в нашем сознании. Конечно, данный тезис отдает солипсистскими нотками, т. к. говорит о свойстве определенного, индивидуального сознания: та или иная вещь могла до этого существовать для иных индивидов, в сознании которых она оказалась благодаря восприятию. Однако мы должны сделать оговорку и сказать, что не исключаем возможность существования вещи самой по себе, но не как вещи-в-себе, а скорее как объекта материального мира, который существует или сосуществует

с иными объектами, т. е. у такой вещи как объекта материального мира есть некая определенная суверенность по отношению к индивидуальному сознанию. При этом именно сознательный, творческий опыт может сделать из нее чистое в-себе-бытие, потому что сознание концептуализирует ее, создавая для нее новые смысловые границы. Вот что пишет Курт Хюбнер, интерпретируя идеи Сартра в контексте авангардистского искусства начала XX века: «Художник-дадаист предпочитает выбирать в качестве “objet trouve” банальные и тривиальные предметы повседневной жизни, как, например, тот унитаз, который Дюшан выставил на обозрение, вызвав отвращение публики... По-видимому, это то, что Сартр называл чистым в-себе-бытием, вещами в себе: оно есть вне каких бы то ни было связей...» [8, с. 286].

Кроме всего прочего, следует отметить, что жест, про который говорит Фуко, может иметь квазимистический или фиктивный смысл, когда сам жест, обращенный, так сказать, на предел, т. е. на некую границу, создает ее, порождая пространство, строящееся из этих границ. При этом он лишен каких бы то ни было перцептивных обертонов: нечто не появляется в сознании и не начинает восприниматься благодаря тому, что на него указали, а оно как бы создается за счет формирования границ. Квазимистический смысл создания границ, как нам кажется, прекрасно показан на картине Уильяма Блейка «Великий архитектор», когда жест, представляющий собой оттопыривание указательного пальца от сложенных вместе остальных пальцев руки (большой палец спрятан за указательным), создает угол в 90°, который постепенно начинает выстраиваться из золотых солнечных линий, идущих от ладони, т. е. жест создает нечто новое посредством мистического опыта (квазимистический же он по причине умозрительной природы: мы говорим лишь о

⁷Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12.12.1993), (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой сист. «Гарант».

⁸Особенно эффективно, как нам кажется, его можно экстраполировать на плоскость понимания границ организационных форм проведения занятий.

картине). Фиктивный же смысл может проявляться, например, в очерчивании границ муниципальных образований или размежевании земельных участков. Фиктивен он потому, что, по сути, территория остается на том же месте, однако делится условными линиями, которые показывают лишь пределы, делегированные правовыми или нормативно-правовыми актами⁹.

С.М. Каштанова, рефлексировав над приведенным тезисом Фуко, пишет: «Трансгрессия в этой перспективе понимается нами как неприятие и потому оспаривание крайних пределов, как манифестация человеческого несогласия признать их власть над собой и своей жизнью» [1, с. 39]. Здесь нас больше всего интересует момент манифестации, который характерен также для различного рода занятий в высшей школе.

Возвращаясь к теме границ организационных форм занятий в образовательных организациях МВД России и учитывая сказанное нами выше, мы полагаем некорректным выделять конкретные форматы занятий: лекцию, семинар и практическое занятие, но предлагаем называть их перформативными формами¹⁰.

Во-первых, данный подход подчеркивает интерактивные связи между преподавателем

и аудиторией, которые, по нашему мнению, имплицитно преобладают в любой традиционной форме занятия.

Во-вторых, отдельный вид занятия не представляется возможным называть «чистым» перформансом, поскольку в таком случае он элиминирует возможное многообразие форматов, т. е. мы возвращаемся к исходной точке («вот это перформанс, а это нет»)¹¹.

В-третьих, учитывая общеуниверситетские тенденции по повышению уровня мастерства преподавания за счет проведения показательных, открытых и конкурсных занятий, а также принимая во внимание положения приказа МВД России от 19 сентября 2022 года № 691¹², утверждающего особенности организации образовательной деятельности в вузах МВД России, закрепляющего указанные виды занятий в качестве форм методической работы на формально-нормативном уровне, мы склонны думать, что занятие должно стремиться стать перформативным актом, т. е. актом, представляющим собой целостное произведение.

При этом перформанс не делает ставку на развлечение, в отличие от всяческих форм дивертисмента. Полагаем, что у перформанса существуют две основные задачи: представление,

⁹На зачатки подобных практик уже у древних греков неоднократно указывает Э. Кассирер (см. [9]).

¹⁰Данной идеей, которая зиждется на принципе манифестации, указанном С.М. Каштановой, мы обязаны трудам Пьера Бурдьё. Так, например, в статье «Социальное пространство и символическая власть» он говорит о том, что символическая власть является одним из видов перформативного дискурса, т. е. эта способность к демонстрации и реализации власти посредством использования тех или иных символов, базирующаяся на манипулировании иными видами капитала (информационного, экономического и др.), имеет перформативную природу, направленную на то, чтобы быть воспринимаемой (см. по этому поводу [10, с. 85]).

¹¹То есть мы хотим сказать, что такие аспекты перформанса, как наличие акта (действия), интенции (направленности на аудиторию и ее направленности на педагога), воспринимаемость акта и концептуальное содержание (замысел занятия, его цели, методы, приемы и методики, применяемые педагогом для достижения указанных им целей), присущи всем занятиям, независимо от канонических видов, которые известны нам.

¹²Об утверждении Особенности организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, дополнительным профессиональным программам и основным программам профессионального обучения, Особенности организации и осуществления методической и научной (научно-исследовательской) деятельности в области подготовки кадров в интересах обеспечения законности и правопорядка, а также деятельности федеральных государственных организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 19.09.2022 г. № 691. Доступ из справ.-правовой сист. «Гарант».

экспликация чего-либо (знания, информации, материала) и интеракция (хотя бы на уровне визуализации), т. к. каждое представление требует наличия зрителя, что соответствует в достаточной мере целям обучения¹³.

Такой опыт позволяет нам редуцировать многообразие различных организационных форм занятий в высшей школе, свести все их к перформативным формам, предоставляя творческий

простор для выбора приемов и методов обучения профессорско-преподавательскому составу, который тогда не будет ограничен рамками традиционных форм обучения.

В любом случае нужно быть аккуратными с переходами между формами: ненароком лекция с заранее заготовленными ошибками может превратиться в семинар с заранее не проработанными проблемами.

Список литературы

1. Каштанова С.М. Трансгрессия как социально-философское понятие: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2016. 203 с.
2. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб.: Аксиома: Мифрил, 1997. 333 с.
3. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум: Касталь, 1996. 446 с.
4. Батай Ж. История эротизма. М.: Логос: Европ. изд., 2007. 200 с.
5. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В.П. Большакова. 4-е изд. М.: Акад. Проект, 2010. 251 с.
6. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 384 с.
7. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Ж. Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994. С. 111–132.
8. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
9. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. II: Мифологическое мышление / пер. с нем. С.А. Ромашко. М.: Акад. Проект, 2011. 279 с.
10. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т эксперим. социологии: Алетейя, 2005. 288 с.
11. Барт Р. Camera lucida: комментарий к фотографии. М.: Ad Marginem, 2011. 272 с.
12. Барт Р. Империя знаков. М.: Ad Marginem, 2023. 168 с.

References

1. Kashtanova S.M. *Transgressiya kak sotsial'no-filosofskoe ponyatie* [Transgression as a Socio-Philosophical Concept: Diss.]. St. Petersburg, 2016. 203 p.
2. Bataille G. *L'expérience intérieure*. Paris. 1954. 309 p. (Russ. ed.: Batay Zh. *Vnutrenniy opyt*. St. Petersburg, 1997. 333 p.).
3. Foucault M. *Volya k istine: Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: On the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality]. Moscow, 1996. 446 p.
4. Bataille G. *Istoriya erotizma* [The History of Eroticism]. Moscow, 2007. 200 p.
5. Eliade M. *Aspects du mythe*. Paris, 1963. 246 p. (Russ. ed.: Eliade M. *Aspekty mifa*. Moscow, 2010. 251 p.).

¹³Еще одно важное замечание, которое необходимо сделать относительно перформативных практик в контексте восприятия [11], заключается в том, что занятие в высшей школе, которое предполагает наличие определенного уровня абстракции, стремится, подобно любому знаку, стать, говоря языком Ролана Барта, «пустым знаком», т. е. перейти в ту форму, когда означающее эксплицирует означаемое и таким образом граница между означаемым и означающим становится фиктивной, но остается для сохранения статуса-кво символа (см., например, [12]). В отечественной культуре ярким примером «пустого знака» может служить забор ПО-2, придуманный Борисом Лахманом, производство которого было запущено в 1974 году. Здесь крайний утилитаризм балансирует с филигранной фантазией архитектора, которому, по нашему мнению, удалось создать идеальную форму, если под идеальной формой понимать такое внешнее выражение объекта, которое без потерь эксплицирует его содержание.

6. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford, 2005. 301 p. (Russ. ed.: Latur B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. Moscow, 2014. 384 p.).
7. Foucault M. О transgressii [On Transgression]. *Tanatografiya Erosa: Zh. Batay i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka* [Thanatography of Eros: G. Bataille and the French Thought of the Mid-20th Century]. St. Petersburg, 1994, pp. 111–132.
8. Hübner K. *Die Wahrheit des Mythos*. München, 1985 (Russ. ed.: Khyubner K. *Istina mifa*. Moscow, 1996. 448 p.).
9. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. II. Mifologicheskoe myshlenie* [Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2. Mythological Mentality]. Moscow, 2011. 279 p.
10. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [The Sociology of Social Space]. St. Petersburg, 2005. 288 p.
11. Barthes R. *La Chambre claire: Note sur la photographie*. Paris, 1980 (Bart R. *Camera lucida: Kommentariy k fotografii*. Moscow, 2011. 272 p.).
12. Barthes R. *L'empire des signes*. Geneva, 1970. 151 p. (Russ. ed.: Bart R. *Imperiya znakov*. Moscow, 2023. 168 p.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V304

Anton A. Kochkin

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation;
ul. Yaroslavskaya 128, Krasnodar, 350005, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1251-6739> e-mail: kochkin@a-kochkin.ru

TRANSGRESSION AS A WAY OF UNDERSTANDING THE BOUNDARIES OF TYPES OF CLASSES IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

This paper examines the issues concerning the boundaries of types of classes in the educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. On the one hand, there are canonical types of classes, such as lectures, seminars and practicals. On the other hand, the variety of methods, techniques and technologies used by teachers give rise to new types of classes (lecture-discussion, seminar-round table, training). This leads to two main consequences: firstly, to the creation of more such hybrids, which get canonized over time, and, secondly, to difficulties in distinguishing between the classes, since they, as a rule, are not generated within the framework of traditional educational technology and, as a result, acquire features of other, related types (thus, a lecture becomes more like a seminar, and vice versa). In this regard, researchers face certain challenges in determining the essence and boundaries of the established types of classes. Transgression as a philosophical category makes it clear that this is an inevitable phenomenon, since boundaries, acting as a separator of certain forms and phenomena, often acquire an optional function, the essence of which is that any conventional feature encourages one to overcome it. In other words, delimitation emphasizes the relationship between two or more formally unrelated phenomena, which is illustrated by transgression showing a dialectical correlation between the named types of classes. As a solution to this problem concerning the conventional boundaries of types of classes in higher education, the authors suggest using the term *performative type*, which, on the one hand, eliminates the need to differentiate between various types of classes and, on the other hand, describes the nature of the activity, which gravitates towards becoming a performative act through discourse.

Keywords: *transgression, types of classes, Ministry of Internal Affairs of Russia, higher education institution, performance, performative type.*

Поступила 05.07.2023
Принята 06.12.2023
Опубликована 25.12.2023

Received 5 July 2023
Accepted 6 December 2023
Published 25 December 2023

For citation: Kochkin A.A. Transgression as a Way of Understanding the Boundaries of Types of Classes in the Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 116–124. DOI: 10.37482/2687-1505-V304

ГОЛДИН Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 650 научных публикаций, в т. ч. 30 монографий (4 – в соавт.) и 6 учебных пособий (трех – в соавт.)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОРУМ ИСТОРИКОВ: СОСТОЯНИЕ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В РОССИИ

Статья посвящена итогам Второго национального форума преподавателей истории, состоявшегося в Тобольске в октябре 2023 года. В ней раскрываются основные результаты этого форума, содержание работы его секций и пленарного заседания, называются и характеризуются основные доклады и выступления ученых и преподавателей вузов, руководителей Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Государственной Думы, Российской академии наук, Российской академии образования, Российского исторического общества и других организаций. Анализируются значение данного мероприятия для развития исторической науки и высшего образования в России и повестка его будущего заседания, планируемого на 2024 год.

Ключевые слова: *Второй национальный форум преподавателей истории, историческая наука, историческое образование, актуальные проблемы, деятельность диссертационных советов.*

20 октября 2023 года в г. Тобольске во второй раз состоялся Второй национальный форум преподавателей истории. Инициатива проведения данного мероприятия принадлежит Министерству науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки РФ). Выбор этого старинного и поистине истори-

ческого российского города далеко не случаен, ибо, попадая сюда, вы оказываетесь в исторической ауре, центром которой выступает фантастически красивый Тобольский кремль, где и проходил форум.

Его организаторами выступили Минобрнауки, Российское историческое общество (РИО),

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Для цитирования: Голдин В.И. Национальный форум историков: состояние, актуальные проблемы и перспективы исторического образования и науки в России // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 125–129. DOI: 10.37482/2687-1505-V315

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Тюменский государственный университет и его филиал – Тобольский государственный педагогический институт. Форум посетили примерно 150 представителей исторической науки и вузов всех регионов страны. Участие в его работе приняли руководители Минобрнауки РФ, Российской академии наук (РАН), РИО, председатель Комитета по науке и высшему образованию Государственной Думы Федерального Собрания РФ, видные ученые. Их имена и темы выступлений будут названы далее в ходе характеристики ключевых идей их докладов.

Второй форум преподавателей истории начал свою работу с секций, которых было три. Название первой звучало так: «Методическое обеспечение преподавания истории в высшей школе». Ее модераторами являлись д-р ист. наук, председатель Правления РИО, исполнительный директор фонда «История Отечества» Р.Г. Гагкуев и д-р ист. наук, директор Института истории и международных отношений Южного федерального университета М.А. Пономарева. В центре обсуждения на секции находились проблемы преподавания истории для неисторических специальностей и направлений подготовки. Были заслушаны доклады М.А. Пономаревой, канд. социол. наук, доцента, руководителя Центра экспертизы и образования Российской академии образования (РАО) Д.А. Метелкина, канд. ист. наук, доцента Института экономики и права МИРЭА – Российского технологического университета Е.Б. Беспятовой, д-р ист. наук, профессора, декана исторического факультета Тверского государственного университета, Т.Г. Леонтьевой и канд. ист. наук, советника редактора акционерного общества «Издательство “Просвещение”» С.В. Тырина.

Вторая секция форума была посвящена теме «Национальная электронная библиотечная система по истории». Модераторами этой секции выступали д-р ист. наук, декан истфака Историко-архивного института РГГУ Е.В. Барышева и д-р ист. наук, профессор кафедры истории Тюменского государственного университета С.П. Шилов. На

секции были представлены доклады С.П. Шилова, канд. ист. наук, доцента, руководителя Школы исторических наук Национального исследовательского университета (НИУ) «Высшая школа экономики» Г.О. Бабковой, д-р ист. наук, проректора Самарского НИУ имени академика С.П. Королева М.М. Леонова, д-р ист. наук, профессора Волгоградского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ И.О. Тюменцева и директора издательства «Наука» Н.Н. Федосеевкова, посвященные различным проблемам формирования и использования электронной библиотечной системы по истории в образовательном процессе.

Третья секция называлась «О деятельности диссертационных советов по историческим специальностям и перспективах развития исторической науки». Формированию этой секции, обсуждению и решению актуальных вопросов аттестации научных и научно-педагогических работников Минобрнауки РФ уделяет особое внимание, понимая, что от состояния исторической науки и уровня подготовки кадров во многом или даже в решающей степени зависит качество преподавания истории в высшей школе. Модераторами секции являлись д-р ист. наук, профессор, проректор по учебной работе РГГУ, председатель экспертного совета Высшей аттестационной комиссии по истории П.П. Шкаренков и д-р ист. наук, профессор, директор Центра исторических и политических наук Севера и Арктики Северного (Арктического) федерального университета (САФУ), заслуженный деятель науки РФ В.И. Голдин.

Начальник отдела аналитической работы Департамента аттестации научных и научно-педагогических работников Минобрнауки РФ О.В. Кулямин сделал сообщение по теме «Показатели деятельности сети диссертационных советов по историческим наукам». П.П. Шкаренков выступил с докладом «Проблемы и задачи диссертационных советов по историческим наукам» и ответил на многочисленные вопросы участников секции. Наиболее развернутое выступи-

пление, посвященное истории формирования и функционирования системы аттестации научных и научно-педагогических работников в России и мире с истоков и на протяжении нескольких веков, ее опыту деятельности, современному состоянию и проблемам аттестации в России, представил автор этих строк.

Доклады на этой секции сделали также д-р ист. наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Санкт-Петербургского института истории РАН А.В. Сиренов, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории Оренбургского государственного педагогического университета С.В. Любичанковский и аспирант Института российской истории РАН, координатор молодежного клуба РИО И.А. Кулаков.

Во второй половине дня состоялось пленарное заседание и расширенное заседание Экспертного совета по развитию исторического образования при Минобрнауки. Открыл его вступительным словом ректор Тюменского госуниверситета И.С. Романчук. С приветствием к участникам форума по видеосвязи обратился председатель РИО С.Е. Нарышкин, поставивший целый ряд острых и актуальных вопросов исторического образования и науки в стране, указав на их значимость для и ее внутренней и внешней политики, общественно-политической жизни.

Прибывший в Тобольск и выступивший перед участниками форума министр науки и высшего образования РФ В.Н. Фальков назвал данный форум площадкой для развития высшего исторического образования. Он отметил, что в этом году стартовал новый курс истории с упором на контактную работу со студентами, живое общение с ними. Министр подчеркнул особую значимость развития кадрового потенциала исторических кафедр, ибо ранее профессиональное ядро составляли старые преподаватели, а сейчас необходимо формирование научной смены и нового поколения. Поэтому в рамках данного мероприятия и состоялась специальная секция, посвященная аттестации научных и научно-педагогических кадров и работе диссертационных советов, а на следующий год планируется специально обсудить пробле-

мы аспирантуры. Проведение очередного форума планируется связать и с 300-летием РАН. Министр подчеркнул важность введения учебника истории для неисторических специальностей. Назвав Тобольск историческим местом силы и центром исторического образования, где собираются современные преподаватели истории, В.Н. Фальков добавил, что это и своего рода интеллектуальное пиршество. Таким образом, Тобольск стал и продолжит оставаться в дальнейшем местом проведения национального форума преподавателей истории.

Заметим, что в ходе пленарного заседания форума В.Н. Фальков вручил благодарственные письма за своей подписью с формулировкой «За значительный личный вклад в развитие исторического образования» группе ученых и преподавателей вузов, среди которых были ректор САФУ, профессор Е.В. Кудряшова и автор этих строк.

Выступивший перед участниками форума председатель Комитета по науке и высшему образованию Государственной Думы С.В. Кабышев подчеркнул особое значение истории в формировании и закреплении традиционных духовно-нравственных ценностей, примирении настоящего с прошлым. Он указал на важность формулирования единой консолидированной позиции в обществе по вопросу исторического прошлого. С.В. Кабышев высказал также интересную и важную мысль о необходимости введения для повышения статуса отечественной истории государственного экзамена по данной дисциплине для выпускников вузов.

Губернатор Тюменской области А.В. Моор справедливо подчеркнул в своем выступлении, что помимо знания истории необходимо ее понимание и уважение, и назвал историю информационным оружием. Он отметил уже десятилетие деятельности исторического общества в Тюменской области, а также создание его молодежного объединения. А.В. Моор указал на важность подключения учительства к работе этого исторического форума.

С приветствием к участникам по видеосвязи обратилась президент РАО О.В. Васильева,

подчеркнув тесное сотрудничество РАО с Минобрнауки и РИО по проблемам повышения качества исторического образования в стране и отметив наиболее важные проекты, направления и результаты этого сотрудничества.

Участники форума заслушали интересное выступление заместителя министра науки и высшего образования РФ, сопредседателя РИО К.И. Могилевского «Развитие исторического образования в высшей школе: промежуточные итоги и перспективы». Он подчеркнул, что национальный форум преподавателей истории, впервые проведенный в 2022 году в Тобольске, стал уже доброй традицией. К.И. Могилевский справедливо назвал историков универсальными аналитиками, указав, что выпускники университетов по этой специальности востребованы в разных сферах жизни и профессиональной деятельности. Он подчеркнул, что в центре обсуждения на следующем форуме должны оказаться вопросы аспирантуры, что станет органичным продолжением темы аттестации научных и научно-педагогических работников, поднятой и обсужденной в одной из секций данного форума, ибо подготовка и аттестация научных кадров – это взаимосвязанные и неразрывные процессы.

В дальнейшем, уже в разговоре с автором этих строк, К.И. Могилевский согласился с высказанными идеями возможного привлечения к участию в форуме, посредством диалога с министром просвещения России С.С. Кравцовым, руководителей учительских объединений страны по истории, а также организации выступлений видных ученых-историков, участников форума перед учителями истории Тюменской области.

Академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН, президент Государственного академического университета гуманитарных наук, сопредседатель РИО А.О. Чубарьян выступил перед участниками форума по видеосвязи с докладом «Состояние и перспективы преподавания всеобщей истории. Итоги мониторинга». Он указал на целый ряд важных, острых и актуальных проблем всеобщей истории

в контексте современности Европы и мира. Академик отметил, в частности, что ученые постсоветских государств на территории Средней Азии вдруг заговорили сегодня о своем якобы колониальном прошлом в составе России, хотя этого на самом деле никогда не было. А.О. Чубарьян призвал к специальному обсуждению темы империи, имперства и колониализма на специальном форуме и в диалоге с коллегами-историками из упомянутых государств, раскрыв сущность колониализма, чтобы снять имеющее место спекуляции на данную тему.

Академик и вице-президент РАН, директор Института археологии РАН Н.А. Макаров представил доклад «Археологические исследования в современной России: академические аспекты и общественное значение». Он назвал Тобольск духовной столицей России и напомнил, что этот город был в прошлом местом сбора академических экспедиций для изучения Сибири. Н.А. Макаров указал на большой интерес общественности к истории, создаваемым археологическим картам, отметив, что Институт археологии получает ежегодно до полумиллиона обращений граждан. Он подчеркнул важность цифровизации исторической науки, призвал не потерять из виду Средневековую Русь с ее культурными и историческими ценностями, в которой Тобольск являлся самой восточной точкой, чтобы выдержать конкуренцию с другими мировыми культурами. Н.А. Макаров рассказал о последних открытиях отечественных археологов, работающих не только в России, но и в Средней Азии, Казахстане, на территории Республики Чад и др.

Директор Института российской истории РАН, д-р ист. наук, профессор Ю.А. Петров рассказал о работе большого коллектива историков под эгидой этой организации над 20-томной академической «Историей России», а также над созданием учебника истории для неисторических специальностей вузов и школьных учебников. Готовится 6 модулей учебника истории для высшей школы. Он подчеркнул, что РАН и ее специалисты должны дать достоверную картину

исторического прошлого для преподавания данной дисциплины не только в вузах, но и в школе. Ю.А. Петров отметил необходимость тщательной экспертизы учебников, в т. ч. их обсуждения совместно с Общественной палатой РФ. Он указал, что в учебник истории должна органично войти и всеобщая история, чтобы показать вклад России в мировой исторический процесс.

В заключительной части пленарного заседания выступили профессор, академик Российской академии художеств, ректор Российского социального университета А.Л. Хазин, директор Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального универ-

ситета Р.Р. Хайрутдинов, уже отмеченная выше М.А. Пономарева, а также канд. ист. наук, директор Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, заведующая кафедрой всеобщей истории САФУ О.В. Зарецкая. По видеосвязи к участникам форума обратился первый заместитель генерального директора Российского общества «Знание» Д.В. Рыбальченко.

Подводя итоги, следует отметить, что Второй национальный форум преподавателей истории прошел на высоком уровне. Хочется поблагодарить его организаторов и выразить надежду на новую встречу в Тобольске в следующем году.

DOI: 10.37482/2687-1505-V315

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267> e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

NATIONAL FORUM OF RUSSIAN HISTORIANS: CURRENT STATE, TOPICAL ISSUES AND PROSPECTS OF HISTORICAL EDUCATION AND SCIENCE IN RUSSIA

This article dwells on the Second National Forum of History Teachers which took place in Tobolsk in October 2023. The paper covers the forum's main results as well as the work of its sections and plenary session and characterizes the key reports and speeches by scholars and university teachers, leaders of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, State Duma, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Education, Russian Historical Society and other organizations. In addition, the article analyses the forum's significance for the development of historical science and higher education in Russia, as well as the agenda of the next forum scheduled to be held in 2024.

Keywords: *Second National Forum of History Teachers, historical science, historical education, topical issues, work of dissertation councils.*

Поступила 22.10.2023
Принята 17.11.2023
Опубликована 25.12.2023

Received 22 October 2023
Accepted 17 November 2023
Published 25 December 2023

For citation: Goldin V.I. National Forum of Russian Historians: Current State, Topical Issues and Prospects of Historical Education and Science in Russia. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 125–129. DOI: 10.37482/2687-1505-V315

УДК 030(470.11)

DOI: 10.37482/2687-1505-V314

КУДРЯШОВА Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 250 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0684-3856>

БАЗАРКИНА Валентина Павловна, главный редактор редакции Поморской энциклопедии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 21 научной публикации**

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5866-8654>

СОЗДАНИЕ «ПОМОРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ» НА АРХАНГЕЛЬСКОМ СЕВЕРЕ: ИСТОРИЯ, ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

В статье раскрывается история создания пятитомной Поморской энциклопедии. Региональная энциклопедия объединяет и структурирует современное знание о наиболее значимых событиях истории, экономики, культуры Архангельского Севера, его географии и природных условиях. Это фундаментальное издание отличается исследовательской глубиной разработки ключевых проблем Поморья, продуманностью персонифицированных статей, тщательностью библиографического обеспечения. Авторы рассказывают и о трудностях, с которыми пришлось столкнуться при работе с проектом такого масштаба.

Ключевые слова: Архангельский Север, Архангельская область, М.В. Ломоносов, Ломоносовский фонд, Поморская энциклопедия, Поморье.

Идея создания региональной энциклопедии для Архангельской области была предложена А.А. Михайловым, доктором филологических наук, секретарем правления Союза писателей Союза Советских Социалистических Республик (СССР), главным научным сотрудником Института мировой литературы Российской академии наук (РАН), выпускником Архангельского государственного педагогического института имени М.В. Ломоносова (в 1991 году

преобразован в Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ПГУ)). Эту инициативу поддержали ученые ПГУ во главе с ректором В.Н. Булатовым.

Весной 1993 года было проведено первое обсуждение проекта будущей энциклопедии. Бурная дискуссия развернулась вокруг названия: «Энциклопедия Архангельской области» или «Поморская энциклопедия», а также количества томов. Архангельская область рас-

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: e.kudryashova@narfu.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 1; e-mail: v.bazarkina@narfu.ru

Для цитирования: Кудряшова Е.В., Базаркина В.П. Создание «Поморской энциклопедии» на Архангельском Севере: история, опыт и проблемы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 130–137. DOI: 10.37482/2687-1505-V314

положена на севере европейской части России. Согласно Уставу Архангельской области в ее состав входят Ненецкий автономный округ, который одновременно является равноправным субъектом Российской Федерации (РФ), архипелаги Соловецкие острова, Земля Франца-Иосифа, Новая Земля, острова Колгуев, Вайгач и др. На острове Рудольфа Земли Франца-Иосифа расположена самая северная островная точка России, Европы и Евразии – мыс Флигели. Побережье области на протяжении 3 тыс. км омывают холодные воды трех морей Северного Ледовитого океана: Белого, Баренцева и Карского. Таким образом, название «Энциклопедия Архангельской области» сузило бы исторические границы региона. Ведь нынешняя Архангельская область в разные времена входила в состав более крупных регионов или дробилась на части. Заволочье (XI–XIV века), Двинская земля (XIV–XVII века), Двинской уезд (XVII – начало XVIII века), Архангелогородская губерния (1708–1780), Архангельская губерния (1796–1918, 1920–1929), Северная область (1918–1920), Северный край (1929–1936), Северная область (1936–1937) – ступени развития Архангельской области, которая 23 сентября 1937 года обрела нынешнее название и границы. Согласились с тем, что исторически правильно будет говорить не об Архангельской области, а об Архангельском Севере.

Российский историк XVIII века В.Н. Татищев в своей «Истории Российской» (написанной в 1739–1750 годах) употребляет термин ПОМОРЬЕ – «...северная часть России, в которой все по берегу Белого и Северного моря, от границы Карелии с финнами на восток до гор Великого Пояса, или Урала, заключается». Новгородские ушкуйники, вышедшие к побережью Белого моря в XI веке, обрели на Крайнем Севере новую родину, а их потомки стали называться поморами. Доктор исторических наук В.Н. Булатов в учебном пособии «Русский Север» определял ПОМОРЬЕ как историческое название территории на севере европейской части России. Исходя из этого, принято решение назвать «Поморской энциклопедией» региональное научное издание универсального типа

в пяти томах: I том – «История Архангельского Севера», II – «Природа Архангельского Севера», III – «Экономика Архангельского Севера», IV – «Культура Архангельского Севера», V – «Города, районы, люди Архангельского Севера». Перед создателями каждого тома стояли задачи выявления, сохранения и распространения достоверной информации об Архангельском Севере, сведений по многим отраслям знаний и практической деятельности, освещающих комплексные проблемы развития данной территории от древнейших времен до наших дней. К работе подключился Межрегиональный общественный Ломоносовский фонд, ставший организатором и академическим центром создания энциклопедии. Ломоносовский фонд – это межрегиональная общественная организация, созданная в Архангельске в декабре 1992 года для поддержки ученых Севера, продолжающих подвижническую деятельность М.В. Ломоносова, направленную на развитие отечественной науки, культуры, просвещения. По инициативе Ломоносовского фонда подготовка Поморской энциклопедии вошла в Программу развития сферы культуры Архангельской области на 1996–2000 годы, утвержденную администрацией Архангельской области и Министерством культуры России. В 1993 году создан научно-редакционный совет энциклопедии, который возглавил наш земляк – вице-президент РАН, академик Н.П. Лаверов, утвержденные главные редакторы томов. В состав совета вошли первые руководители области, ректоры вузов, генеральный директор Ломоносовского фонда, главные редакторы всех пяти томов, известные ученые и общественные деятели. Перед главными редакторами томов стояли следующие задачи: подобрать членов редколлегии, составить словники и определить руководителей разделов, создать творческие коллективы. Например, при работе над томом «Природа Архангельского Севера» главным редактором Н.М. Бызовой были назначены руководителями разделов специалисты по таким отраслям знаний, как геологическое строение и полезные ископаемые, рельеф, климат, воды, моря, почвы, флора и растительность, животный мир, окру-

жающая среда и человек. Научно-редакционный совет периодически заслушивал главных редакторов томов о ходе работы над энциклопедией.

Способ организации материалов был основан на расположении отдельных, не связанных между собой статей в алфавитном порядке. Название статьи выделялось жирным шрифтом. Ключевое слово – прописными буквами с указанием ударения. В датах давался вначале старый стиль, в скобках – новый. Использована система обратных ссылок, например, «**ГРУППА КОМПАНИЙ “УЛК”**, см. *Устьянский лесопромышленный комплекс*». На первое место в названии статьи выносилось ключевое слово. В томе «Природа Архангельского Севера» и частично в томе «Культура Архангельского Севера» в заголовках использовалась инверсия. Например, «**МЕСТОРОЖДЕНИЕ АЛМАЗОВ ИМЕНИ ЛОМОНОСОВА**, см. *Ломоносова имени алмазов месторождение*». В текстах применялась общепринятая в справочных изданиях система сокращений отдельных слов и словосочетаний, в списке сокращений и аббревиатур давалась их расшифровка. В большинстве случаев в конце статьи располагался справочно-библиографический аппарат, т. е. указывались источники (*Ист.*), сочинения (*Соч.*), литература (*Лит.*). Утверждена структура построения томов, каждый из которых начинался с распашного титульного листа на русском и английском языках, обращения к читателям и вступительной статьи. Так, в томе «История Архангельского Севера» она включает в себя следующие разделы: «Древняя история Поморья (до XII в.)», «Новгородско-Ростовский Север (XIII – конец XV в.)», «Архангельский Север в составе Российского государства (XVI–XVII вв.)», «Архангельская губерния в составе Российской империи (XVIII – начало XX в.)», «Архангельский Север в годы Первой мировой войны (1914–1918), Февральской и Октябрьской революций (1917) и Гражданской войны (1918–1920)», «Архангельская губерния, Северный край, Северная область, Архангельская область в годы социалистического строительства», «Архангельская область в годы Великой Отечественной войны (1941–

1945)», «Архангельская область в послевоенные десятилетия».

Редколлегия томов самостоятельно определяли персоналии земляков, чьи имена должны быть представлены в региональной энциклопедии. Прежде всего, это биографии уроженцев Поморья – общественных деятелей, ученых, исследователей Севера общероссийского и мирового уровня; Героев России, Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда; лауреатов государственных премий СССР и РФ; почетных граждан городов и районов; ветеранов войны, тружеников предприятий и сельского хозяйства, деятелей науки, культуры и искусства, здравоохранения, спортсменов, священнослужителей. Биографические статьи посвящены и тем, для кого Север стал второй родиной. Читатель найдет в энциклопедии биографии государственных и политических деятелей страны, посетивших Архангельский Север и внесших значительные изменения в социально-экономическую и культурную жизнь. Среди них В.В. Путин, Б.Н. Ельцин, Л.И. Брежнев, Н.С. Хрущев. В Поморской энциклопедии размещено 5630 биографических статей.

В работе над статьями Поморской энциклопедии участвовали 2578 авторов, среди них научные сотрудники вузов, специалисты и руководители предприятий и организаций области, журналисты, краеведы, архивисты, библиотекари, работники культуры. Практически все работы по написанию статей выполнялись на общественных началах. Под каждой статьей в энциклопедии стоят инициалы и фамилия автора или группы авторов.

Подготовленные материалы каждого тома проходили рецензирование ведущими учеными страны. Среди них доктора наук, профессора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Института российской истории РАН, Российской академии государственной службы при президенте РФ, Российской академии естественных наук и др. Перед тем, как сдавать рукопись очередного

тома в печать, проводилось ее общественное обсуждение. В течение двух месяцев читатели могли ознакомиться с текстом в Архангельской областной научной библиотеке имени Н.А. Добролюбова и Ломоносовском фонде, сделать свои замечания, высказать предложения или написать новую статью. Полученные замечания и предложения учитывались редколлегией на завершающем этапе. Например, более 300 замечаний было высказано при обсуждении тома «Города, районы, люди Архангельского Севера». Многие из них были учтены и внесены в рукопись. Всего на страницах Поморской энциклопедии опубликовано 11 467 статей.

В каждом томе Поморской энциклопедии особое место отведено статьям, раскрывающим вклад в развитие науки нашего земляка, первого академика-естествоиспытателя России Михаила Васильевича Ломоносова. Важным направлением ломоносовской мысли и деятельности был Российский Север, Арктика, Северный морской путь. Данные темы нашли свое отражение на страницах энциклопедии.

Научно-редакционный совет Поморской энциклопедии утвердил главным художником известного на севере скульптора, графика, живописца С.Н. Сюхина. Им были разработаны эскизы обложки, корешка, форзаца, полосы набора, подбран шрифт, формат издания. Каждый том имеет тематическое оформление суперобложки.

Редактированием, подготовкой томов «История», «Природа», «Города, районы, люди» к изданию занималось издательство ПГУ имени М.В. Ломоносова (директор В.П. Базаркина). Им разработаны требования к авторам по написанию статей, предоставлению фотографий, критериям отбора персоналий, проводились семинары для руководителей творческих коллективов. Но как показала практика, каждая

редколлегия имела свои особенности в работе с авторами, редакторами, полиграфистами.

Первым из печати в 2001 году вышел I том «История Архангельского Севера»¹ (главный редактор – доктор исторических наук, профессор В.Н. Булатов, составитель – кандидат исторических наук, профессор А.А. Куратов). В нем отражены основные этапы истории Архангельского Поморья с древнейших времен до конца XX века. Север был классическим районом свободного черносошного крестьянства. Здесь не было крепостного права. Стержневым принципом в освещении прошлого стало искреннее стремление к исторической правде. На международном научно-практическом семинаре, проходившем в Санкт-Петербурге в октябре 2003 года, I том энциклопедии «История Архангельского Севера» был назван в числе 5 изданий из разных регионов страны, «...претендующих на то, чтобы стать образцом для подражания...». Отмечалось, что эти энциклопедии «...не лишены недостатков (в работах такого масштаба их практически невозможно избежать). Но в них соблюдена жанровая чистота, чувствуется строгий надзор за авторами со стороны научных и издательских редакторов. В этих энциклопедиях высок уровень исполнительского мастерства, их устроители не уклоняются от решения самых трудных задач»². В издательстве Большой российской энциклопедии, куда мы периодически обращались за консультацией, были удивлены, что в такой перестроечный период университет рискнул первым издать том по истории Поморья. Конечно, редактировать было сложно, т. к. в некоторых статьях преобладала субъективная оценка истории. В 90-е годы прошлого века многие историки, в т. ч. и нашего университета, пытались пересмотреть свое отношение к историческим событиям и дать им собственную оценку. Приходилось неоднократно встречаться с авторами,

¹Поморская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Н.П. Лаверов. Т. I: История Архангельского Севера / гл. ред. В.Н. Булатов; сост. А.А. Куратов. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2001. 483 с.

²Акиншин А.Н., Ласунский О.Г. Региональные энциклопедии России // Проблемы создания региональных энциклопедий: материалы междунар. науч.-практ. семинара (СПб., 14–16 окт. 2003 г.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 40–54.

убеждать их в том, что подача материала в энциклопедии отличается от таковой в сборниках. Здесь не должно быть личной оценки событий или персоналии. В этом редакцию всегда поддерживали главный редактор и составитель. Выход тома стал событием в научной и культурной жизни региона. Об этом писали областные газеты, готовились передачи на телевидении и радио. На XXXI Ломоносовских чтениях в 2002 году авторскому коллективу тома «История Архангельского Севера» был вручен диплом лауреата премии имени М.В. Ломоносова администрации Архангельской области и мэрии города Архангельска.

Перед редколлекцией II тома «Природа Архангельского Севера»³ и главным редактором, кандидатом географических наук, профессором Н.М. Бызовой стояла задача – представить читателю общую характеристику природных условий и ресурсов Архангельской области, Ненецкого автономного округа и прилегающих морей Северного Ледовитого океана. И с этим они справились. По богатству и разнообразию природы Архангельская область является одной из уникальнейших территорий России. Здесь открыты месторождения алмазов, бокситов, полиметаллов, свинцово-цинковых руд, ведется их разработка. Щедрые природные ресурсы северных лесов, рек, морей всегда дарят людям красоту и достаток. Уделено внимание состоянию экологии в крае, медико-социальным аспектам проживания человека на Севере. Том издан в 2007 году, и его достойно оценили на областном и российском уровне. Издательству ПГУ были вручены дипломы победителей VI областного конкурса «Книга года – 2007» и IV Общероссийского конкурса учебных изданий для высших учебных заведений «Университетская книга – 2008».

Четвертый том – «Культура Архангельского Севера»⁴ (главный редактор – доктор педагоги-

ческих наук, профессор Т.С. Буторина) вышел из печати в 2012 году. Том посвящен богатейшей истории культуры Архангельского Севера. В нем представлены сведения о важнейших направлениях развития науки, образования, искусства и народного художественного творчества, литературно-публицистической деятельности, физической культуры и спорта. Особое место занимают материалы о нашем великом поморе – Михаиле Васильевиче Ломоносове, о развитии ломоносоведения. Рассказывается о людях, обогативших своей деятельностью социально-культурную сферу региона в разные временные периоды. Среди них академик Ж.И. Алферов, писатель Ф.А. Абрамов, государственный деятель А.Л. Кудрин, хирург-офтальмолог С.Н. Федоров, тяжелоатлет В.И. Алексеев и др. Подбором материалов, редактированием статей для энциклопедии занимались редколлекция тома «Культура Архангельского Севера» во главе с бессменным главным редактором – Т.С. Буториной, сотрудники Архангельского государственного технического университета (АГТУ).

В 2010 году на базе АГТУ был создан Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (САФУ), куда путем присоединения вошли ПГУ, Севмашвуз, филиал Всероссийского заочного финансово-экономического института и другие учебные заведения. Продолжение работы над томом «Культура Архангельского Севера» было возложено на сотрудников созданного в 2010 году Ломоносовского института САФУ. Изготовлением оригинал-макета, подбором иллюстративного материала и его обработкой занималось открытое акционерное общество (ОАО) «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера»» (директор Е.Н. Симонова). На областном конкурсе «Книга года – 2012» оно признано победителем в номинации «Лучшая книга о Русском Севере» за подготовку тома к изданию.

³Поморская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Н.П. Лаверов. Т. II: Природа Архангельского Севера / гл. ред. Н.М. Бызова. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2007. 603 с.

⁴Там же. Т. IV: Культура Архангельского Севера / гл. ред. Т.С. Буторина. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2012. 663 с.

Пятый том «Города, районы, люди Архангельского Севера»⁵ (главный редактор – доктор философских наук, профессор Е.В. Кудряшова) издан в 2016 году. Сложность работы заключалась в том, что на протяжении более 20 лет сменилось несколько главных редакторов. Необходимо было в каждом городском округе, муниципальном районе создать творческий коллектив, определить руководителя (как правило, это были заместители глав администраций), утвердить словник и собрать необходимый материал. Если в городах эти вопросы трудно, но решались, то в районах, особенно отдаленных, возникали проблемы даже при составлении словников. Членам редколлегии V тома вместе с редакторами приходилось выезжать на места, проводить семинары, оказывать помощь в написании статей. Например, на Новую Землю был специально командирован опытный журналист, член редколлегии В.Ф. Толкачев, где он с руководством муниципального округа, командованием Центрального полигона смог подготовить в энциклопедию вступительную статью и более 40 статей об архипелаге. Большую помощь в написании статей о развитии космоса оказало командование космодрома «Плесецк». Северодвинские авторы рассказывали о строительстве и ремонте подводных и надводных кораблей и судов, строительстве морских буровых платформ, утилизации атомных подводных лодок на предприятиях, входящих в состав АО «Объединенная судостроительная корпорация»: АО «ПО «Севмаш»», АО «ЦС «Звездочка»», АО «СПО «Арктика»».

В итоге 2855 статей вошли в том «Города, районы, люди Архангельского Севера». Это информационно-аналитические материалы об Архангельской области в ее современных границах и о существующих в настоящее время административно-территориальных образованиях. Рассказывается об особенностях их исторического развития, природных условиях, современной экономической обстановке, социальной инфра-

структуре. Например, читатель найдет в энциклопедии описание флагов, гербов Архангельской области, Ненецкого автономного округа, 7 городских округов, 19 муниципальных районов, а также тексты гимнов. В справочном аппарате представлены полные списки Героев Российской Федерации, Героев Советского Союза, кавалеров ордена Славы, Героев Социалистического Труда – уроженцев и жителей Архангельской области с указанием дат присуждения звания, подготовленные сотрудниками Государственного архива Архангельской области. Учитывая, что этот том являлся завершающим, в его справочный аппарат был включен алфавитный список статей Поморской энциклопедии I–IV томов. Подготовкой к изданию с 1995 года занималось издательство ПГУ, с 2011 (в связи с присоединением ПГУ к САФУ) – редакция Поморской энциклопедии САФУ. Внимание было сосредоточено на продолжении сбора обновленного материала от Архангельска, Северодвинска, Мирного, уточнении фактического материала, переписке с архивами городов и районов области, архивами страны. Отредактированные материалы обязательно отправлялись на согласование главам администраций.

САФУ награжден дипломом XV конкурса «Книга – 2016» для издателей и полиграфистов Архангельской области за подготовку к изданию тома «Города, районы, люди Архангельского Севера». Ректор САФУ, главный редактор тома Е.В. Кудряшова и главный редактор редакции Поморской энциклопедии В.П. Базаркина стали лауреатами премии имени М.В. Ломоносова администрации Архангельской области и мэрии города Архангельска за подготовку и издание V тома Поморской энциклопедии.

Не все так гладко шло при создании III тома «Экономика Архангельского Севера»⁶ (главный редактор – доктор химических наук, профессор О.М. Соколов). В нем отражена социально-экономическая картина Архангельского Севера с

⁵Поморская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Н.П. Лаверов. Т. V: Города, районы, люди Архангельского Севера / гл. ред. Е.В. Кудряшова. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2016. 1007 с.

⁶Там же. Т. III: Экономика Архангельского Севера / гл. ред. О.М. Соколов. Архангельск: Арханг. гос. техн. ун-т, 2006. 636 с.

древнейших времен до конца XX века, включены статьи о хозяйственном развитии Поморья в условиях различных общественно-экономических формаций, развитии экономических наук, внешнеэкономических связях поморов. Раскрыта пространственная организация производства на базе отраслей, промышленно-транспортных узлов, территориально-производственных комплексов. Начиная с 1993 года в руководстве редколлекцией четырежды менялись главные редакторы. Редактированием и подготовкой к печати тома занималось издательство АГТУ. Редколлегия тома и издательство АГТУ пошли в разрез с концепцией Поморской энциклопедии: статьи были размещены не по алфавитному, а по тематическому принципу (в результате получился сборник). Наличие тематических разделов не только не облегчает поиск необходимой информации, но делает его заведомо затрудненным. В нескольких статьях использовался один и тот же заголовок, что мешало поиску необходимой статьи. Отдельно от основного текста вынесен раздел персоналий. При определении объема этих статей не учитывался вклад людей в развитие экономики Архангельского Севера. Требовалось серьезное, вдумчивое редактирование многих статей. Научно-редакционный совет Поморской энциклопедии рекомендовал главному редактору не торопиться с изданием III тома. Однако зимой 2006 года он вышел из печати. В феврале 2023 года принято решение приступить к работе по исправлению, дополнению и переработке тома «Экономика Архангельского Севера».

Все 5 томов Поморской энциклопедии печатались на базе ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера»». В средствах массовой информации постоянно освещались вопросы о ходе работы редколлекции над энциклопедией.

При работе над Поморской энциклопедией в городах и районах Архангельской области было собрано много краеведческого материала. Часть его вошла в региональную энцикло-

педию. На основе собранного материала были изданы энциклопедические словари в Красноборском, Мезенском, Плесецком, Каргопольском, Виноградовском и Холмогорском районах. Осуществлено второе переиздание энциклопедического словаря «Ненецкий автономный округ».

В 2019 году было принято решение об издании персональной энциклопедии о великом поморе – М.В. Ломоносове⁷. Опыт, накопленный при работе над Поморской энциклопедией, помог редколлекции за два года подготовить, отредактировать и издать том «Михаил Ломоносов». На заседании Ломоносовского фонда было принято решение: считать его продолжением Поморской энциклопедии. В этом томе собраны наиболее интересные для самой широкой публики сведения о детских годах жизни Михаила Ломоносова, о его плавании с поморами на рыбные промыслы, об учебных заведениях, где учился юноша, о людях, которые пробудили у него интерес к науке. Читателю предлагается информация о земле, взрастившей будущего гения. Специальные статьи посвящены людям из ближайшего окружения великого помора. Архангельские ученые с позиций XXI века рассматривают вклад Ломоносова в науки. Особое место в энциклопедии занимают статьи, рассказывающие об организациях и учреждениях, находящихся на родине российского академика и носящих его имя; географических объектах, мероприятиях (премиях, конференциях, экспедициях, чтениях), организованных и проведенных на Архангельском Севере, посвященных памяти земляка. В книге помещены биографии известных на Севере людей, которые продолжают исследовать жизнь М.В. Ломоносова, развивать науку на родине ученого, пропагандировать его гениальные идеи, хранить память о них, заниматься просветительской деятельностью, направленной на возрождение лучших традиций российской науки, культу-

⁷Михаил Ломоносов: Поморская энциклопедия / гл. ред. Е.В. Кудряшова; сост. В.П. Базаркина. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2022. 605 с.

ры, просвещения на Русском Севере. Книга снабжена богатым иллюстративным материалом. Презентации Ломоносовской энциклопедии состоялись в САФУ, библиотеках Архангельска и Северодвинска. Издание тома отмечено премией Ломоносовского фонда (2022), признано победителем конкурса «Книга – 2022» для издателей и полиграфистов Архангельской области в специальной номинации «Именные земляки». Летом 2023 года том «Михаил Ломоносов» подарен Заиконоспасскому ставропигиальному мужскому монастырю (Москва), в котором располагалась

Славяно-греко-латинская академия, где учился наш великий земляк.

Обобщая опыт работы над Поморской энциклопедией, накопленный за 30 лет, можно сказать, что региональная энциклопедия как вид издания является отражением социальных, политических, экономических, научных, образовательных, просветительских, культурных и других особенностей жизни Архангельского Севера и степени самосознания его населения на разных этапах жизни страны. Это своего рода подведение итогов развития региона от древних времен до настоящего времени.

DOI: 10.37482/2687-1505-V314

Elena V. Kudryashova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0684-3856> e-mail: e.kudryashova@narfu.ru

Valentina P. Bazarkina

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy Buyan 1, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5866-8654> e-mail: v.bazarkina@narfu.ru

COMPILING THE *POMOR ENCYCLOPAEDIA* IN THE ARKHANGELSK REGION: HISTORY, EXPERIENCE AND CHALLENGES

This article dwells on the process of creating the five-volume *Pomor Encyclopaedia*. This regional encyclopaedia combines and structures current knowledge about the most significant events in the history, economy and culture of the Arkhangelsk Region, as well as about its geography and nature. The fundamental publication involved deep research into the key problems of Pomorye and can be credited with well-designed biographical entries and carefully selected bibliography. In addition, the authors highlight the difficulties that arose in the course of such a large-scale project.

Keywords: *Arkhangelsk Region, M.V. Lomonosov, Lomonosov Fund, Pomor Encyclopaedia, Pomorye.*

Поступила 07.09.2023
Принята 17.11.2023
Опубликована 25.12.2023

Received 7 September 2023
Accepted 17 November 2023
Published 25 December 2023

For citation: Kudryashova E.V., Bazarkina V.P. Compiling the *Pomor Encyclopaedia* in the Arkhangelsk Region: History, Experience and Challenges. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 130–137. DOI: 10.37482/2687-1505-V314

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ в 2023 году**

№ 1

Бражникова И.Е. Национальная идентичность и ее языковая репрезентация в мексиканском лингвокультурном пространстве

Ганин А.В. «Носович и Ковалевский – люди политически ненадежные»: воспоминания С.С. Иоффе о работе высшей военной инспекции на Юге России в 1918 году

Голдин В.И. Высшее педагогическое образование на Архангельском Севере: вехи истории и современность

Голдин В.И., Суслов А.Ю. Новая книга об истории индивидуального политического террора в годы Гражданской войны в России

Махаматов Т.М. Диалектика экзистенциальной сущности индивида

Олейник В.А. Проблема корреляции бытия и времени: онтологическая роль феномена бытия-виновным в концепции Dasein М. Хайдеггера

Осипов С.В., Вязьмитинов М.Н. Возрождение производства наградных знаков в послереволюционной России (1918–1930-е годы)

Попова О.Д. Горничные, денщики, прачки и другая прислуга в мире российской повседневности рубежа XIX–XX веков

Сапиева С.К. Языковая номинация и проблема ее ономазиологического исследования

Терещук А.А. Рамон Кабрера на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в 1833–1840 годах

Ушла из жизни Татьяна Сергеевна Нифанова. Слова прощания

Хатанзейский А.В. Бронетехника ленд-лиза в операции «Багратион» (23 июня – 29 августа 1944 года)

Яковлева Е.Л. Разрушение ауры искусства в творчестве Энди Уорхола

№ 2

Аксюткина З.А. Социально-философская трактовка социальности как универсальной категории

Голдин В.И. Украина, Россия, Евросоюз и США: размышления над уроками истории и современной геополитикой

Дмитриева Е.А. Метафоризация судебного заседания в терминах войны в американском и канадском национальных вариантах судебного дискурса. Сравнительный анализ

Ерохин В.С. Нормативная природа персональной идентификации

Коршунков В.А. Путь к Белому морю в XIX веке. Статья 1: Состояние дорог и условия перевозок

Левитская А.А. Особенности выражения значения результативности глаголами специально-результативных способов действия в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским)

Лукьянов В.Ю. Проблема «несостоявшегося государства» во внешней политике России и США в конце XX – начале XXI века

Мартин Э. Метафизический разрыв: критический анализ идеи технологической сингулярности

Марьянчик В.А., Попова Л.В., Шестакова Т.Э. Международная научно-практическая конференция «Филологическое образование в условиях взаимодействия вузов», Архангельск, САФУ, 13–14 февраля 2023 года

«Наставник, открывающий двери в большой исторический диалог» (К юбилею профессора, доктора филологических наук Николая Ипполитовича Николаева)

Памяти выдающегося историка А.Л. Литвина

Петев Н.И. Игровой аспект мифологии: вопрос генезиса, постановочность и опыт

Сапан И.Е. Общественное мнение и публичное пространство: проблема смысловой взаимосвязи в рамках системно-коммуникативного подхода

Сухомлинова М.А. Дискурс как результат межстилевого взаимодействия: случай религиозно-церковной русско- и англоязычной коммуникации

Сысоев М.С. О связи трудной проблемы физикализма и комбинаторной проблемы панпсихизма
Хромцова Т.В. Подготовка командных кадров для морского торгового флота во второй половине XIX века (на материалах Архангельской губернии)
Шуняков Д.В. Награждение сотрудников правоохранительных органов в предвоенный период (1933–1941)

№ 3

Василенко А.П., Елисеева А.В. Образная диада «ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ» в афористическом фонде языка как отражение социально-политического кода культуры
Галимуллина А.Р. Функционально-грамматический максимализм инфинитивной поэзии Иосифа Бродского
Голубев И.С. Теоретико-методологические аспекты проблемы раннего государства: социально-философский анализ
Декатова К.И. Вариантность политических фразеологизмов
Коршунков В.А. Путь к Белому морю в XIX веке. Статья 2: Торговые перевозки по сухопутным дорогам
Левитская А.А. Общезерезультативный способ действия в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским)
Лютаева М.С. «Живая религия» и «вернакулярная религия». Проблема концептуализации терминов
Мальцев К.Г., Мальцева А.В., Ломако Л.Л. Граница политического пространства: опыт истолкования в горизонте двух парадигм политического
Пашин В.П. Договорное и фактическое положение белой эмиграции, участвовавшей в Гражданской войне в Китае в 1920-е годы
Прилуцкий А.М. Образ «грядущего царя» и мифологемы современного эсхатологического монархизма
Соловьева А.Н. Символические ресурсы локальных культур в экономике впечатлений
Столетова А.С. Хозяйствование на земле в условиях новых потребительских запросов российского социума периода 1960–1980-х годов

Чернышов С.А. Строгановское «Присоединение Сибири» в военно-хозяйственных и коммуникативных практиках

Ширшикова А.А. Перекрестная функционально-синтаксическая омонимия предлогов: сущность, роль и место в системе языка

№ 4

Афанасьева М.А. Цифровизация религиозного сознания: проблемы и перспективы
Ахметгареева О.Ф. Идеологический компонент военного дискурса

Бакина А.Д., Федуленкова Т.Н. Простые и сложные окказиональные преобразования библейских фразеологизмов в произведениях У. Шекспира

Воякина Е.Ю. Метафтонимические проекции в цифровом мультимодальном дискурсе

Голдин В.И. Первый российско-белорусский форум историков

Даренская В.Н. Анализ экзистенциалов как антропологических категорий в позднесоветской философии

Загуменнов А.В. Об оформлении комбинаций ноем посредством сложных слов: лингвоперсонологический аспект

Канеева А.С. Характеристика компонентов лексико-семантического поля «ландшафтная архитектура» с учетом их места в терминосистеме (на материале английского языка)

Макеева С.Б. Роль внутренней трудовой миграции в истории Дацинского нефтяного месторождения (1949–1978 годы)

Макулин А.В., Мирелли М.А. Глобальные векторы и образы «мягкой силы» в науке и образовании: социально-эпистемологические аспекты

Теребихин Н.М. Северо-восточный текст русской геоисториософии, геопоэтики и сакральной географии

Трошина Т.И. Трудовые отношения и конфликты на концессионных предприятиях лесной промышленности Архангельской губернии в 1920-е годы

Федуленкова Т.Н. Проблемы парадигматических отношений в терминологии

Ю Е.Д. Рефлексия латиноамериканских социологов в репрезентации культурно-общного языкового ареала

Юрьева А.В. Метафора «новизны» в современном архитектурном пространстве

№ 5

Архипова И.В. Семантический потенциал немецких девербативов сквозь призму таксиса

Белошицкая Н.Н. Специфика драматургической тональности дискурса (на примере новостного корпоративного дискурса)

Василенко А.П., Коренькова С.А. Семантика акциональности в аспектах этнополитического пространства (на примере устойчивых оборотов русского и английского языков)

Иваненко А.И. Герменевтика труда

Крайнов А.Л. Homo Digitalis как продукт цифровизации

Макулин А.В., Казиев Н.Р. Феноменология братства и побратимства: от парадипломатии к цифровым двойникам городов

Мальцева Л.Г. Нормативно-стилистическая характеристика фразеологических единиц в учебной лексикографии (на материале немецкого и русского языков)

Мартин Э. Антиантропологизм в современной западной философии

Новиков Н.С. Катастрофическое сознание: краткий обзор проблемы

Осипов Н.А. Сравнительный анализ политики украинизации в 1920–1930-е годы на территории юго-восточных округов УССР и Кубанского округа Северо-Кавказского края РСФСР

Родина Н.А. Полевой подход в рассмотрении ономастического фрагмента языковой личности военнослужащего

Филиппов А.К. Балтийские заимствования в *Stratagema Oeconomicum* С. Губерта и их лексические эквиваленты

Чунин П.А. Политика раскулачивания рыболовецких и оленеводческих хозяйств в Мурманском округе Ленинградской области в 1930-е годы

Шпека К.А. Прогресс во всемирной истории. Так был ли мальчик?

№ 6

Аула Е.Р. Феномен добровольчества в современном российском обществе (социально-философский анализ)

Богомолов И.К. «Обратить печатное слово в мощного союзника...»: проект премьер-министра И.Л. Горемыкина по преобразованию военной цензуры (1915)

Буркова Т.А. Идеологические ойкодублеты в истории этносоциума

Голдин В.И. Национальный форум историков: состояние, актуальные проблемы и перспективы исторического образования и науки в России

Илюхина Н.А. Сдвиг фокуса внимания в проекции на язык и речь

Кочкин А.А. Трансгрессия как средство понимания границ форм занятий в образовательных организациях МВД России

Кудряшова Е.В., Базаркина В.П. Создание «Поморской энциклопедии» на Архангельском Севере: история, опыт и проблемы

Малагин Д.В., Курбанов И.А. Метафорическое моделирование образа президента США Джо Байдена в англоязычном политическом медиа-дискурсе

Маршевская В.В. Дифференциальные признаки глагольных фразеологизмов белорусского языка со значением деятельности и отношения

Махаматов Т.М., Маматов М.А. Диалектика освоения подрастающим поколением традиционных ценностей в условиях неоглобализации

Павловская О.Е., Ильина Л.Е. Энтропия текста как рассеивание смысла

Паникар М.М. Процессы трансформации международного Арктического региона: новые геополитические контуры

Характеров Н.О. Историческая реконструкция войны как игровая, научная и образовательная практика

Шайхисламов Р.Б. Историческая память и современность: Башкортостан и Донбасс в годы Великой Отечественной войны

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Бедина Н.Н., кандидат филологических наук, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Белошицкая Н.Н., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Воскресенская Е.Г., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики обучения иностранным языкам Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского;

Гайда Ф.А., доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Гумовская Г.Н., доктор филологических наук, профессор, профессор-исследователь Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва);

Ерхов Г.П., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики Донецкого государственного университета;

Зайков К.С., доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, проректор по информационной политике, международному и межрегиональному сотрудничеству Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Иванов А.А., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета;

Кринко Е.Ф., доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией истории и этнографии, заведующий отделом гуманитарных исследований Федерального исследовательского центра «Южный научный центр Российской академии наук» (г. Ростов-на-Дону);

Макулин А.В., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Маслобоева О.Д., кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

Мызников С.А., доктор филологических наук, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики Института славяноведения Российской академии наук (Москва), заведующий кафедрой уральских языков, фольклора и литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург);

Новиков Н.С., кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации;

Поломошнов А.Ф., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин Отечества Донского государственного аграрного университета (Ростовская обл., Октябрьский р-н, пос. Персиановский);

Рацибурская Л.В., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;

Сандакова М.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;

Семенькевич О.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языка и литературы Минского государственного лингвистического университета (Республика Беларусь);

Сергунин А.А., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры политологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;

Сорокин С.Э., доктор философских наук, доцент, проректор по социальным вопросам и воспитательной работе Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Трошина Т.И., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Фаритов В.Т., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета;

Хазиев Р.А., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения Уфимского университета науки и технологий;

Шевцова А.К., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романо-германской филологии Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова (Республика Беларусь);

Шелестюк Е.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета;

Щербак А.С., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области языкознания, философии, а также истории и археологии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия, инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются по середине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: 10–15 страниц, обзорных статей – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно указать количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторах также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Резюме	<p>Предоставляется на русском и английском языках (кроме статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография»). Резюме должно быть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – информативным (не содержать общих фраз); – оригинальным; – содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированным (следовать логике описания результатов в статье); – компактным (укладываться в объем от 200 до 250 слов).
Аннотация	Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию (объем 50–100 слов).
Ключевые слова	После резюме (аннотации) указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	<p>Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).</p> <p>– Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59];</p> <p>в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: библиография. М., 1961.</p> <p>– Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.;</p> <p>в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М., 1990. 175 с.</p>
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.